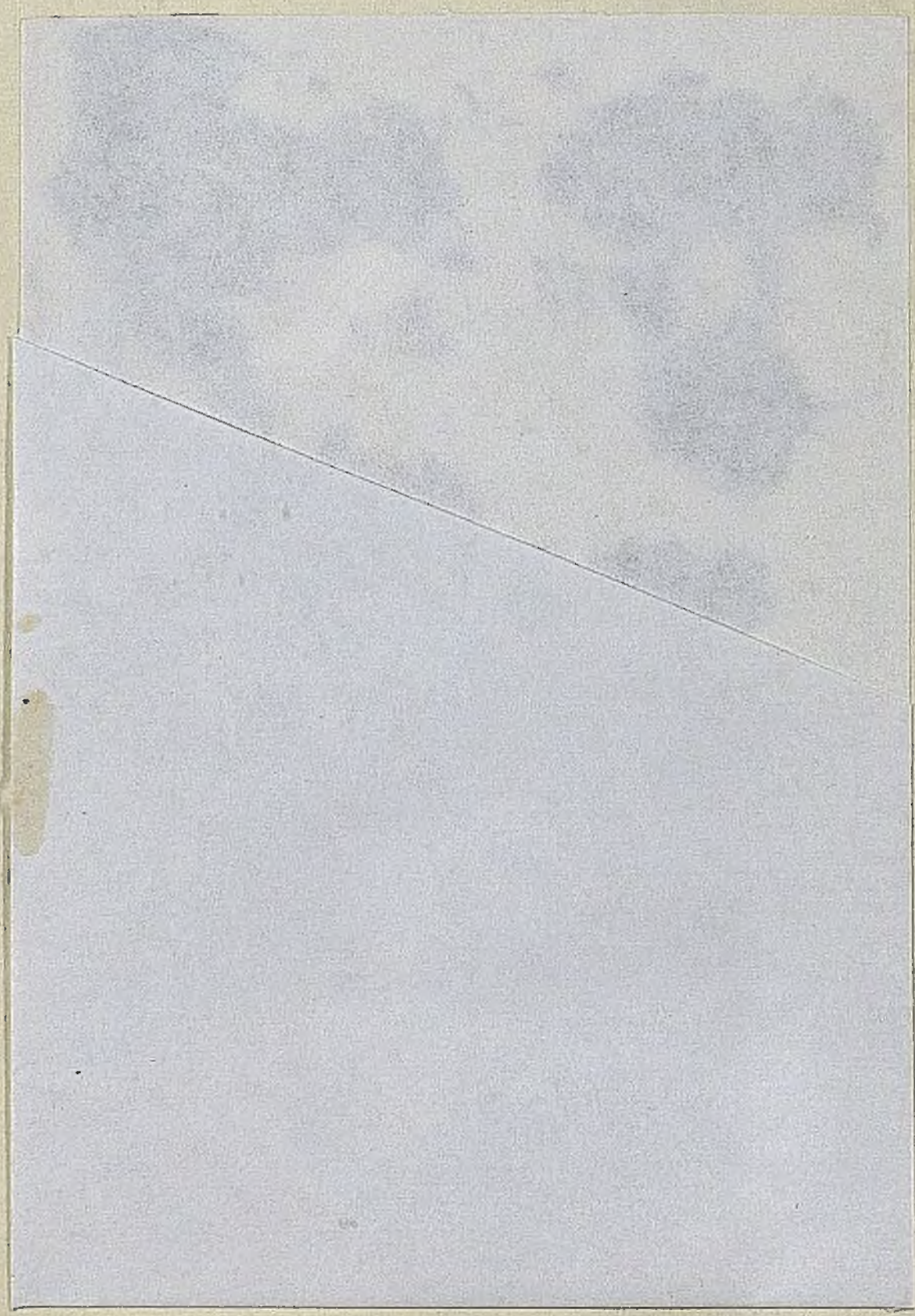
Р1 459

А. ВЕТЛУГИНЪ

АВАНТЮРИСТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПАРИЖЪ

1921



459

А. ВЕТЛУГИНЪ

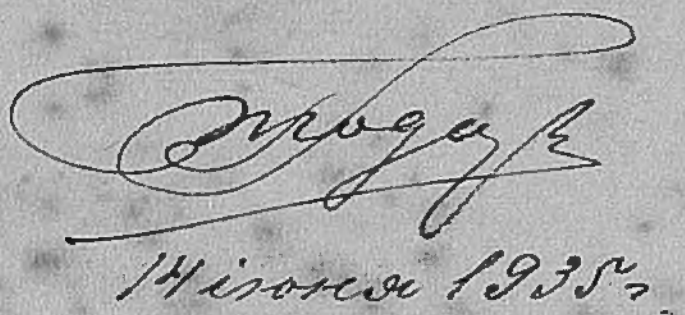
АВАНТЮРИСТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПАРИЖЪ
1921

Всѣ права закрѣплены за Русскимъ Книгоиздательствомъ
въ Парижѣ «СѢВЕРЪ».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
21853 1939 г.
66181-46 у

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Bd Raspail, Paris.



«...Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ мученицъ гильотины просила у подножья эшафота, чтобы записали мысли, вдохновлявшія ее.

...Я вижу провокатора Клея, палача Дефаржа, безумную женщину Мщеніе, раболѣпствующихъ кровавыхъ судей, ряды новыхъ и новыхъ притѣснителей, поднявшихся на трупахъ старыхъ и въ свою очередь погибающихъ подъ тѣмъ же роковымъ орудіемъ мести... Я вижу прекрасную страну и великую націю подымающимися изъ этой пропасти... Я вижу, какъ среди настоящихъ пораженій и будущаго торжества мрачное зло, порожденное прошлымъ, постепенно сглаживается и исчезаетъ».

Чарльзъ Диккенсъ: «*Повѣсть о двухъ городахъ*».

PARIS - BATTLEFIELDS.

PARIS - BATTLEFIELDS.

Въ девять часовъ утра къ центральной парижской конторѣ Кука на place d'Opera подкатываютъ три, четыре автобуса. Дощечки — Paris — Battlefields — указываютъ, что они предназначены для осмотра путешественниками, кліентами Кука, полей сраженій міровой войны. Каждой американкѣ съ безнадежнымъ профилемъ, каждому англичанину, потерявшему сына, каждому японцу, страдающему азіатской формой островного сплина,предоставляется возможность за 550 франковъ убѣдиться въ разрушеніи Реймскаго собора, погулять въ траншеяхъ Вердена, взять на память горсть суглинка съ поляны, на которой находился старикъ Жоффръ въ критическіе часы Марны.

Омлетъ и вино, дневной чай и безконечный обѣдъ Томасъ Кукъ великодушно включаетъ въ ту же цифру, и поздно вечеромъ путешественникъ вернется въ Парижъ, ошеломленный утомительностью историческихъ прогулокъ, сытый, разбитый, съ единственной мечтой — выспавшись тридцать шесть часовъ подрядъ, воздержаться отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ поѣздокъ.

...На этотъ разъ въ автобусѣ оказался американецъ-скептикъ. Въ Верденѣ онъ отправился безъ всякихъ стѣсненій въ трактиръ и всѣ четыре часа игралъ съ сыномъ трактирщика на билліардѣ, категорически отказавшись отъ траншей, фортовъ и автографовъ маршаловъ. Въ Ля-феръ-Шампенуазъ онъ просто-на-просто вытянулся на освободившейся скамейкѣ и захрапѣлъ во всю силу заокеанской носовой завертки. За обѣдомъ онъ назвалъ Кука болваномъ, Гардинга старой ханжей и усомнился въ будущемъ Европы... Но послѣдній сюрпризъ былъ имъ преподнесенъ за дессертомъ. На чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, съ презрѣніемъ прожевывая банань и какъ-бы продолжая начатый разговоръ, онъ кинулъ мнѣ черезъ весь столъ: «Воображаю, что-бы запѣла эта старая обезьяна изъ Нью-Кастля, если-бъ ее сунули носомъ въ русскіе бэттлфильдсъ»!..

Немного удивленный, я подтвердилъ, что поля Волыни и Галиціи не уступаютъ полямъ Франціи.

«Къ чорту Галицію и Волынь — возразилъ неугомонный американецъ — я говорю про вашу гражданскую войну. Я-бы имъ показалъ Знаменку, Донецкій бассейнъ, станицы Терека»!..

И американецъ въ томъ-же энергичномъ тонѣ разсказалъ, что онъ жилъ въ Россіи, былъ представителемъ какихъ-то молотилокъ и трак-

торовъ; во времена Деникина явился съ миссіей Краснаго Креста, какъ спеціалистъ по русскимъ дѣламъ; узналъ все и всѣхъ, включая Махно, Струка, генерала Мамонтова и работу на оборону.

«Одно меня удивляетъ — сказалъ онъ въ заключеніе разговора — я понимаю самыя дикія вещи. Я понимаю, что мы, американцы, настолько богаты, что могли позволить себѣ роскошь восемь лѣтъ подрядъ имѣть президентомъ идіота; я понимаю, почему можно занять Германію вплоть до Фридрихштрассэ и все-же не получить ни одного пфенига контрибуціи; я понимаю, какъ малышъ Карпантье разбилъ морду гиганту Левинскому. Но шикарности этихъ русскихъ, которые каждый городъ превращаютъ въ бэттлфильдсъ, я никакъ не пойму. Въ чемъ дѣло? Что за наклонности милліардера у вашихъ вшивыхъ нищихъ?»

Я опустилъ голову, поковырялъ ножомъ въ солонкѣ и сталъ разспрашивать о молоденькой женѣ 72-лѣтняго патріарха американскихъ рабочихъ, Самуила Гомперса.

Но представителя тракторовъ не такъ-то легко было сбить съ позиціи. Его требованія зашли такъ далеко, что онъ заинтересовался судьбой атамана Балбачана, главы «лѣвобережной зализницы», и точнымъ числомъ погромовъ, произведенныхъ въ Знаменкѣ со времени его отъѣзда изъ Россіи...

Я удовлетворялъ, какъ могъ, его любопытство, я разсказывалъ до тѣхъ поръ, пока гулъ нашего мотора не заглушилъ моихъ словъ и американецъ на прощанье не взялъ моего парижскаго адреса.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, но стоитъ намъ встрѣтиться, какъ снова и снова мы блуждаемъ по русскимъ бэттлфильдсъ. Одно имя вызываетъ сотню другихъ; крошечный штришокъ, воспоминаніе о характерной фразѣ Троцкаго, Григорьева, казачьихъ вождей воскрешаетъ эпоху, громоздитъ такіе вороха невѣроятныхъ событій, что, кажется, изъ этого лабиринта не выйдешь.

И этого сознанія, затаеннаго, проклятаго, укусившаго душу ненавистью, бѣшенствомъ, звѣриной скорбью — не изживешь, не перейдешь, пока живъ будешь...

Хочется молиться, чтобъ отшибло память, обрѣзало концы *той* жизни, чтобъ по ночамъ на асфальтахъ залитой электрическими солнцами Concorde какой-то голосъ не шепталъ: и здѣсь еще будетъ то самое, и здѣсь еще прольется кровь и станетъ сплошное бэттлфильдсъ.

«Пустяки, плевать! — утѣшаетъ меня мой мудрый, все понимающій американецъ — человѣческая жизнь не перецъ, ея вездѣ достаточно»!..

Парижъ, 20 апрѣля 1921.

ПРОДАВЦЫ ШПАГЪ.

I.

Восемнадцатое ноября тысяча девятьсотъ семнадцатаго оказалось рѣшающимъ днемъ. За сутки предопредѣлились пути вождей арміи.

На рысяхъ, съ полкомъ текинцевъ Корниловъ, освобожденный приказомъ Духонина, двинулся къ далекому Югу, пробиваясь сквозь огневыя завѣсы бронепоѣздовъ, стараясь по ночамъ передвигаться вязкими грунтами Полѣсья.

Въ кургузой тройкѣ, смазныхъ сапогахъ, во второмъ классѣ едва ползущаго «скораго», уѣзжалъ Деникинъ, и солдаты, штурмовавшіе вагонъ, обращаясь къ нему, говорили: «А ну, почтенный купецъ, пододвинься». Романовскій, въ солдатской формѣ съ солдатскими документами, изображалъ денщика при собственномъ адъютантѣ. Остальные быховскіе узники разбѣжались, кто куда и кто какъ изловчился.

А въ это время освободитель быховскихъ узниковъ,послѣдній верховный въ глубокой нерѣшительности ходилъ по огромному кабинету, въ которомъ годъ назадъ царь совѣщался съ Гурко о планѣ весенняго наступленія. Георгіевскій кавалеръ, стоявшій на часахъ у главнаго хода, ви-

дѣлъ въ полуосвѣщенномъ окнѣ стройный силуэтъ Духонина. Еще черезъ часъ, къ заднему крыльцу подкатилъ безшумный « Rolls-Royce », изготовленный по спеціальному заказу Николая Николаевича. Въ штатскомъ черномъ пальто съ барашковымъ воротникомъ Духонинъ вышелъ на крыльцо, направился къ автомобилю, занесъ ногу на подножку каретки, неожиданно рѣзко повернулся и вернулся во дворецъ. Вызванному дежурному офицеру верховный сообщилъ, что бѣжать не хочетъ и будетъ ждать завтрашняго пріѣзда Крыленки съ матросами. Одновременно онъ приказалъ не оказывать никакого сопротивленія.

Черезъ восемнадцать часовъ изуродованный трупъ Духонина былъ брошенъ подъ товарный вагонъ; матросъ Стебельчукъ — восемнадцатилѣтній долговязый парень — угрожая ручной бомбой, не разрѣшалъ убирать трупъ. Толпа, совершившая самосудъ, расползлась по вокзалу въ поискахъ другихъ чиновъ штаба. На перронѣ, въ самомъ углу у пакгауза, на складномъ стульчикѣ сидѣлъ небольшой человѣкъ, съ молодымъ лицомъ, сѣдыми растрепанными волосами, въ сѣрой шинели безъ погонъ. Зажавши обѣими ладонями голову, онъ судорожно всхлипывалъ. Николай Васильевичъ Крыленко еще въ университетѣ отличался слабыми нервами и перешелъ съ медицинскаго на филологическій изъ-за отвращенія къ трупамъ.

Поплакавъ, онъ проѣхалъ во дворецъ и началъ разбираться въ дѣлахъ ставки при помощи новаго начальника штаба Михаила Дмитріевича Бончъ-Бруевича, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта и родного брата управляющаго дѣлами совнаркома.

Прологъ окончился. Занавѣсъ поднялся. Начиналось трагическое русское дѣйство.

Смерть Духонина, равная самоубійству; и въ отвѣтъ на нея прозвучатъ и прокатятся по всей Россіи выстрѣлы Скалона (эксперта въ Брестѣ) и Каледина (принца Гамлета и атамана донского казачества). Такова линія усомнившихся и разочарованныхъ. Черезъ годъ къ нимъ присоединится еще одинъ, чей образъ тусклый и загадочный забытъ всѣми. Для перваго вождя возставшихъ терскихъ казаковъ — генерала Мистулова, покончившаго самоубійствомъ въ тотъ день, когда Прохладненскіе казаки отказались драться — для Мистулова до сихъ поръ не нашлось ни слова, ни слезы.

Другая линія — борьба до конца. Вѣря и невѣря, проклиная и любя, пройдутъ герои Великой Армады. Корниловъ съ его мыслью объ «истинномъ сынѣ своего отечества»; Алексѣевъ, осторожный, мудрый, скептичный, убѣжденный, что иначе нельзя, значитъ нужно такъ, какъ идетъ; и богъ войны, неукротимый Марковъ: «бросайте ученые кабинеты. Ваше счастье въ

ратномъ подвигѣ, на спинѣ прекрасной лошади» (изъ рѣчи Маркова въ академіи).

И третья линія, начатая Бончъ-Бруевичемъ. Русскіе Моро и Пишегрю, Гоши и Дюмурье. Русскихъ потомковъ соблазнилъ незабываемый звонъ золотыхъ революціонныхъ карьеръ.

Они сыграли на красную лошадь. Домчитъ-ли?

II.

Мы въ февралѣ 1918. Гофманъ уже стучалъ по брестскому столу, а Троцкій, бросивъ въ отвѣтъ: «не воюемъ и не подписываемъ мира», умчался обратно въ Питеръ. Корпуса Эйхгорна топочутъ по Украйнѣ и одновременно наступаютъ въ направленіи ст. Бологое, грозя прервать связь двухъ столицъ.

Въ Смольномъ паника. Ленинъ заперся въ кабинетѣ и диктуетъ обращеніе по прямому проводу къ Гофману. Троцкій и Подвойскій назначаютъ бывшихъ посѣтителей Ротонды комиссарами казармъ, арсенала, складовъ. Изданъ приказъ, угрожающій разстрѣломъ на мѣстѣ въ четырнадцати случаяхъ жизни: тутъ и нахожденіе оружія и порожденіе слуховъ и спекулятивная продажа валюты и т. д. и т. д. Въ Семеновскихъ казармахъ Дыбенко собралъ балтійцевъ и подъ усиленнымъ конвоемъ погналъ ихъ грузиться въ сторону Нарвы, гдѣ при первомъ-же столкновеніи — пьяные и опалѣлые — они нарвались на фугасныя поля и почти цѣликомъ

полегли. Остатокъ побѣжалъ къ Ямбургу, гдѣ на вокзалѣ Дыбенко собственноличнo разстрѣливалъ бѣглецовъ, а заодно рабочихъ ж. - д. мастерскихъ.

25 февраля утромъ въ Смольный институтъ явился генералъ Парскій и предложилъ свои услуги.

«Межъ нѣмцами и большевиками выборъ нетруденъ — сказалъ Парскій Троцкому — красную звѣзду мы всегда предпочтемъ черному орлу»...

Авгуры посмотрѣли другъ на друга, и болѣе умный изъ двухъ, Троцкій, не задавая дальнѣйшихъ вопросовъ, тутъ-же поручилъ Парскому совмѣстно съ «освободившимся» начальникомъ штаба Крыленки оборону Петрограда; Парскому предоставили Нарвскій укрѣпленный районъ. Въ приказѣ о новыхъ назначеніяхъ отмѣчались исключительныя знанія Парскимъ Питерскаго участка: въ 1917 г. онъ командовалъ 12-ой арміей, защищавшей подступы къ Ригѣ. Онъ приглянулся большевикамъ еще въ августѣ 1917 г. своимъ выступленіемъ противъ Корнилова и грубымъ заигрываньемъ съ солдатскими комитетами.

Служака стараго режима, привыкшій лавировать и воздерживаться, Парскій отличался изумительнымъ умѣньемъ ладить съ любымъ начальствомъ. Отъ Сухомлинова до Подвойскаго... Методы оставались тѣ-же...

Защита родины красной звѣздой противъ Чернаго Орла продолжалась шесть дней. 2 марта Караханъ и Сокольниковъ подписали послѣднюю редакцію похабнаго договора, включавшую Батумъ, Карсъ, Ардаганъ въ рамки этнографической Турціи.

Парскій едва успѣлъ доѣхать до Ямбурга, гдѣ былъ въ первыя мгновенья весьма неласково встрѣченъ Дыбенкой. Узнавъ однако о цѣли миссіи Парскаго, знаменитый матросъ съ большой охотой и нескрываемой ироніей сдалъ ему власть надъ несуществовавшими войсками. Троцкому онъ телеграфировалъ: «Сего числа сдалъ власть его превосходительству товарищу и генералу»...

Его превосходительство съ большимъ огорченіемъ прочелъ телеграмму о мирѣ (война создавала такой удобный флеръ для патріотической службы въ красной арміи!) и, слегка подумавъ, подалъ свою историческую записку Троцкому, гдѣ проводилась еретическая тогда мысль о приглашеніи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ на совѣтскую службу. Les beaux esprits se rencontrent. Двумя днями позже, нѣсколькими листами толще аналогичную-же записку подалъ и Бончъ-Бруевичъ.

Насколько приглашеніе офицеровъ тогда считалось фантазіей можно усмотрѣть изъ тогдашнихъ газетныхъ заголовковъ: «генералъ за большевиковъ», знакъ вопросительный и знакъ вос-

клицательный. И всѣмъ читателямъ сообщеніе казалось остроумной уткой.

Боясь сильной оппозиціи, Троцкій на свой собственный страхъ и рискъ, не ожидая одобренія Ц. И. К., затѣялъ то, что Ленинъ на первыхъ порахъ окрестилъ — «Левины фокусы»!

На запасныхъ путяхъ Николаевской желѣзной дороги въ бывшемъ царскомъ составѣ (А) размѣстились Бончъ-Бруевичъ и Парскій. Цѣлый день они рыскали по городу, разъѣзжая по знакомымъ, посѣщая рестораны, театры и всѣ остальныя мѣста, гдѣ была надежда встрѣтить звѣря: нужныхъ имъ офицеровъ. Кромѣ того «военные руководители совѣта обороны республики» выпустили воззваніе къ своимъ товарищамъ, въ которомъ уговаривали ихъ не увлекаться Корниловскими авантюрами и помочь возстановить русскую армію.

Вѣрили ли эти «честные маклера» въ искренность намѣреній Троцкаго воевать съ нѣмцами? Нисколько. Ибо, когда черезъ два мѣсяца, въ Москвѣ, въ революціонномъ трибуналѣ судили матроса Дыбенко за сдачу Нарвы, то Бончъ-Бруевичъ на вопросъ, обращенный къ нему обвинителемъ Дьяконовымъ:

«Скажите, товарищъ генералъ, съ достаточными ли основаніями была сдана Нарва»? — смѣясь отвѣтилъ: «А скажите, товарищъ обвинитель, съ достаточными ли основаніями мы сдали всю Украину и весь Донецкій бассейнъ»?

«Позвольте, позвольте, свидѣтель — возмутился предсѣдатель трибунала, б. прис. пов. Берманъ — нельзя отвѣчать вопросомъ на вопросъ!»

«Именно можно — отрѣзалъ любимецъ Троцкаго — кому же не понятно, что была *сплошная кукольная комедія*»!

«Продолжаете ли вы, свидѣтель, находиться на совѣтской службѣ»? — ехидно спросилъ въ свою очередь защитникъ, лѣв. эсэръ Штейнбергъ.

«Да, продолжаю». — «Въ какой должности?» — «Военный руководитель совѣта обороны республики». — «Что-жъ, и теперь у васъ кукольная комедія?» По залу прошелъ смѣшокъ, и предсѣдатель поспѣшилъ вмѣшаться: «свидѣтель, на неумѣстные вопросы вы можете не отвѣчать».

И Бончъ-Бруевичъ не отвѣтилъ. Отговариваясь «дѣлами первостепенной государственной важности», онъ покинулъ Митрофаньевскій залъ. За нимъ по обѣимъ сторонамъ шли вызванные въ качествѣ экспертовъ генералы Кузнецовъ и Лукирскій. Первыя ласточки западни...

III.

На голосъ невидимой Пэри
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ...

И когда въ серединѣ марта 1918 невидимая

Пэри вмѣстѣ съ остальными Совѣтскими учрежденіями переѣхала въ Москву, она размѣстила свою западню на запасныхъ путяхъ Александровскаго вокзала и значительно расширила свою дѣятельность.

Ближайшими объектами заманиванія были избраны Клембовскій и Гуторъ. Клембовскій — ограниченный, робкій чиновникъ; всю жизнь онъ переходилъ изъ одного военнаго училища въ другое, то въ качествѣ воспитателя, то въ качествѣ начальника. Среди товарищей по академическому выпуску онъ выдѣлялся опредѣленной бездарностью. Когда въ результатѣ Корниловскаго coup d'état, почти всѣ генералы или попали въ тюрьму или ушли въ отставку, Клембовскій, сохранившій нейтралитетъ, быстро выдвинулся. На Клембовскаго подѣйствовали черезъ его жену; ее же взяли самыми элементарными искушеніями — показали кончикъ тысячерублеваго билета, сдобную булку, новыя ботинки. И въ результатѣ семейныхъ скандаловъ Клембовскій усѣлся въ военномъ совѣтѣ...

Еще легче сдался Гуторъ.

Не послѣднюю роль въ рѣшеніи Гутора сыгралъ факторъ личной вражды къ Корнилову и Деникину. Изъ-за Корнилова Гуторъ въ іюлѣ 1917 г. потерялъ постъ главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ; онъ затаилъ обиду и жаждалъ мести по отношенію къ своему счастливому сопернику — Деникину.

«Посмотримъ, — посмѣивался Гуторъ, — чья возьметъ: кубанцы Лавра (Корнилова) или наши лапотники»...

29 марта Ц. И. К. въ результатѣ небывалыхъ столкновеній межъ самими же большевиками незначительнымъ большинствомъ утвердилъ продолженіе «Левиныхъ штукъ», но ни регистрація, ни тѣмъ болѣе мобилизація офицеровъ до самой осени не производилась. Тѣ, кто рѣшилъ не служить у большевиковъ, уѣзжали на Украину или къ Корнилову. Въ эти-же дни кликнулъ свой кличъ полковникъ Щербачевской арміи Дроздовскій, которому удалось собрать около 600 офицеровъ. Эти первые дроздовцы въ конномъ строю съ непрерывнымъ боемъ, прошли легендарный путь отъ Яссъ въ Румыніи до Ростова на Дону (1300 в.).

Военному совѣту не доставало теоретика, спеціалиста по уставамъ, реформамъ, докладамъ. Парскій вспомнилъ о генералѣ А. А. Балтійскомъ. Бюрократъ pur sang, секретарь Сухомлинова, посвященный во всѣ комбинаціи бывшаго военнаго министра, профессоръ Николаевской академіи, предсѣдатель всевозможныхъ воинскихъ комиссій, Балтійскій быстрымъ опытнымъ взглядомъ оцѣнилъ положеніе: народу много, но другъ друга боятся и что дѣлать не знаютъ. Нужно придать дѣлу стержень, перейти

изъ области психологическихъ непріятныхъ чувствованій въ область успокаивающей знакомой и милой терминологіи. Балтійскій предложилъ Троцкому изготовить проектъ организаціи новаго органа, который по идеѣ автора смогъ бы свершить реформу округовъ, гдѣ въ штабахъ засѣдали кочегары крейсеровъ и слесаря съ обуховскихъ заводовъ. Параллельно съ созданіемъ этой высшей военной инспекціи, Балтійскій принялся за общую переработку всего воинскаго устава.

Остро чувствуя подозрительность новаго патрона, Балтійскій пустился на провокацію. Началъ съ эсэрства.

«Полагалъ бы полезнымъ принять за основу работъ проекты устава, разработанные особой комиссіей при временномъ правительствѣ»...

И Троцкій, поддаваясь на удочку, мгновенно вспыхнулъ: «Нѣтъ ужъ пожалуйста бросьте этотъ бредъ!»

«Тогда воинскій уставъ Гучкова въ томъ видѣ, какъ его приняла III Дума»? — снаивничалъ профессоръ.

«И это ни къ чорту. Такъ мы могли растатать буржуазную армію. Для желѣзныхъ батальоновъ пролетаріата нуженъ желѣзный уставъ»!...

Балтійскій откланялся и, посмѣиваясь въ рѣденькіе усы, своимъ мелкимъ бисерно-женскимъ почеркомъ составилъ проектъ, полный еще Аракчеевскихъ отрыжекъ. Въ красной арміи

имѣются палки, порка, практикуется разстрѣлъ за неисполненіе приказанія. Если-бъ при Керенскомъ подобный проектъ рискнулъ бы предложить революціоннѣйшій унтеръ, его бы разорвали на клочки.

Въ большевикахъ же съ первой минуты заговорила какая-то безсознательная практичность, — которая не всегда бываетъ даже у такихъ циниковъ, какъ Ленинъ.

Генералъ Лебедевъ — другъ и протежэ Балтійскаго (дѣдка за бабку, бабка за жучку!) — обратился къ Троцкому съ просьбой воскресить журналъ «Русскій Инвалидъ», редакторомъ котораго онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Журналъ обязывался выработать идеологію краснаго офицера и пропагандировать спортивные ферейны въ духѣ коммунистическаго развитія юношей. Доблестный редакторъ составилъ компиляцію изъ двухъ десятковъ нѣмецкихъ брошюрокъ, замѣнивъ слова «Германія» и «Имперія» зловѣщими «Р.С.Ф.С.Р.»... Во всемъ остальномъ онъ остался вѣренъ генералу Бергарди и адмиралу Тирпицу, которые такимъ образомъ становились учителями коммунизма.

Впечатлительную душу южанина Троцкаго проектъ Лебедева привелъ въ полный восторгъ. Договоривъ то, чего и не думалъ Лебедевъ, Троцкій сталъ грезить новой расой, искусственнымъ подборомъ и пр. переложеніемъ своихъ стародавнихъ Вѣнскихъ лекцій на Московскій ладъ.

Лебедеву немедленно былъ вручень первый авансъ на изданіе журнала (въ размѣрѣ около 150 тысячъ); ему же было передано образованіе «всевоенобуча» и организація «юковъ» (юныхъ коммунистовъ). Еще черезъ годъ Лебедевъ игралъ видную роль въ реввоенсовѣтѣ.

Однимъ махомъ вмѣстѣ съ Балтійскимъ и Лебедевымъ была искушена еще одна генеральская душа — Сытинъ П. П. Съ этой фамиліей большевикамъ вообще везло. Сытиныхъ у нихъ оказалось два: одинъ — бывшій дежурный генералъ румынскаго фронта и экспертъ мирной делегаціи Раковскаго въ Кіевѣ, не выдержалъ и бѣжалъ въ Добрармію; другой же Сытинъ (будущій командующій юго-восточной группой совѣтскихъ войскъ) состоитъ на красной службѣ и по сей день. Подобно Гутору и онъ — личный врагъ Деникина. Окончивъ съ Деникинымъ академію въ одномъ выпускѣ, П. П. Сытинъ почиталъ себя оскорбленнымъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Ему хотѣлось доказать всему міру свои геніальныя способности и онъ рвался прямо въ бой.

«Посмотримъ теперь, каковы таланты Деникина Антона»! — самодовольно сказалъ новый главковерхъ, прибывъ на югъ, въ свою новую ставку (ст. Лиски, Юго-Вост. ж.д.). Таланты Деникина Антона оказались довольно значительны; и одержавъ временный успѣхъ надъ казаками Краснова у Воронежа и на Донцѣ, Сытинъ

потерпѣлъ полное пораженіе въ столкновеніяхъ съ добровольческой арміей. Рядомъ съ нимъ на Украйнѣ дѣйствовали съ такимъ же перемѣннымъ успѣхомъ Гуторъ и Клембовскій. При Сытинѣ комиссаромъ и ширмой былъ Егорьевъ, при Гуторѣ—Ворошиловъ.

***

Работа продолжалась, и добыча прогрессивно возрастала. Каждому вновь поступающему выдавали два комплекта платья и бѣлья, муку, сахаръ, 1200 рублей за мѣсяцъ впередъ (въ это время англійскій фунтъ стоилъ 40-50 рублей). Комнаты для господъ генераловъ реквизировались въ лучшихъ гостиницахъ: такъ, въ Москвѣ общежитіемъ спецовъ на первые мѣсяцы служили «Княжескія» меблированныя комнаты на Волхонкѣ.

Условія ли жизни въ «Княжескихъ комнатахъ», аромать ли возвращаемаго командованія, экстренныхъ поѣздовъ, штабовъ, но вербовка шла болѣе, чѣмъ удачно, и штабъ Бончъ-Бруевича сталъ притчей во языцѣхъ. Подвойскій—ближайшій помощникъ Троцкаго, блестящій организаторъ и строитель заговоровъ — съ грустью замѣтилъ, побывавъ въ западнѣ: «Дайте мнѣ столько эскадроновъ, сколько помощниковъ у Бонча, и я вамъ гарантирую въ мѣсячный срокъ революцію въ Германіи и Австріи»...

Наконецъ пришелъ историческій день апрѣ-

ля. Въ домѣ Перцова — на Кремлевской набережной — въ пріемной собралась новая партія генераловъ во главѣ съ Потаповымъ.

Троцкій вышелъ къ нимъ и съ кривой усмѣшкой сказалъ слѣдующую невѣроятную рѣчь:

«Господа генералы! Я принимаю васъ на совѣтскую службу. Въ вашей работѣ на пользу мірової соціалистической революціи вамъ придется встрѣтиться съ вполнѣ заслуженными вами недовѣріемъ и ненавистью рабочихъ массъ...

Я не могу вамъ гарантировать безопасности въ случаѣ, если поднимется новый валъ народнаго возмущенія. Но я съ полной категоричностью обезпечиваю вамъ безпощадную немедленную расправу въ случаѣ, если вы сами попытаетесь вызвать народное возмущеніе! Къ работѣ, господа»...

«Ну, какъ вамъ нашъ Лева понравился?» — поинтересовался вечеромъ Парскій. «Ничего, ничего, — отвѣчалъ Потаповъ, — чувствуется настоящее начальство. Подтянетъ насъ,но и хамью теперь не сдобровать. Уговаривать не будетъ!»...

IV.

Къ апрѣлю 1918 г. на третій мѣсяцъ Корниловскаго ледяного похода, наканунѣ Дутовскаго движенія (въ Оренбургской губерніи) 400.000 русскихъ офицеровъ, освобожденныхъ демобили-

зацiей и преслѣдуемыхъ страхомъ передъ самосудомъ, находились въ состоянiи мучительной нерѣшительности.

Идти ли къ Корнилову и Дутову, поступать ли на службу къ большевикамъ, или пытаться «ловчиться» и скрываться?

Если солдатская масса, стихiйно и пьяно, валила за отдѣльными главковерхами, то офицеры по привычкѣ и остаткамъ крѣпкой въ нихъ дисциплины, выжидательно смотрѣли въ сторону своихъ вождей, съ которыми въ продолженiи трехлѣтней боевой страды они дѣлили и радость побѣды и хмель пораженiя.

Офицеръ, служившiй въ армiяхъ юго-западнаго фронта, говорилъ: Дроздовскiй зоветъ на борьбу съ большевиками; кто такой Дроздовскiй — я не знаю. А Гуторъ,мой бывшiй начальникъ, извѣстный боевой генералъ, поступилъ на службу къ большевикамъ. Конечно, я пойду за Гуторомъ, а не за Дроздовскимъ...

Эту психологiю своихъ бывшихъ соратниковъ отлично учитывали «честные маклера». Опредѣляя на службу кого-либо изъ генераловъ, они выговаривали ему право подбора сотрудниковъ изъ числа извѣстныхъ ему офицеровъ. И вотъ изъ бушующаго моря матросовъ, уѣздныхъ чекистовъ, самодуровъ-комиссаровъ — офицеръ получалъ возможность вернуться въ кругъ своихъ старыхъ начальниковъ и товарищей.

Здѣсь начало важнѣйшаго *психологическаго перелома въ настроеніяхъ офицерства.*

Ген. Шварцъ (герой Ивангорода) очень недолго служилъ у большевиковъ, бѣжалъ на Украину и перешелъ въ ряды анти-большевистскихъ силъ. Но тѣ сотни офицеровъ, которые примѣромъ героя великой войны были введены въ орбиту Троцкаго, уже не смогли бѣжать: у одного семья, у другого разыгралось служебное тщеславіе, у третьяго усталость. И несмотря на бѣгство Шварца, большевики изъ его кратковременной службы извлекли все для нихъ необходимое.

Склянскій — заурядъ-врачъ и помощникъ Троцкаго, злобный человѣкъ пошлаго типа ничтожествъ, стремящихся оподлить и принизить до себя весь міръ — Склянскій говорилъ Парскому:

«Ваша роль — роль магнитовъ. Вы должны притянуть къ намъ всѣ эти спрятавшіеся и разсыпанные опилки. Если не притянете, вамъ же хуже будетъ. За пораженіе вы отвѣтите пролетаріату головой...»

Военные корреспонденты, б. уполномоченные земскаго союза и вообще лица, бывавшія на фронтѣ въ 1914-1917 г.г., зайдя въ штабъ Черемисова или Клембовскаго, не могли скрыть своего удивленія. Казалось, ничто не произошло, и мы по прежнему въ штабѣ сѣв.-зап. фронта. Тотъ-же улыбающійся офицеръ для порученій,

тотъ же начальникъ службы связи, то же управленіе ген. квартирмейстера.

«Неблагонадежнымъ по набору элементомъ являлись офицеры румынскаго фронта. Ихъ начальникъ Щербачевъ не сдавался ни на какія большевистскія предложенія и всячески облегчалъ своимъ офицерамъ возможность пробраться на Донъ или Украину. Противъ этого щербачевскаго магнита нужно было найти контръ-магнитъ. Таковымъ оказался командовавшій румынскимъ фронтомъ въ 1916 г. (осенью) и затѣмъ отставленный послѣ Макензеновскаго прорыва ген. штаба генералъ А. М. Заіончковскій.

Блестящій офицеръ, любимый товарищами, элегантный свѣтскій щеголь (его успѣхъ зашелъ чрезвычайно высоко въ румынскомъ придворномъ мірѣ), спортсмэнъ и ловкій политикъ — Заіончковскій мирно проживалъ въ Москвѣ и терпѣливо выжидалъ, твердо вѣря, что его чередъ еще придетъ.

Отказавшись участвовать въ поддержкѣ Корниловскаго выступленія, сославшись на болѣзнь (старый Остермановскій трюкъ), пріемами полусловъ и ловко пущенныхъ слуховъ, онъ не только не потерялъ, но еще увеличилъ свое вліяніе въ Московскомъ союзѣ Георгіевскихъ кавалеровъ и въ кругахъ, группировавшихся вокругъ избраннаго въ октябрѣ 1917 года патріархомъ Тихона. «Корниловъ бьетъ напроломъ, Заіончковскій медлителенъ, но когда ударитъ,

то безъ промаха» — говорили его бывшіе адъютанты и ординарцы, выжидавшіе событій. Къ Заіончковскому засылали одновременно курьеровъ и съ далекаго юга (изъ казачьихъ круговъ) и изъ союзныхъ военныхъ миссій.

Генералъ держался осторожно, никому не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Безошибочнымъ чутьемъ стараго царедворца онъ чувствовалъ, что на этихъ лошадей играть слишкомъ опасно. И ждалъ.

«Какъ живете, А. М.?» — «Пишу мемуары»...

Пристроивъ всѣхъ друзей, затянувъ заодно и враговъ (чтобы скомпрометировать и ихъ), честные маклера вспомнили Заіончковскаго. Со своей обычной мудростью онъ категорически отказался отъ сколь-нибудь дѣйственнаго поста. Пока Гуторъ, Клембовскій и Сытинъ брали города, взимали контрибуціи, въ ожиданіи или султанскаго ирадэ, или рокового шнурка, Заіончковскій сидѣлъ въ покойномъ креслѣ консультанта реввоенсовѣта. Троцкій очень цѣнилъ его совѣты и пользовался ими въ трудные моменты «улавливанія сердецъ». Такъ Заіончковскій сыгралъ исключительно важную роль въ выборѣ варіанта для наступленія противъ поляковъ на юго-западномъ участкѣ, большимъ знатокомъ котораго онъ являлся съ давнихъ временъ. Идея переброски сюда Буденнаго — его идея.

Исключительно цѣнныя свѣдѣнія давались и,

безъ сомнѣнія, продолжаютъ даваться Заіончковскимъ о румынскомъ театрѣ. Зная состояніе и военныя возможности румынской арміи не хуже, чѣмъ русской, Заіончковскій предостерегъ Троцкаго въ 1918-19 гг. отъ преждевременнаго наступленія. Если осуществится ближайшими мѣсяцами совѣтское наступленіе, мы еще услышимъ не разъ объ этомъ хитромъ и опасномъ человѣкѣ.

Въ смыслѣ «улавливанія сердецъ» онъ явился главнымъ посредникомъ въ переговорахъ совѣтской власти съ ген. Брусиловымъ.

IV.

Іюльское совѣщаніе (1917) въ ставкѣ, гдѣ представители всѣхъ четырехъ фронтовъ дѣлились впечатлѣніями отъ Калуща и Тарнополя, ознаменовалось рѣчами Деникина и Брусилова. Первому его рѣзкое выступленіе засчитали для будущаго «оки недреманныя» петербургскаго совдепа, а старику верховному пришлось уйти немедленно.

Жестоко оскорбленный, разбитый морально и физически — Калущской недѣлей болѣе, чѣмъ 36 мѣсяцами боевъ, — не вѣря въ возможность удержанія фронта и возрожденія арміи, Брусиловъ возвратился въ родную Москву, въ тихій Мансуровскій переулокъ, что на Остоженкѣ. Впервые за полстолѣтіе пришлось ему извѣдать горечь созерцательнаго бездѣлья.

Грустный, строгій, туго затянутый въ коричневый бешметъ, въ свѣтлой папахѣ, лѣвая рука на кинжалѣ, быстрой невѣрной походкой стараго кавалериста проходилъ онъ по утру Александровскимъ скверомъ, радостно привѣтствуемый всѣми встрѣчными, вплоть до солдатъ-дезертировъ, заплевавшихъ подсолнухами улицы и сады первопрестольной.

Я видѣлъ въ комнатѣ вчера
Героя родины Брусилова,
Вотъ кара рыцарю добра —
Быть въ снѣ бездѣйствія постылаго!

Бальмонтъ точно передалъ въ этихъ словахъ то печальное недоумѣніе, которое вызывало въ немногихъ патріотахъ вынужденное far niente Брусилова. Подъ Могилевымъ и Ригой, въ Галиціи и Румыніи рѣшался вопросъ о самомъ существованіи Россіи; тщетно метался Корниловъ, тщетно Савинковъ, Гобечіа, Филоненко посылали свои вопли съ требованіемъ смертной казни. Родина была на остріѣ меча. А въ темноватомъ прохладномъ кабинетѣ среди шашекъ — даровъ туземныхъ полковъ — охотничьихъ трофеевъ и цѣлой галлереи военныхъ портретовъ посѣтитель встрѣчалъ все то-же учтивое ледяное спокойствіе, которое Герценъ сравнивалъ со спокойствіемъ моря надъ утонувшимъ кораблемъ...

И многочисленные общественные дѣятели, на перебой спѣша выказать свое уваженіе Галицій-скому побѣдителю, не упускали случая попытаться затянуть его въ свою орбиту, козырнуть этой сильной картой внѣ игры. Брусиловъ ласково принималъ, сочувственно выслушивалъ, охотно выступалъ; 13 октября 1917 г. уже подъ самый бой двѣнадцатаго часа онъ произнесъ горячую рѣчь на совѣщаніи общественныхъ дѣятелей въ Москвѣ (устроенномъ въ противовѣсъ петроградскому демократическому совѣщанію). Но дальше онъ не шелъ, дѣйствовать онъ еще (или уже?) не хотѣлъ. Привыкнувъ къ реальнымъ величинамъ, отчетливо зная состояніе фронта и соотношеніе всевозможныхъ силъ, старикъ весьма скептически относился къ тогдашнимъ попыткамъ. Лѣтомъ 1917 г. онъ понялъ: надо идти за тѣмъ, кто живой или мертвой водой сумѣетъ возстановить боеспособность арміи. На армейскомъ съѣздѣ онъ цѣловался съ Крыленко за то, что тотъ (съ особой, конечно, точки зрѣнія и въ особыхъ видахъ) рекомендовалъ исполненіе боевыхъ приказовъ; на своемъ автомобилѣ онъ развозилъ всевозможныхъ делегатовъ, депутатовъ, главныхъ и второстепенныхъ уговаривающихъ. Ни у кого не оказалось никакой воды. Слова и жесты, благородныя слова, самоотверженные жесты!.. Самоубійство Крымова, Калединскія угрозы, подвигъ предсѣдателя солдатскаго комитета Рома, въ одиночку пошедшаго въ

атаку на глазахъ недвижимой дивизіи и убитаго на-повалъ...

Сердце уставало. На движеніе Корнилова онъ отозвался одной фразой:

«У Корнилова львиное сердце, а голова не въ порядкѣ»!..

Идея Алексѣева создать Добровольческую Армію не вызвала въ немъ сочувствія. Когда въ первые дни октябрьскаго переворота Алексѣевъ, проѣздомъ на Югъ, остановился въ Москвѣ для переговоровъ съ нѣкоторыми лицами, Брусиловъ категорически отказался слѣдовать за нимъ.

Еще черезъ нѣсколько дней, 1 ноября 1917 г., шальной снарядъ залетѣлъ въ его квартиру и осколкомъ шрапнели старикъ былъ тяжело раненъ (въ плечо и въ ногу). Въ разгаръ уличнаго боя на носилкахъ съ бѣлымъ флагомъ его понесли съ Остоженки, уже занимавшейся большевиками, въ Серебряный переулокъ (на Арбатѣ) въ лечебницу доктора Руднева. Въ дорогѣ случился характерный инцидентъ, послѣ котораго Троцкій призадумался не менѣе Брусилова. Обезумѣвшіе «красные» солдаты, узнавъ, кого несутъ, останавливались, снимали шапки и цѣловали раненому руки. Въ этотъ день снарядомъ снесло верхушку Беклемишевской башни; съ Волхонки тявкали пулеметы, заливавшіе колонны большевиковъ, шедшихъ изъ Замоскворѣчья.

«Чтобы увидѣть эту русскую ласку — готовъ перенесть страданія во стократъ горшія» —

сказалъ Брусиловъ навѣстившимъ его лицамъ. И съ этого дня начался чрезвычайно любопытный параллельный процессъ. Большевики, поняв цѣнность Брусиловской вывѣски, дѣлали все, чтобъ воздѣйствовать на слабыя мѣста старика. А слабымъ мѣстомъ Брусилова было прежде всего убѣжденіе, что онъ не можетъ не пойти на зовъ русскихъ солдатъ, что онъ не вправѣ отдать ихъ въ руки проходимцевъ.

Съ вѣдома и благословенія Подвойскаго и Троцкаго распространялись и «нелегально» печатались свѣдѣнія о томъ, что въ такой-то и такой-то части, на такомъ-то и такомъ-то заводѣ постановили: драться опять съ нѣмцами, если Брусиловъ будетъ командовать...

Нужно совсѣмъ не знать ни большевиковъ, ни разнообразія пріемовъ, употребляемыхъ ихъ верхами, чтобы повѣрить въ сообщенія объ арестѣ Брусилова, угрозахъ разстрѣломъ и т. п. Съ самаго начала, съ первой встрѣчи Крыленко съ Брусиловымъ, большевики поняли, что твердость и упорство у него во истину каменныя и что не запугаешь его никакими муками ада. Свершилось худшее, осуществилась обратная мораль басни: «ты сѣдъ, а я, пріятель, сѣръ». Сѣрый надулъ сѣдого. Установивъ тщательную слѣжку, перлюстрацію корреспонденціи, подсылку провокаторовъ, вынюхавшихъ его отношеніе къ бѣлымъ арміямъ, большевики изъ кожи лѣзли въ доказательствахъ своего національнаго порыва и

сочувствія великимъ идеямъ. Детали сговора значительно облегчались содѣйствіемъ Заіончковскаго, отлично знающаго, *какъ надо* разговаривать съ гордымъ, рѣзкимъ, сентиментальнымъ верховнымъ. Бесѣды Заіончковскаго и Брусилова могли-бы послужить прекрасными иллюстраціями къ Маккіавелевскимъ трактатамъ. Говорили, какъ два солдата; разбирали все происходящее, какъ два скорбящихъ сына родины; взвѣшивали pro и contra... Переводъ на языкъ національной пользы находили и разстрѣлъ Колчака, и терроръ на Кубани, и ужъ,конечно,карательные походы на деревню. Оскорбленному военному самолюбію нужна была побѣда: ему дали руководство въ польской войнѣ; полководцу, томящемуся въ тиши, требовалась армія, и онъ полюбилъ красную армію, — армію наемниковъ и жертвъ — той же любовью, которая творила чудеса на осеннихъ поляхъ Галиціи...

Уже съ осени 1918 г. Брусиловъ втягивался отдѣльными совѣтами; съ нимъ длительно консультировали въ вопросѣ о выборѣ направленія для прорыва фронта Колчака;потомъ—заговорили и профессіональное чувство соревнованія и отчасти старческое упорство въ доказательствѣ правильности занятой позиціи! А потомъ пришелъ чередъ руководства по созданію красной арміи, по выработкѣ характера ея дѣйствій, приспособленнаго къ гражданской войнѣ... И, какъ художникъ узнаетъ художника, какъ архи-

текторъ узнаетъ великаго зодчаго даже сквозь оболочку профанаторовъ-исполнителей — такъ въ Брянскомъ прорывѣ Буденнаго (октябрь 1919 г.), приведшаго его за два неполныхъ мѣсяца къ полной побѣдѣ, генералы почувствовали мощную руку. Вспомнился Луцкъ и лѣто 1916 г.!

Въ 1920 г. Брусиловъ занялъ оффиціальное положеніе: предсѣдателя особаго совѣщанія военспецовъ по выработкѣ плана войны съ поляками, а затѣмъ и съ европейскими странами (малой антантой). Но, конечно, всѣ эти отдѣльные факты блѣднѣютъ на ряду съ основнымъ: Брусиловъ среди красныхъ. Брусиловъ противъ насъ, его сынъ командуетъ полкомъ у Буденнаго! Вотъ вопль бѣлыхъ офицеровъ, вотъ начало многихъ и многихъ переоцѣнокъ...

Если *Брусиловъ* слукавилъ и продалъ Россію, чего жъ требовать отъ насъ. Тогда все окончилось. Если же онъ пошелъ искренно, если онъ убѣжденъ, что спасеніе придетъ съ той стороны баррикадъ, тогда... И въ послѣдніе дни Врангеля были видные офицеры, заявлявшіе о психологической невозможности продолжать борьбу послѣ воззванія Брусилова къ бѣлымъ арміямъ.

V.

Второй день Пасхи 1918 г.

Свѣтитъ московское солнце, гудятъ колокола.

Въ эту Пасху московскіе люди уже не ѣдятъ куличей. Въ эту Пасху они уже боятся идти въ кремлевскіе соборы, ибо на всѣхъ амбразурахъ кремлевской стѣны мелькаютъ дула пулеметовъ.

На кремлевской набережной, въ правомъ ея углу, изукрашенный рѣзными пѣтушками въ старо-русскомъ стилѣ, яркій домъ инженера Перцова. Когда-то въ немъ жилъ фантазеръ-хозяинъ, когда-то въ его подвалѣ процвѣтало кабарэ молодыхъ поэтовъ.

Въ мартѣ 1918 года его заняли подъ военный комиссаріатъ и личныя квартиры Подвойскаго, Мѣхоношина, Склянскаго и самого великаго «Льва» Троцкаго.

На сегодня назначено важное засѣданіе военспецовъ.

Троцкій еще не всталъ.

«Почиваютъ», — важно сообщаетъ «красный» швейцаръ съ явно бѣлогвардейской физіономіей, а такъ какъ съ вечера «они» не отдали никакого распоряженія,то военспецы вынуждены ждать на тротуарѣ. На-лицо: Балтійскій, Лебедевъ, Гуторъ, Клембовскій, Парскій; изъ остальныхъ — газетные корреспонденты и пр. «Встанутъ» Троцкій лишь въ девять съ половиной. Слѣдовательно, полчаса нужно ждать.

Докладчикъ сегодняшняго дня Балтійскій,съ увѣсистой папкой въ рукахъ, оживленно обсуждаетъ съ Лебедевымъ планъ изданія новой солдатской грамоты, которая одновременно «смазы-

вала» бы нежелательную декларацію правъ солдата и приноравливала Аракчеевскіе статуты къ духу коммунистическаго ученья.

«Красная армія — понимаю. Завоеванія революціи — тоже. Моро и Пишегрю сражались отъ имени конвента и не плохо выходило. Но какъ быть съ архангелами, что-жъ они у насъ надъ душой стоять будутъ?» Архангелами именуются политическіе комиссары, которыхъ въ числѣ двухъ предполагается поставить надъ каждымъ военспецомъ.

«Да вы не горячитесь — успокаиваетъ Балтійскій — все это можно по-хорошему. Политкомы — люди молодые. Сегодня сунулись, завтра сунулись, а на третій день надоѣстъ»...

Ровно въ девять съ половиной швейцаръ приглашаетъ «товарищей» подняться въ верхніе покои.

За длиннымъ (по наружности бывшимъ обѣденнымъ столомъ) сидятъ Троцкій, Подвойскій, Мѣхоношинъ.

«Видите какія у меня буржуазныя привычки — острить Троцкій — пришлось васъ на холодѣ подержать».

Военспецы пробуютъ смѣяться.

Передъ началомъ доклада Балтійскій испрашиваетъ разрѣшенія задать кое-какіе вопросы.

Первый: «роль архангеловъ»?

Отвѣтъ Троцкаго энергиченъ и ясенъ: «Если политкомъ посмѣетъ вмѣшаться въ ваши опера-

тивныя распоряженія — я его разстрѣляю по вашей телеграммѣ моей властью. Если вы вздумаете устроить измѣну на фронтѣ, политкомы обязаны васъ разстрѣлять по моей телеграммѣ ихней властью. Понятно?»

Вполнѣ — улыбается докладчикъ.

Вопросъ второй:«Какая часть доклада и вообще засѣданія разрѣшена къ огласкѣ въ печати?

«Какъ какая — ехидно наивничаетъ Троцкій — рѣшительно все. Да и чего вы боитесь. Нѣмцамъ все равно извѣстна каждая іота, союзникамъ неинтересно. Въ чемъ-же дѣло?»

Но на защиту коммунистическихъ секретовъ энергично поднимается молодой полковникъ генеральнаго штаба. Длинно и пространно приводитъ онъ всевозможные мотивы въ пользу секретности.

«Заговорщики, неисправимые заговорщики» — вздыхаетъ Троцкій и какъ бы нехотя соглашается. Журналисты будутъ получать лишь готовыя сводки, проредактированныя однимъ изъ военспецовъ.

Докладъ говоритъ объ организаціи военныхъ округовъ.

«Военная власть на мѣстахъ разрушена мартовской революціей»... Во главѣ округовъ безграмотные матросы. Необходимо возстановить въ первую голову институтъ воинскихъ начальниковъ. Изъ округовъ особенно важны — Московскій, Орловскій, Казанскій, Воронежскій.

Для образованія красной арміи, собиранія раскиданнаго имущества, реформированія въ духѣ опыта войны, учреждается военная инспекція въ составѣ трехъ отдѣловъ: по кавалеріи, по пѣхотѣ, по артиллеріи и инженерной части и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, отъ диллетантства и иниціативы отдѣльныхъ главковерховъ — переходъ почти къ германской арміи.

Докладъ цѣликомъ одобряется.

«Все правильно — заявляетъ Троцкій. — За власть на мѣстахъ не бойтесь. Мѣстныхъ головотяповъ мы быстро угомонимъ. Это вамъ не Керенскій. Уговаривать не будемъ. Предлагаю незамедлительно составить списокъ участниковъ первой инспекторско-карательной поѣздки».

«Главныхъ реформъ требуетъ артиллерійское дѣло» — горячится молодой полковникъ.

«Это-же почему, потому, что Наполеонъ артиллеристомъ былъ?» — спрашиваетъ Подвойскій. Снова натянутый смѣшокъ.

«Нѣтъ не потому — не смущается полковникъ — во-первыхъ, Макензенъ насъ научилъ покрывать артиллеріей недостатокъ въ людяхъ. Во-вторыхъ — потому, что въ условіяхъ гражданской войны, разыгрывающейся преимущественно въ городахъ, зачастую два-три тяжелыхъ орудія вызываютъ панику въ большихъ гарнизонахъ»...

«Хорошо, хорошо, вотъ вы намъ составьте докладную записку на эту тему и Николаю Ильи-

чу и представьте, товарищъ... простите, какъ васъ»?

«Каменевъ»,предупредительно помогаетъ полковникъ.

«Ну, вотъ видите, какая у васъ хорошая фамилія. Сразу видно, что настоящій коммунистъ. Слѣдуйте только своему однофамильцу!»...

Подымается Парскій и произноситъ рѣчь о значеніи броскихъ кавалерійскихъ рейдовъ въ гражданской войнѣ.

«Мораль?» — спрашиваетъ Троцкій.

«Мораль такая, что у меня есть на примѣтѣ выдающійся кавалеристъ-ремонтеръ, нѣкто Далматовъ. Я убѣжденъ, что онъ сумѣетъ создать первую въ мірѣ конницу».

«На Вашу отвѣтственность?» — «Да»!

Судьба Далматова рѣшается одной замѣткой въ блокнотѣ Подвойскаго.

И вообще результаты этого скромнаго, какъ будто незначительнаго засѣданія, громадны.

VI.

Не проходитъ и недѣли, военная инспекція подъ руководствомъ Балтійскаго и Парскаго приступаетъ къ работѣ. Въ святую пятницу съ Курскаго вокзала отходитъ три состава: впереди два бронированныхъ съ латышами особой дивизіи; позади «А» — въ уютныхъ салонахъ, укра-

шенныхъ красными флагами и вѣтками акаціи, сидятъ генералы ,склонившись надъ картами, докладными записками, подсчетами. Все въ той-же кожаной черной курткѣ, въ которой онъ штурмовалъ Михайловскій замокъ, Подвойскій переходитъ изъ вагона въ вагонъ,давая инструкціи о первой остановкѣ, первой пробѣ новой метлы. Въ Орелъ уже сообщили по прямому проводу о смѣщеніи всего состава военнаго комиссаріата и предстоящемъ пріѣздѣ спецовъ.

На вокзалѣ непріятныхъ гостей встрѣчаетъ весь составъ исполкома. Предсѣдатель — скучный, блѣдный не то изъ приказчиковъ, не то изъ учителей гимназіи — докладываетъ, что въ городѣ неспокойно.

«Что именно?» — спрашиваетъ Подвойскій. Выясняется, прибывшій наканунѣ Дыбенко уговариваетъ мѣстный гарнизонъ бороться съ новой контръ-революціей.Подвойскій отдаетъ короткое распоряженіе. Съ платформъ снимаются броневики, изъ вагоновъ, разминая ноги, перекликиваясь на своемъ ужасномъ языкѣ, вылѣзаютъ мордастые, бѣлобрысые,безбровые парни.

Проходятъ два часа. Сперва изъ города доносится пулеметъ, потомъ молчаніе: идутъ переговоры съ зачинщиками сопротивленія, засѣвшими въ губернаторскомъ домѣ. Одиночный пушечный выстрѣлъ. Снова молчаніе. Еще черезъ полчаса на вокзалъ подъ латышскимъ экскортомъ приводятъ избитыхъ матросовъ. Ихъ четверо,

пятый — глава — Дыбенко успѣлъ скрыться. Всѣхъ четырехъ разстрѣливаютъ тутъ-же на перронѣ. Въ открытомъ автомобилѣ въ городъ уѣзжаютъ два военспеца, предназначенные для Орла; а поѣзда отправляются дальше.

Изъ городовъ наибольшее сопротивленіе оказываетъ Воронежъ. Здѣсь приходится выдержать настоящее сраженіе съ двумя тысячами людей изъ отряда Маруси Никифоровой, подвизавшейся на Украйнѣ.

Остатки отряда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ отсиживаются въ гостиницѣ. Бризантный снарядъ — и изъ горящаго зданія, среди рушащихся сводовъ, выпрыгиваютъ черные отъ дыма и пороха люди. Въ Воронежѣ насаждается центральное воинское присутствіе для губерній Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Рязанской. Во главѣ воинскихъ участковъ поставлены прежніе спеціалисты. Въ тѣ дни, когда въ бѣлыхъ арміяхъ еще не мечтаютъ о мобилизаціяхъ, у красныхъ трудами военспецовъ возстанавливаются списки, вводится круговая порука. Въ Тамбовскую губернію, оказывающую сопротивленіе работѣ воинскихъ начальниковъ, ѣдетъ самъ Лацисъ съ карательнымъ отрядомъ. Сожжено нѣсколько деревень, остальныя выдаютъ потребное число рекрутовъ полностью.

Сперва черезъ пень, да и черезъ колоду, потомъ лучше и стройнѣе, и наконецъ налаженъ

аппаратъ, и сбродъ насильно мобилизованныхъ превращается въ стройные батальоны.

На второй мѣсяцъ поѣздки, 29 мая, Подвойскій получаетъ телеграмму о выступленіи чехословаковъ. Сообщеніе съ Самарой прервано. Пенза подъ ударомъ.

Къ прямому проводу Подвойскаго вызываетъ Троцкій: «Николай Ильичъ, какъ дѣла, что полагаете предпринять»?. И Николай Ильичъ отвѣчаетъ: «Сегодня выѣзжаю на фронтъ со всей инспекціей; послѣ-завтра раздавлю чехо-словацкую гадину»... «Послѣзавтра» протянется полтора года; гадину раздавятъ — полковникъ генеральнаго штаба Сергѣй Сергѣевичъ Каменевъ и великій миражъ, великій inconnu — Буденный.

VII.

Нижегородскаго драгунскаго полка вахмистръ Буденный — храбрый смѣтливый мужикъ; популярный, потому что безуменъ въ атакахъ, щедръ въ грабежахъ, снисходителенъ къ громиламъ. Когда его придумали, — конница, носящая нынѣ его имя, была уже составлена, также какъ особые пріемы ея дѣйствій.

Въ генеральской шинели съ красной звѣздой, на тройкѣ подобранныхъ вороныхъ, зачастую рядомъ съ женой — Надеждой Ивановной — бывшей саратовской матросской проституткой,

попечительницей всѣхъ кавалерійскихъ красныхъ лазаретовъ, большевистской Александрой Ѳеодоровной — звеня бубенцами, раздавая подарки, мчится по Россіи Буденный, а въ сторонкѣ, въ штабномъ вагонѣ, въ реквизированной избѣ, въ занятомъ особнякѣ сидитъ молчаливый человѣкъ надъ картой — полковникъ Далматовъ. Создатель конницы Буденнаго, не любитъ выставлять свое имя.

Старшій офицеръ одного изъ привилегированныхъ гвардейскихъ полковъ, Далматовъ былъ хорошо извѣстенъ въ кругу спеціалистовъ еще задолго до 1917 года.

Первый въ Россіи ремонтеръ — характеризовало его всеобщее мнѣніе. Ремонтъ, т. е. подборъ подходящихъ лошадей,былъ важенъ всегда. Въ условіяхъ 1918-20 гг., когда Деникинъ и Врангель, отлично учитывая значеніе дѣйствій конницы, не смогли создать могущественной конной арміи исключительно изъ-за отсутствія лошадей — искусство ремонтера пріобрѣло особое значеніе.

Далматова на совѣтскую службу заманили,подѣйствовавъ на его алчность — ему были отпущены громадныя суммы на скупку лошадей — и на его спортивное чувство: ты сможешь спасти русскую лошадь — шепнули во-время этому воспитаннику Коломяжскаго ипподрома, манежа и Акваріума.

Лавры Шеридана, Гадика, Мюрата, набѣги

прусскихъ гусаръ, рейды Стюарта; десятки тысячъ великановъ гвардейцевъ, мчащихся на подобранныхъ лошадяхъ, по мановенію перчатки переплывающихъ рѣки, уничтожающихъ непріятельскія арміи—вотъ что грезилось выхощенному полковнику Далматову, ближайшему другу великихъ князей.

Почти полгода, задолго до начала рейдовъ, Далматовъ колесилъ по всей Россіи, не оставляя ни одного уголка, гдѣ по агентурнымъ свѣдѣніямъ частными владѣльцами могли быть припрятаны призовые породистые кони. Въ первую голову онъ собралъ въ одной базѣ всѣ остатки, какіе нашелъ въ губерніяхъ: Воронежской (Хрѣновскіе), Орловской, обл. Войска Донского (казенный Провальскій заводъ и частныя коннозаводства Корольковыхъ, Супруновыхъ, Михайликовыхъ и др.), Астраханской губ. (калмыцкіе табуны), на Волгѣ и въ Сибири. За шесть мѣсяцевъ 1918-19 гг. имъ были выказаны по этой части чудеса.

И къ 1919 г. — къ эпохѣ приказа Троцкаго — «пролетарій на коня!» — Далматовымъ было собрано нѣчто весьма реальное: около 50.000 прекрасно обученныхъ, породистыхъ лошадей. Кромѣ того, сдѣлалъ онъ все возможное для того, чтобы именно «пролетарія» не пустить на коня... Прирожденные наѣздники: военно - плѣнные мадьяры, киргизы, татары, изъ русскихъ — многочисленные гвардейскіе офицеры, лейбъ-каза-

ки, уланы и др., слетѣвшіеся на огонекъ «своего» Далматова, вотъ каково было ядро конницы Буденнаго.

Далматовъ ее создалъ, Брусиловъ далъ ей тѣ инструкціи, которыя выработались въ результатѣ Молодеченскихъ и Луцкихъ боевъ: 2-3 броневика на каждый эскадронъ; мощная артиллерія на флангахъ, вмѣсто развѣдки значительные отряды, снабженные легкими орудіями; пѣхота, «взятая на буксиръ», т. е. посаженная на крупъ второй и третьей линіи.

Все вмѣстѣ само по себѣ было такъ мощно, что можно было позволить роскошь придумать народнаго таланта — Буденнаго.

Врангель, Мамонтовъ, Улагай — каждый изъ нихъ, какъ кавалеристъ, былъ въ сотни разъ талантливѣй пресловутаго Буденнаго. Но, если не было броневиковъ, если вмѣсто лошадей союзники прислали вьючныхъ муловъ, если въ Крымскій періодъ рабочія лошади крымскихъ колонистовъ должны были соревноваться съ англійскими кровными Буденнаго — то результаты не могли быть иными, чѣмъ они были. Красные полностью использовали то, чего не смогли использовать бѣлые, въ чемъ имъ не захотѣли помочь мнимые друзья. Исторія каждаго дня гражданской войны!

Троцкому повезло на гвардейцевъ. Далматовъ создалъ кавалерію; бывшій царскій пажъ Вер-

ховскій — артиллерію, бронеотряды, бронепоѣзда. Карьера Верховскаго общеизвѣстна. Облюбованный Керенскимъ за свои ярко демагогическія наклонности, Верховскій былъ назначенъ въ маѣ 1917 командующимъ войсками Московскаго военнаго округа. Поддерживая идею сепаратнаго мира, Верховскій быстро снискалъ популярность въ солдатскихъ низахъ. Въ августѣ 1917 года, въ дни Корниловскаго выступленія, онъ организовалъ знаменитый карательный отрядъ для «очищенія ставки». Отрядъ, состоявшій изъ матросни и нѣмецкихъ агентовъ, поставленныхъ для руководства, — яростно стремился убить Корнилова, Деникина и др.

Одновременно своей лживой телеграммой, что атаманъ Калединъ движется на Москву, Верховскій сперва вызвалъ истерику Керенскаго, а затѣмъ сталъ его успокаивать «бѣшеной энергіей»: рѣчами въ совдепѣ, посылкой «разложившихся частей гарнизона» на встрѣчу Каледину, который спокойно сидѣлъ въ Новочеркасскѣ... и т.п.

За такія высоко-патріотическія дѣйствія Верховскій былъ приглашенъ на постъ военнаго министра, освободившійся съ уходомъ Савинкова.

И на новомъ мѣстѣ онъ поддержалъ славную марку: засыпалъ кабинетъ проектами сепаратнаго мира, частичной демобилизаціи (!), демократизаціи военныхъ органовъ...

Съ первыхъ дней переворота большевики ок-

ружили Верховскаго всяческимъ вниманіемъ и зазывали въ совнаркомъ. Верховскій колебался и почти годъ выжидалъ, писалъ дневникъ и все справлялся, гдѣ и что Керенскій. Когда выяснилось, что послѣдній уже читаетъ лекціи и живетъ входной платой, Верховскій пошелъ въ военспецы и ему-то большевики поручили реформу артиллеріи.

Исключительно важную оперативную роль Верховскій сыгралъ при разработкѣ крымскихъ операцій, такъ какъ еще въ мирное время онъ тщательно изучалъ топографію мѣстности, въ особенности Перекопа и Сиваша.

Въ этой послѣдней роли онъ усиленно прикрывался Бела Куномъ и Фрунзе: болтливымъ венгерцемъ и невѣжественнымъ студентомъ.

Въ спискѣ лицъ, оказавшихъ «исключительныя заслуги Р. С. Ф. С. Р.» въ борьбѣ съ Врангелемъ, Верховскій значится рядомъ съ Каменевымъ. «Извѣстія» раскрыли это замысловатое инкогнито.

VIII.

И солнце Аустерлица, и тьма Ватерлоо, и счастье Моро, и его печальная судьба. Въ жизни совѣтскихъ генераловъ времена мѣнялись. Падали одни, восходили другіе. Отошелъ отъ высокихъ дѣлъ Бончъ-Бруевичъ (въ связи съ опалой, постигшей его брата), взошла звѣзда Раттеля —

сотоварища по корпусу Духонина, въ одинъ день съ нимъ награжденнаго офицерскимъ Георгіемъ. Неуклонно и прогрессивно цвѣлъ одинъ Каменевъ, побѣдитель Колчака и Деникина, единственный человѣкъ, которому довѣряетъ даже Бухаринъ, владѣлецъ чужого дома на Кузнецкомъ мосту, подареннаго ему «Р. С. Ф. С. Р.» осенью минувшаго года.

Въ украинскую эпоху барыши и славу Каменева оспаривали знатоки украинскаго боевого театра: Гуторъ, Клембовскій, Сытинъ. Дважды они занимали Украйну, дважды водворяли въ Кіевѣ Христіана Раковскаго съ его американскими секретарями и румынскими дактило. Цѣлый годъ катались они по линіямъ: Кіевъ-Харьковъ, Кіевъ-Волочискъ, Кіевъ-Одесса и т. д.

За семь лѣтъ они изучили на Юго-Западѣ буквально каждый кустикъ. Разбивъ Деникина, они безъ труда обошли въ маневрѣ подъ Кіевомъ и Пилсудскаго.

Безнадежно скомпрометированные, съ упорствомъ тщеславія, они все болѣе стремились къ цѣли — стать совѣтскими Моро и Пишегрю. Неоднократныя попытки бѣлыхъ агентовъ вступать съ ними въ сношенія наталкивались на ихъ самый яростный отпоръ.

Не послѣднюю роль въ ихъ стараніяхъ игралъ и тотъ процентъ изъ контрибуціи занимаемыхъ городовъ, который подъ сурдинку проводилъ

Троцкій подъ видомъ подарковъ «освобожденныхъ мѣстностей». Сквозь пальцы смотрѣли и на «торговыя предпріятія» ихъ креатуръ. Такъ, правая рука Сытина, генералъ Одинцовъ, во времена кіевскихъ переговоровъ съ гетманомъ, усиленно спекулировалъ мануфактурой, сахаромъ и валютой. Былъ пойманъ, судимъ, но амнистированъ за заслуги, оказанныя революціи.

Въ результатѣ за три года существованія института военспецовъ не было случая, чтобы въ раскрытыхъ заговорахъ фигурировала хоть одна крупная фамилія. Изъ офицеровъ — молодые и не вліятельные. Генералы, смаклерованные Парскимъ, честно поддержали престижъ красной звѣзды.

Возставали: б. приставъ Муравьевъ, казакъ Мироновъ, солдатъ Думенко, матросъ Дыбенко. Генералы типа Гутора козыряли и щеголяли геніальными планами.

Въ отношеніи угодливости и старанья полковникъ Каменевъ отнюдь не превзошелъ общій уровень военспецовъ.

«Я доволенъ моими генералами» — сказалъ Троцкій еще въ прошломъ январѣ... «На примѣрѣ вождей красной арміи мы могли убѣдиться въ полезности привлеченія буржуазныхъ спеціалистовъ» — прибавилъ недавно Ленинъ.

... А когда вспыхнуло Кронштадтское возстаніе, когда никто изъ спецовъ не увлекся примѣ-

ромъ скромнаго Козловскаго, и лишь полковникъ Каменевъ пожалъ лавры полковниковъ Мина и Римана, тогда и заядлымъ скептикамъ стало понятно, что Левинъ фокусъ дѣйствительно удался.

Деньги не пахнутъ, продажа шпаги не портитъ клинка.

АНАРХИСТЫ.

I.

«Слово принадлежитъ Карелину Владимиру!»...

Сто шестьдесятъ большевиковъ, заполнившихъ бывшій концертный залъ злосчастнаго Мамонтовскаго «Метрополя», начинаютъ гоготать заранѣе. Но хохотомъ не смутишь этого неугомоннаго благообразнаго старика съ внѣшностью президента Лубэ.

Проворно взбѣгаетъ онъ на эстраду. Какіе нибудь шесть мѣсяцевъ назадъ румынъ Матіэску разливался здѣсь въ Легаровскихъ руладахъ; а сегодня звучатъ вегетаріанскіе призывы къ добру, къ уничтоженію всякой власти и всякой собственности, всякаго террора и всякой злобы...

«Что думалъ по этому поводу Христосъ»? — саркастически перебиваетъ изсиня-блѣдный отъ перманентной внутренней злобы Бухаринъ.

«Можно и объ Іисусѣ» — сыпятся священные тексты.

«Прекратите балаганъ» — хрипитъ Мартовъ. И среди общаго воя, хохота, брани, веселый ру-

мяный матросъ Донской (который еще черезъ три мѣсяца бросилъ въ Кіевѣ бомбу въ фельдмаршала Эйхгорна и самъ повисъ на площади въ Липкахъ) вкладываетъ въ ротъ три пальца. Разбойничій соловьиный посвистъ...

Настаетъ очередь предсѣдателя — невозмутимаго Свердлова. Въ кожаной курткѣ, въ кожаныхъ штанахъ, изумительно похожій на штопоръ, іерихонскимъ голосомъ возглашаетъ Свердловъ.

— «Гильотинирую пренія»...

Карелинъ бѣжитъ на крайній лѣвый флангъ и со страстной жестикуляціей что-то говоритъ своему сосѣду, Александру Ге. Колесо вертится.

* * *

Съ момента установленія совѣтской власти въ средѣ московскихъ анархистовъ немедленно произошелъ расколъ. Часть — немногочисленная и невліятельная — встала на «совѣтскую платформу» и послала своихъ депутатовъ во Всероссійскій Ц. И. К. Въ качествѣ лидеровъ она имѣла Владимира Карелина и Александра Ге. Идеи, тактика, логика и этика — все наполняющее жизнь партіи — зарождалось въ приплюснутой лысой головѣ Александра Ге. Маленькій, сморщенный, въ неизмѣнной черной косоворотькѣ, самое странное впечатлѣніе производилъ этотъ безнадежно запутавшійся человѣкъ.

Бѣгали острые глазки, дергалась щека и

онъ пытался доказывать Ленину и Троцкому, что «желѣзные батальоны не нужны пролетаріату, ибо сила его въ организованныхъ усиліяхъ всѣхъ рабочихъ»... Ленинъ презрительно почесывалъ бороденку, Троцкій угрожающе намекалъ на «слабыя головы, слабо сидящія на безвластныхъ плечахъ», а самъ Ге...

Ге не пренебрегалъ ни совѣтскими курульными должностями, ни кулуарами особняка Берга въ Денежномъ переулкѣ, гдѣ расположился нѣмецкій посолъ графъ Мирбахъ... По крайней мѣрѣ, когда, собираясь выпускать анархическую газету, Ге пришелъ звать въ сотрудники теоретика-анархиста, профессора А. А. Борового, тотъ, не смущаясь присутствіемъ двухъ свидѣтелей, рѣзко сказалъ: «я не собираюсь пропагандировать анархизмъ на счетъ германскаго посольства»!

«У каждаго свое отношеніе къ цѣлесообразности» — слабо улыбнулся Ге и немедленно ретировался.

Вскорѣ его близость къ Мирбаху стала секретомъ Полишинеля, повсплывали подробности военныхъ лѣтъ, и Александръ Ге удалился на Сѣверный Кавказъ.

Лѣто 1918 застало его секретаремъ совдепа и диктаторомъ Кисловодска. Здѣсь, въ гостиницѣ «Грандъ-Отель», наполненной паническими бѣженцами, онъ повелъ широкую жизнь.

Средства получались отъ доброхотныхъ приношеній королей нефти, банковъ и биржи, заброшенныхъ революціей въ Кисловодскъ и пытавшихся брильянтами, табакерками и шампанскимъ задобрить всесильнаго секретаря и смягчить ужасы минераловодскаго террора.

Съ первыхъ же дней выяснилось, что Александръ Ге и самъ является лицомъ подчиненнымъ, совершенно пассуя предъ Ге Ксеніей — его женой.

Интеллигентная, талантливая, рѣдкая красавица и рѣдкая умница — Ксенія Ге вписала новую страницу въ исторію русскихъ женщинъ. Повѣяло сюжетами Карла Гоцци, роковыми венеціанскими масками, ядовитымъ ароматомъ мемуаровъ Казановы.

Пѣвица, музыкантша, художница, авантюристка съ явно выраженными садическими наклонностями, — она сплотила вокругъ себя, въ своемъ «художественномъ салонѣ» весь цвѣтъ буржуазіи и аристократіи. На ея вечерахъ присутствовали великіе князья, завершившіе здѣсь славный циклъ, начатый гибелью «Петропавловска» и кутежами въ Мукденѣ. Къ ея посредничеству прибѣгали министры, банкиры, генералы, промышленники. Выступали знаменитые артисты; оперная примадонна, помнившая огни Ковентъ-Гардена и цвѣты « La Scala », считала радостью и гарантіей жизни спѣть романсъ на Soirée у Ге.

Очаровательная хозяйка, въ глубокомъ декольтэ, съ нитками чужого розоваго и чернаго жемчуга на шеѣ — величественно протягивала руку для поцѣлуя, милостиво соглашалась на туръ вальса, а въ ея сѣрыхъ перемѣнчивыхъ глазахъ не потухала угроза, слишкомъ понятная тѣмъ изъ гостей, на чьихъ лицахъ останавливался ея взглядъ: домъ Теръ-Погосова, гдѣ въ реквизированномъ кабарэ размѣстилась Чека, гдѣ кровью сотенъ заложниковъ были запачканы намалеванныя на стѣнахъ Коломбины, домъ Теръ-Погосова былъ черезъ дорогу, въ двухъ минутахъ ходьбы. Одно неосторожное слово, одно возраженіе — и съ «Лунной Сонаты» человѣкъ попадалъ въ «кабарэ» Теръ-Погосова! Въ дни этихъ ужиновъ-шутокъ въ Кисловодскѣ, въ Пятигорскѣ Анджіевскій, другъ и покровитель Ксеніи Ге, зарубилъ Рузскаго и Радко-Дмитріева.

Ксенія Ге настолько вѣрила въ силу своихъ чаръ и въ преданность своихъ гостей, что заставила мужа остаться въ Кисловодскѣ при приходѣ добровольцевъ. Ей казалось, что великіе князья и короли нефти смогутъ ее устроить и при Деникинѣ.

Судьба мужа рѣшилась сразу: 7 января 1919, въ первый-же день добровольцевъ, онъ былъ арестованъ и — по традиціи — «застрѣленъ при попыткѣ къ побѣгу».

Жена боролась за жизнь нѣсколько жуткихъ

дней. Нашлись люди, которые пошли хлопотать за нее. Нашелся молодой офицеръ, начальникъ конвоя, у котораго Ге дорогой цѣной купила побѣгъ. Съ необычайной дерзостью она бѣжитъ по улицамъ, наполненнымъ ея бывшими гостями. Она убѣгаетъ въ Ессентуки, прячется на уединенной дачѣ. И здѣсь чрезъ сутки попадаетъ въ руки гнавшагося за ней по пятамъ начальника добровольческой контръ-развѣдки. И этому полковнику, и усиленному патрулю, сторожившему ея послѣднюю ночь, Ксенія Ге снова дѣлаетъ свои обычныя предложенія.

На туманномъ январьскомъ разсвѣтѣ подъ бой барабановъ предъ фронтомъ войскъ палачъ подошелъ къ ней съ петлей въ рукахъ. И при тусклomъ миганьи фонарей, едва узнавая позеленѣвшія лица своихъ гостей, она произнесла послѣднюю рѣчь. Съ неистовой злобой, съ силой смертной ненависти, Ксенія Ге предрекала гибель Добровольческой Арміи, смерть своимъ судьямъ и палачамъ.

Палачъ, угрюмый терецъ въ мохнатой папахѣ, потянулъ веревку, а она все еще хрипѣла какія-то слова проклятій.

Ксенія Ге придумала Александра Ге, она написала всѣ его рѣчи, опредѣлила всѣ его поступки, водила его отъ Мирбаха къ Ленину, отъ царскихъ почестей къ эшафоту. И, если веселый малый Анжъ Питу нѣкогда рѣшилъ судьбы Бастиліи, Ксенія Ге, женщина, умѣвшая желать, при-

готовила гибель всей группѣ совѣтскихъ анархистовъ, которые послѣ смерти Ге разсосались въ общемъ коммунистическомъ болотѣ.

II.

«Александръ Ге палъ жертвой своей звѣриной глупости, своей подлой измѣны *солнечному* дѣлу анархизма. Онъ сталъ рабомъ большевиковъ и онъ погибъ. Его смерть великое предостереженіе остальнымъ изъ тѣхъ, кто ни горячъ, ни холоденъ»... — Такими словами отозвался на кисловодскія событія «бр. Гординъ» (псевдонимъ В. Гордина) — вождь «непримиримыхъ» московскихъ анархистовъ, помогавшихъ большевикамъ свергнуть Временное Правительство и немедленно возставшихъ и противъ большевистской власти. «Бр. Гординъ», Бармашъ, Солоновичъ и Левъ Черный взяли въ свои руки кормило анархическаго движенія; чрезъ три года оно выродилось въ безсиліе демонстрацій съ черными знаменами предъ гробомъ чуждаго имъ Кропоткина.

«Бр. Гординъ» — маленькій хромой человѣчекъ. Прыщавый, золотушный, съ гноящимися ушами, весь въ струпьяхъ и ранахъ во время октябрьскихъ боевъ онъ попалъ подъ сабли казачьяго разъѣзда, — «бр. Гординъ» превосходилъ и Мартова и Бухарина, перваго — безобразіемъ, второго — злостью. Убійственно мѣтко

сказалъ о немъ А.А. Боровой: «Гординъ, конечно, русскій Маратъ, но ему не страшна Шарлотта Кордэ, потому что онъ никогда не принимаетъ ванны»!..

Съ отрядомъ неизвѣстно откуда взявшихся кавказцевъ въ мартѣ 1918 Гординъ занялъ купеческій клубъ (на Большой Дмитровкѣ), нѣсколько особняковъ и типографію Рябушинскаго (вмѣстѣ съ частью помѣщенія «Утра Россіи»). Захватъ типографіи и бумаги создалъ ежедневную газету «Анархія», на страницахъ которой и разыгралась злость русскаго Марата. Но при его писательской бездарности его злость не смогла перейти въ чернильницу, и чѣмъ слабѣе онъ писалъ, тѣмъ больше бѣсился отъ сознанія собственнаго косноязычія. Какъ бѣшеный верблюдъ, онъ заплевывалъ всѣхъ и все. Кропоткина и Ленина, Лонгэ и Брусилова, союзныхъ пословъ и швейцарскихъ соціалистовъ, владѣльцевъ типографіи и генерала Маннергейма. Понадобились деньги — и Гординъ, не колеблясь ни минуты, организуетъ налеты на частныя квартиры.

При ограбленіи квартиры фабриканта Л., крѣпкодумный упорный купецъ отказался выдать ключи отъ кассы. Столовыми ножами ему надрѣзали щеки, лобъ, кожу на плечахъ и шеѣ, и поливали мѣста порѣзовъ одеколономъ... Это было то, что «бр. Гординъ» называлъ въ своихъ статьяхъ «необходимымъ вмѣшательствомъ ре-

волюціи въ преступную медлительность, проявляемую большевистской реакціей при экспропріаціи экспропріаторовъ»... И день за днемъ, статья за статьей, онъ призывалъ къ единоличному террору, къ «неусыпному, активному бодрствованію»...

Репертуаръ Гордина былъ исключительно ничтоженъ. Его невѣжество равнялось его злобѣ. «Духъ разрушенія есть духъ созиданія», «анархія — мать порядка», «собственность — кража», еще полдесятка прямыхъ и обратныхъ общихъ мѣстъ — дальше онъ не шелъ, да и... не нужно было идти.

Если его далекому предшественнику Бакунину приходилось доказывать, убѣждать, фехтовать на рапирахъ діалектики — нынѣшнихъ активныхъ членовъ анархической ассоціаціи вполнѣ устраивала и Гординовская незамысловатая надстройка; грабежи все усиливались.

Когда же дѣло касалось душъ ищущихъ и мятежныхъ, разочарованныхъ и требующихъ, въ этихъ случаяхъ вулканизмъ призывовъ Гордина находилъ поддержку во вдохновенномъ доктринерствѣ доцента Солоновича, талантливомъ изощренномъ краснорѣчіи инженера Бармаша и продуманныхъ тихихъ исповѣдяхъ бывшаго каторжника Льва Чернаго (тов. Павла).

Причудливымъ, баснословнымъ образомъ въ дубовомъ кабинетѣ директоровъ купеческаго клуба сошлись эти четыре человѣка. Ни общаго

языка, ни единства методовъ, ни совпаденія идеаловъ.

Нуженъ былъ русскій бунтарскій 1917-18 г., чтобъ всѣ они умѣстились за ничего не говорящую скобку «анархизма».

— —

Наименѣе экспромптнымъ, наиболѣе осознаннымъ, внутри оправданнымъ, пожалуй, облагороженнымъ былъ анархизмъ Льва Чернаго.

Въ молодые годы онъ былъ близокъ къ марксистамъ булгаковскаго толка, намѣревался писать работу: «Комментаріи къ главѣ о понятіи класса»... Теорія эмиграціи, практика каторги, уроки войны,разочарованіе въ мощи соціализма —и къ моменту мартовской революціи у него полностью сложилось то, что было извѣстно подъ именемъ «доктрины купеческаго клуба» и что, впрочемъ, не пошло дальше комнаты генеральнаго секретаря (б. кабинета эконома...).

Черный не вѣрилъ въ благость какой-либо власти; но и безвластіе не обманывало его въ своемъ пдиллизмѣ. Иногда казалось, что прежде всего онъ хочетъ уговорить самъ себя, когда, глядя на привозимыя его мнимыми адептами ворованныя вещи: коньякъ, муку, онъ горячо доказываетъ — «Ледоходъ не можетъ быть прозрачнымъ»...

Среди обезумѣвшихъ отъ крови, кокаина и спирта матросовъ, въ толпѣ алыхъ и черныхъ

черкесокъ кавказцевъ, среди гимнастерокъ, проституткъ, подозрительныхъ котелковъ, въ соболя расфуфыренныхъ анархистокъ, этотъ очень высокій, гнущійся человѣкъ поспѣшно проходилъ, стыдливо потупивъ огромные, юродивые глаза. Въ его глазахъ, какъ и во всемъ лицѣ, было нѣчто, до боли напоминавшее Всеволода Гаршина. Увы! И Черному не удалось сорвать рокового цвѣтка, и клумбы зла по прежнему покрывались яркимъ ковромъ. Его полная безсребренность, его нищета, доходившая до оборванныхъ брюкъ, до продолжительныхъ голодовокъ, не мѣшали вооруженнымъ слушателямъ его лекцій тутъ-же въ залѣ пересчитывать зеленыя Керенскія тысячи, пересыпать разнообразные камни.

Ему не удалось убѣдить даже своихъ ближайшихъ товарищей, другихъ главарей купеческаго клуба.

«Пролетаріатъ не можетъ не грабить, если онъ разсчитываетъ жить; анархистъ не можетъ не убивать, если онъ въ серьезъ хочетъ освободить міръ отъ душащихъ щупальцъ государства» — такъ въ залахъ клуба, въ корпусахъ заводовъ Замоскворѣчья и на аренахъ двухъ цирковъ проповѣдывалъ инженеръ Владимиръ Бармашъ.

Бармашъ сталъ знаменитостью въ полчаса. Когда-то въ 1905-6 г. г. онъ читалъ книжки въ красной обложкѣ, ходилъ на массовки, посидѣлъ въ Бутыркахъ, потомъ образумился и зажилъ,

какъ подобаетъ владѣльцу 1.200 десятинъ тамбовскаго чернозема.

Служа въ транспортномъ отдѣлѣ союза городовъ, пользуясь уваженіемъ и отсрочкой, всѣ три года войны онъ разъѣзжалъ на «союзномъ» фордѣ, посѣщая художественниковъ, вернисажи, имѣлъ жену—обычную настоящую женщину въ котиковомъ манто и мохнатыхъ ботикахъ, — короче, ничто не предвѣщало будущаго трибуна.

Въ началѣ революціи онъ зашелъ въ манежъ на Моховой, сказалъ рѣчь. Неожиданно ему устроили овацію. Неожиданно оказалось, что онъ не только первоклассный ораторъ, но обладаетъ кромѣ того секретомъ всѣхъ кумировъ всѣхъ революцій — умѣетъ быть самымъ крайнимъ, высказывалъ мысли и дешевыя и безумныя одновременно.

Противъ Дарданеллъ, въ защиту сепаратнаго мира, мира немедленно, за раздачу земли, денегъ и бѣлаго хлѣба, раздачу немедленно, и — такъ какъ каждая партія стѣсняла и требовала дисциплины, невыгодной для успѣховъ у толпы — Бармашъ первоначально занялъ положеніе безпартійнаго, сочувствующаго большевикамъ. Такъ длилось нѣсколько мѣсяцевъ. За это время создалась анархическая ассоціація, съ которой онъ сблизился и отъ которой заразился увлекательными для души демагога, разрушительными, сильно дѣйствующими лозунгами.

Свобода отъ какихъ бы то ни было программъ,

громадный голосъ, темпераментъ пророка, знаніе толпы, чувство вольта, требуемаго въ данный моментъ, умѣнье оборачивать словечки противника въ свою пользу — во второй періодъ революціи, когда обозначилась ненависть къ именамъ и заслугамъ — эти качества вознесли его до положенія истиннаго народнаго трибуна, какимъ никогда не былъ даже Троцкій, не говоря уже о Маклаковѣ, Церетелли, Керенскомъ.

Всякая реплика должна быть немедленно использована!

«То, къ чему вы зовете — есть терроръ» — крикнулъ ему на митингѣ (на заводѣ Бромлея) предсѣдатель перваго меньшевистскаго совдепа Хинчукъ.

«Да,терроръ — громовымъ голосомъ парировалъ Бармашъ—но тотъ терроръ, котораго вы еще не видѣли,котораго вы уже заслуживаете!.. Терроръ во французскомъ смыслѣ слова»...

Слова, какъ будто безъ всякой значительности, а Бармаша рабочіе вынесли на рукахъ!...

Бармашъ могъ стать большевикомъ, но отказъ большевиковъ предоставить ему руководящій постъ въ союзѣ городовъ окончательно укрѣпилъ его анархическую позицію, его имѣвшую такой успѣхъ ненависть ко всякой власти. Въ тѣ дни солдатъ, рабочій, крестьянинъ говорили — «старый прижимъ, новый прижимъ — выходитъ на одно»...

И открывая курсы матросовъ-анархистовъ, Бармашъ сказалъ: «Всѣмъ этимъ тупицамъ изъ жеваннаго пресспапье, всѣмъ этимъ отрыжкамъ полиціи и тюрьмы мы еще покажемъ, мы бросимъ въ нихъ самую страшную бомбу — первую анархическую общину, о которой закричитъ въ восторгѣ весь подлунный міръ»...

Колыбелью этой общины долженъ былъ стать купеческій клубъ, гдѣ рядъ поколѣній игралъ въ желѣзку, жевалъ майонезъ изъ осетрины и пилъ николаевскую водку.

Гординъ — главнокомандующій; Бармашъ — трибунъ; Левъ Черный — совѣсть. Мудрость и эрудиція были представлены питомцемъ стараго міра — Алексѣемъ Солоновичемъ.

Въ двадцать лѣтъ послушникъ Святогорскаго монастыря, въ двадцать шесть — приватъ-доцентъ Московскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, Солоновичъ излагалъ теорему Лобачевскаго въ стихахъ, а предощущеніе распада и созданіе міровъ посѣтило его «въ тихой музыкѣ дифференціаловъ и интеграловъ»... Къ анархизму онъ пришелъ этимъ труднымъ, не баналнымъ путемъ: «то, чего не договорилъ Нитше, чего не понялъ Штирнеръ, я раскрылъ въ безгрѣшномъ аналпзѣ. И развѣ законъ безконечно малыхъ пе есть символъ цѣнности каждой личности»?.. Когда началсп изданіемъ анархическій журналъ«Кличъ»,Солоновичъ извѣстилъ

редакцію о желаніи написать поэму «О человѣкѣ въ его вертикальномъ стремленіи къ божеству и горизонтальномъ пути къ анархизму»...

Аудиторіи, состоявшей изъ балтійскихъ матросовъ и Сунджженскихъ ингушей, Солоновичъ читалъ докладъ о «Яковѣ Беме, первомъ осознавшемъ себя анархистѣ»; всѣ цитаты изъ Беме приводились въ латинскомъ подлинникѣ. Не трудно понять, что на переводѣ никто особенно не настаивалъ.

Безуміе Солоновича, взращеннаго на «Вѣсахъ», полемикѣ съ символистами и эпигонахъ Соловьева, было тѣмъ своеобразнымъ московскимъ юродивымъ вывихомъ, который на вершинахъ давалъ въ XVI столѣтіи Василія Блаженнаго, въ XX столѣтіи Андрея Бѣлаго, который въ революцію обогналъ самыхъ пылкихъ изъ пылкихъ, самыхъ лѣвыхъ изъ лѣвыхъ...

Брызжущая слюна, растлительный ядъ Гордина, душевный разговоръ Чернаго, олимпійскіе раскаты Бармаша, мистическіе тексты взволнованнаго, всклокоченнаго Солоновича — и послѣ трехчасового томленія аудиторія, стуча винтовками, шашками, заряжая на ходу маузеры, усаживалась въ автомобили и мчалась на тихія улицы, гдѣ въ испуганныхъ особнякахъ, подъ половицами и въ печныхъ заслонкахъ были спрятаны серьги, діадемы, кулоны, керенки...

Начиналась практика купеческаго клуба.

Щупальцы ассоціаціи, расположившейся въ клубѣ и въ особнякахъ Морозова на Покровкѣ, Цейтлина на Поварской — простирались не только на Москву, но и на окрестные города: Серпуховъ, Богородскъ, Дмитровъ и др., куда можно было добраться на выносливыхъ грузовикахъ.

Въ чемъ же выражалась ихъ дѣятельность, кромѣ налетовъ, лекцій и изданія газеты? Въ организаціи безплатныхъ обѣдовъ, приготовленныхъ изъ реквизированной провизіи, въ устройствѣ баловъ, концертовъ и т. п. Каждый сочувствующій имѣлъ право свободно войти въ клубъ, пообѣдать, почитать книги и журналы (растащенные въ первую же недѣлю), послушать ораторовъ и исполнителей. Желающій стать анархистомъ получалъ винтовку, ручную бомбу, обоймы. Вотъ и вся дѣятельность...

Но таково было безбрежное отвращеніе къ большевикамъ, къ комиссарамъ, къ совдепамъ, что и за анархистовъ уцѣпились какъ за возможный трамплинъ къ лучшему будущему. Настали любопытнѣйшія недѣли: въ купеческій клубъ открылось паломничество представителей самыхъ различныхъ группъ. Купцы, офицеры, рабочіе, безработные адвокаты приходили съ разнообразными предложеніями и просьбами: организовать возстаніе, обуздать районнаго комиссара, дать оружіе для домовой охраны и. т. п.

Въ передней и въ залахъ на кожаныхъ креслахъ и на бархатныхъ диванахъ спали и играли въ карты пьяные верзилы съ физіономіями наемныхъ убійцъ. Но эти первыя впечатлѣнія мало кого смущали. Вѣдь въ томъ-же самомъ 1918 году населеніе Херсона, доведенное до отчаянья постоянными налетами и смѣнами «режимовъ» выпустило изъ каторжной тюрьмы арестантовъ, давшихъ честное слово защищать городъ отъ полчищъ Муравьева!

Психологія херсонцевъ имѣла широкое распространеніе и въ Москвѣ. Такъ, организаторъ офицерскихъ ячеекъ въ Москвѣ получилъ инструкцію съ юга, изъ штаба Алексѣева — «поддерживать интенсивную связь съ организаціей Льва Чернаго»...

Въ обширной столовой клуба за длинными столами среди сотенъ курносыхъ и скуластыхъ физіономій мелькали зачастую твердые подбородки и англо-саксонскіе профили; — въ штатскомъ, слабо скрывавшемъ ихъ личность, представители англійской военной миссіи и информаціоннаго отдѣленія американскаго комитета—слушали, разсматривали, ходили по комнатамъ, внимательно подсчитывали количество оружія, валявшагося повсюду.

Спустя годъ, на банкетѣ въ честь союзныхъ миссій въ Ростовѣ, я встрѣтилъ майора, съ которымъ однажды обѣдалъ въ купеческомъ клубѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ, что къ началу апрѣля

1918г.интересъ,возбужденный анархистами,былъ столь великъ, что ихъ организаціямъ и возможности ихъ использованія для борьбы съ совѣтской властью удѣлилъ цѣлую главу въ докладѣ своему правительству англійскій консулъ; французскій же генералъ Ловерна (глава московской миссіи) черезъ третьихъ лицъ предложилъ своихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ...

Не могу забыть, какъ однимъ мартовскимъ воскресеньемъ, зайдя въ кабинетъ Льва Чернаго, я встрѣтилъ совершенно невѣроятное общество.

Покойный философъ Викторовъ (повѣсился въ прошломъ году) убѣждалъ хозяина въ неосуществимости возвѣщаемаго имъ рая, убѣждалъ, поддерживаемый... Влад. Дуровымъ, приводившимъ примѣры изъ жизни своихъ животныхъ, и старымъ анархистомъ Я. Новомпрскимъ, ссылавшимся на опытъ 1905 г. Въ углу у книжной полки, молча, сидѣлъ и слушалъ одинъ изъ крупнѣйшихъ суконщиковъ московскаго района...

А въ сосѣдней комнатѣ вокругъ характерной фигуры Мамонта Дальскаго собралась цѣлая толпа его бывшихъ театральныхъ поклонницъ. Старый артистъ горячо кричалъ: «Ленинъ и царь, Керенскій и Троцкій—одинаковая дрянь. Мнѣ и искусству не нужно никакой власти»... На 1 іюня имъ проектировалась постановка фееріи. Увы! къ этому времени Дальскій уже погибъ подъ колесами трамвая, а самъ клубъ...

* * *

Начиная съ середины марта уже не только среди обывателей, но и въ кругахъ совдепа и Ц. И. К. съ тревогой заговорили о все усиливающемся вооруженіи новыхъ членовъ клуба. Новые члены состояли изъ б. городовыхъ и идейныхъ офицеровъ, явныхъ грабителей и скрывающихся политическихъ. Восходящее свѣтило Дзержинскій (тогда еще не было чека) сдѣлалъ докладъ въ президіумѣ Ц. И. К. По мнѣнію докладчика, анархическія организаціи слѣдовало ликвидировать въ кратчайшій срокъ. Докладъ встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію. Покойный Свердловъ и Бухаринъ полагали, что съ анархистами можно спѣться, быть можетъ, кооптировать, если не въ Совнаркомъ, то въ Совнархозъ. Ленинъ — съ его обычной жаждой передышки — принялъ традиціонное рѣшеніе: вступить въ переговоры, слегка потворствовать, а исподоволь подготовлять ликвидацію. Конецъ марта и середина апрѣля — кульминація вліянія анархистовъ, которое уже никогда къ нимъ не вернется за всѣ послѣдующіе три года.

24 марта 1918 года Ленинъ прислалъ письмо на имя Льва Чернаго; высказывая свое удовольствіе работой клуба, глава Совнаркома призывалъ вѣрить въ его «искреннее сочувствіе молодому анархическому движенію». Клубу была обѣщена всевозможная поддержка. «Анархіи»

дали бумагу, для столовой отпускали хлѣбъ и. т. д. И главари заколебались. Бармашу уже рисовался портфель Наркома, Черный уже вѣрилъ въ возможность «совмѣстнаго спасенія рабочаго класса на основѣ свободной экономической организаціи профсоюзовъ»... Одновременно, чтобъ не портить отношеній съ властью, «бр. Гординъ» сталъ попридерживать своихъ налетчиковъ. И кавказская группа во главѣ съ Илико, возмущенная соглашательствомъ,послѣ оживленной стрѣльбы на лѣстницахъ клуба удалилась для сепаратной работы. Впослѣдствіи большинство участниковъ этой группы было переловлено по-одиночкѣ лѣтомъ и осенью 1918 года.

Илико уѣхалъ на Кавказъ и въ Пятигорскѣ, пользуясь рекомендаціей Ге, устроился помощникомъ къ предсѣдателю исполкома Анджіевскому.

Въ Кремлѣ улыбнулись и дали знать Дзержинскому, что моментъ наступаетъ.

12 апрѣля подкупленные Дзержинскимъ часовые клуба испортили льюисовскіе пулеметы,въ изобиліи разставленные въ амбразурахъ оконъ. Ночью въ клубъ (входъ былъ свободенъ всѣ 24 часа) группами прошли латыши особаго отряда. И когда на разсвѣтѣ 13-го броневикъ, подъѣхавшій со стороны Путинковскаго переулка, безъ всякаго предупрежденія ахнулъ по клубу изъ четырехдюймовокъ, анархисты тщетно

кинулись къ пулеметамъ. Въ тотъ же моментъ завязался бой внутри со спрятавшимися латышами. Черезъ часъ ковры, паркетъ, кресла были въ крови, въ комнатахъ стоялъ дымъ, въ корридорѣ горсточка матросовъ сдерживала натискъ все новыхъ и новыхъ отрядовъ. Въ восьмомъ часу утра надъ зданіемъ уже взвился бѣлый флагъ. Нападеніе было настолько неожиданно, что ночевавшіе за Бутырской заставой Бармашъ и Черный, проснувшись въ девять часовъ, лишь по дорогѣ узнали, что уже все кончено и что ихъ разыскиваютъ.

Бармашъ подвязалъ бороду и бѣжалъ къ себѣ на хуторъ (въ Тамбовскую губ.), гдѣ и скрывался больше мѣсяца, Черный, «бр. Гординъ» и Солоновичъ были арестованы и посажены въ Бутырки, гдѣ просидѣли очень недолго. Недовольство на всѣхъ рѣшительно фабрикахъ вынудило Ленина согласиться на условное освобожденіе анархистовъ, не причастныхъ къ бандитизму — весной 1918 года, когда еще не было красной арміи, приходилось считаться съ настроеніями Замоскворѣчья.

Особнякъ Цейтлина, къ великому ужасу сосѣдей и владѣльца, не сдавался цѣлыя сутки. Перестрѣлка, ручныя гранаты, пулеметный отвѣтъ — на протяженіи одного квартала Поварской. Тогда снова броневикъ рѣшилъ дѣло: подъѣхалъ и въ упоръ, съ нѣсколькихъ шаговъ двинулъ зажигательнымъ снарядомъ. Сквозь бреши обва-

ливающейся фасадной стѣны толпа безстрашныхъ зѣвакъ глядѣла на совершенно разрушенную горящую квартиру. Одна люстра какимъ-то чудомъ уцѣлѣла и блистала всѣми огнями...

Немногочисленный гарнизонъ морозовскаго особняка, не дожидаясь своей очереди, разбѣжался и притомъ настолько поспѣшно, что даже не успѣлъ ничего захватить изъ богатѣйшей коллекціи Ванъ-Гоговъ и Сезановъ, которую счастливый случай спасъ отъ полной гибели.

День 13 апрѣля 1918 г. можно считать окончаніемъ реальной жизни московской ассоціаціи анархистовъ. Бездарность и случайный подборъ вождей, уголовный составъ рядовыхъ членовъ, общая халатность и московская самонадѣянность въ самомъ зародышѣ убили движеніе, сулившее столько бѣдъ совѣтской власти. Кромѣ трехъ особняковъ, 13 апрѣля былъ потерянъ всякій авторитетъ. Данныя слѣдствія, выяснившія грабительскую дѣятельность клуба, чрезвычайно обезкуражили рабочихъ, потерявшихъ послѣднюю надежду. Гординъ, Бармашъ оказались конченными людьми; за ними больше не шли, ихъ даже перестали слушать.

Три года прошло съ того дня. Сколько роковыхъ дней переживала Р. С. Ф. С. Р. и ни разу анархисты не смогли организовать ничего маломальски серьезнаго. Бомба, брошенная ими прошлой осенью въ коммунистическую квартиру (въ Чернышевскомъ пер), не убивъ никого

изъ главныхъ, стоила жизни нѣсколькимъ сотнямъ заложниковъ.

Движеніе умерло, его вожди сошли со сцены. Но мало кто изъ нихъ заслужилъ хотя-бы ту эпитафію, которую Ленинъ составилъ для лѣвыхъ эс-эровъ.

«Они предпочли войти въ исторію жертвами, а не дураками»...

III.

Въ сторонѣ отъ броневиковъ, налетовъ и дешевыхъ бравадъ, мучительно переживая оскудѣніе анархическаго дѣла, Алексѣй Боровой и Яковъ Новомирскій шли своимъ особымъ путемъ.

«Двухъ становъ бойцы»—кинулъ по ихъ адресу Стекловъ — и было остріе въ его шаблонѣ.

Боровой ни въ чемъ и никогда не осуществилъ изумительнаго богатства своего таланта, своей богатой любящей жизнь натуры.

Молодымъ доцентомъ Московскаго университета, извѣдавъ горечь первой революціи, первыхъ завядшихъ лавровъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, писалъ диссертацію, находился въ общеніи съ художниками и политиками. Въ однихъ его славянской, — глубоко лѣнивой и зараженной тоской по активизму — душѣ чуялись цвѣты мѣщанства, въ

другихъ его ущербное сознаніе, стыдливая боязнь бума усматривали мишуру, позолоченную мѣдь, политиканство.

Олимпійскій скепсисъ Франса, пухлое краснорѣчіе Жореса, нудный Гэдъ, пошловатый Сэмба — время просѣивало; отъ идей 1789 г. оставались Бріаны и Вивіани... А въ прокуренныхъ кофейняхъ лѣваго берега по прежнему расхаживалъ съ портфелемъ подъ мышкой презрительный Троцкій; и Мартовъ, окруженный русскими эмигрантами и французскими petites femmes, разглагольствовалъ о Марксѣ, о войнѣ, о любви...

Талантъ Борового требовалъ теплицъ, уюта, стеклянныхъ стѣнъ; ползла реакція, засѣдала третьеіюньская Дума, никто не звалъ его ни въ спасители міра, ни въ реформаторы Россіи. Начиналось отчаянье.

На-спѣхъ, въ засосъ написалъ онъ первый томъ своей «исторіи идеи личной свободы во Франціи», сказалъ послѣднюю рѣчь въ кафэ «Closerie des Lilas» и... кинулся въ Москву, въ университетъ, защищать диссертацію и искать забвенія въ темноватыхъ квартирахъ Пречистенки.

«Анархистъ, другъ и ученикъ Тэкера защищаетъ диссертацію!» — Отъ письменныхъ столовъ и книжныхъ полокъ въ изумленіи оторвались многоумныя головы многоученыхъ кадетскихъ профессоровъ.

Великолѣпный Муромцевъ поморщился,

вспомня критическія рѣчи Борового о кадетахъ; недовѣрчивый заговорщикъ Котляревскій почесалъ мефистофельскую бородку; по университетскимъ кабинетамъ зашушукались младшіе боги.

70 лѣтъ назадъ, въ студенческіе годы Буслаева, старикъ Снегиревъ, поднимая палецъ, возглашалъ: «Nolite negligere grammaticam Butmani» и пресерьезно доказывалъ, что сперва хлѣбъ бродитъ и отсюда нѣмецкое «Brot», потомъ онъ пѣнится и отсюда французское « pain », потомъ онъ идетъ на — низъ и отсюда латинское « panis »; 70 лѣтъ назадъ отъ смрада профессорской жизни, мелкихъ сплетенъ большихъ людей опрометью бѣжалъ В. С. Печоринъ, посылая проклятья «alma mater».

Въ 1910 атмосфера не была чище. Вмѣсто одного Кассо реакціоннаго, которымъ подарило будущее, имѣлось пятьдесятъ Кассо либеральныхъ... Книгу Борового повертѣли, понюхали, съ опаской прочли и въ виду явно не кадетскаго образа мыслей автора не допустили къ защитѣ диссертаціи...

Боровой закипѣлъ, заметался, написалъ страстный памфлетъ — «исторія идеи личной свободы въ Московскомъ университетѣ» — и бросился въ тяжкое похмелье редакцій, диспутовъ въ литературныхъ кружкахъ, политическихъ

обѣдовъ, символическихъ ужиновъ, ритмическихъ танцевъ.

Четыре года подрядъ писалъ онъ ненужныя статьи; четыре года подрядъ Брюсовъ лающимъ голосомъ читалъ отчетъ дирекціи кружка, Маяковскій билъ кого-то по мордѣ и ходилъ въ оранжевой кофтѣ; четыре года подрядъ колоколенки звонили, студенты дежурили «на Шаляпина», Арбатъ торговалъ постнымъ сахаромъ.

А на пятый пришла война; всѣ позабыли объ *ихъ* путяхъ, и анархистъ Боровой оказался дѣлопроизводителемъ Брестскаго эвакуаціоннаго пункта.

Все было такъ, какъ должно было случиться, и, хотя потомъ, когда уже все кончилось, мудрецы сказали: «Мы знали, мы предчувствовали, мы готовились» — никто, ничего не зналъ, ничего не предчувствовалъ, ни къ чему не готовился.

И каждый дѣлалъ свое дѣло: царь отвѣчалъ на телеграммы «друга» и думалъ, что это страшно важно; думцы произносили рѣчи и думали, что руководятъ событіями; Боровой отвѣчалъ пораженцамъ, разоблачалъ упорнѣйшихъ, посылалъ убѣдительныя письма въ Италію и Америку и 26 февраля не пошелъ на лекцію потому, что торопился писать докладъ для командующаго войсками о «числѣ прошедшихъ за февралъ 1917 года чрезъ эвако-«пунктъ»...

Уже на второй мѣсяцъ стала ясна роковая

обреченность. Оставалось закрыть глаза и говорить то,что говорилось въ 1789, 1848, 1905 г.г.

Боровой прочелъ безчисленное количество разъ лекцію: «Классъ и Партія», гдѣ проводилъ свои взгляды о преимуществахъ l'action directe предъ борьбой въ законодательныхъ учрежденіяхъ, о силѣ классоваго сознанія и вредномъ безсиліи партійной спайки.

Кадеты и меньшевики ощерились, большевики засмѣялись, компанія Гордина и Александра Ге кинулись звать Борового къ себѣ.

Шпіонъ и грабитель... Выбора не было. Боровой еще разъ оказался межъ двухъ береговъ. Попытался онъ создать «федерацію союзовъ дѣятелей умственнаго труда», но на третьемъ засѣданіи охладѣлъ и махнулъ рукой.

Въ противовѣсъ «Анархіи» онъ мечталъ создать настоящую культурную газету, органъ идейнаго анархизма защиты «свободнаго творчества и идеи личности». Здѣсь рядомъ съ нимъ оказался — Яковъ Новомирскій.

Новомирскій организовывалъ возстаніе въ Одессѣ (1905 г.); Новомирскій прошелъ восьмилѣтнюю каторгу; Новомирскій работалъ въ Нью-Іоркскихъ газетахъ. Осуществленіе анархической идеи, месть за восьмилѣтнія холодныя слезы, сенсаціонные аншлаги и кричащіе подзаголовки телеграммъ — его страстная семитская душа была во власти всѣхъ трехъ стихій одновременно.

Его не пугало убійство: въ молодые годы при схваткѣ съ городовыми онъ не разъ прибѣгалъ къ маузеру.

Но воспоминаніе о кандалахъ, но запахъ типографской краски и таинственная сила печатнаго листа!..

Создать образцовую коммуну!

Нѣтъ, написать блестящій фельетонъ!..

А прежде всего отыскать своихъ былыхъ палачей и расправиться съ ними, какъ слѣдуетъ!..

Революція, свобода, счастье, но... конспирація въ немъ не умирала, въ лабиринтѣ двѣнадцати этажнаго дома Нирнзее весной 1918 г. онъ скрывался подъ чужой фамиліей въ чужой комнатѣ, каждый часъ ожидая невѣдомыхъ враговъ, каждый день выступая предъ многотысячными аудиторіями.

Онъ презиралъ Гордина и Ге, но ходилъ въ ихъ клубъ; онъ боролся съ большевиками, но Дзержинскій въ дни арестовъ съ усмѣшкой сказалъ: «Новомирскаго не троньте; онъ—нашъ»!..

Новомирскій хотѣлъ знать все: восемь лѣтъ на каторгѣ и пять за-границей онъ изучалъ: 1) качественный анализъ, 2) восточныя нарѣчья, 3) сопротивляемость матеріаловъ, 4) книги Блаватской, 5) источники римскаго права.

Рамзай, Уеллинекъ, Шлейхеръ, антиподъ Ницше—Вилламовицъ, и пр. и пр.—какой-то дьявольскій вихрь именъ, цитатъ, доказательствъ, историческихъ примѣровъ.

И при этомъ горящіе глаза, сжатые кулаки, готовность маузеромъ подтвердить свои слова.

Вдвоемъ съ Боровымъ они стали во главѣ газеты «Жизнь».

За два мѣсяца существованія «Жизнь» трижды перемѣнила составъ сотрудниковъ и въ зависимости отъ настроенія Новомирскаго ежедневно мѣняла окраску. Сегодня она пророчествовала о національномъ значеніи совѣтовъ, завтра проклинала совнаркомъ, послѣ завтра требовала интервенціи...

Потомъ и «Жизнь» закрылась, оставя память о забавномъ сумбурѣ. Потянулись горькіе дни. Во весь ростъ предъ Боровымъ и Новомирскимъ сталъ вопросъ о выборѣ.

И какъ они не захотѣли найти общаго языка съ московскими анархистами, какъ они не сумѣли дойти до конца въ борьбѣ съ большевиками, такъ эстетизмъ Борового и жажда творчества Новомирскаго отшатнули ихъ отъ возвышенія на службѣ у совѣтовъ.

Въ числѣ безъимянныхъ сотенъ тысячъ они гнутъ свои спины надъ бездарной канцелярщиной и мерзнуть въ хвостахъ.

Испепеленныя души! Не найденныя дороги! Испитое до дна отчаянье...

Въ кабинетѣ у Борового висѣла гравюра Вандейковскаго «Карла Стюарта». Когда со стѣнъ Лувра на меня глядятъ устремленные поверхъ людей — не въ небо и не на землю — грустные

глаза короля, глаза исполненные покорнымъ знаніемъ грядущаго, я вспоминаю Борового такимъ, какимъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ залитой іюльскимъ солнцемъ пустынной комнатѣ запустѣлой, заброшенной московской квартиры, гдѣ двигались и работали одни пауки, а люди жались по угламъ, сѣрые, голодные, немытые...

Въ его любимомъ «Closerie de Lilas,» какъ и прежде, шумные дебаты. Уже нѣтъ ни Троцкаго, ни Мартова, но приземистый Шарль Рапопортъ, вздымая свою грязную лохматую бороду сообщаетъ о радостяхъ совѣтскаго рая, а печальный, строгій Барбюссъ читаетъ стихи, посвященные московскимъ пророкамъ. Дремлетъ за прилавкомъ обтерпѣвшійся хозяинъ, суетятся шустрые гарсоны, на улицѣ гудятъ такси и жизнь ползетъ — ничего не знающая, ни о комъ не помнящая, все взвѣсившая, проклятая!..

РАСПОРЯДИТЕЛИ КРОВИ.

I.

Автономовъ, Автономовъ, Автономовъ...

Пріѣзжаютъ съ Сѣвернаго Кавказа, приходятъ какія-то чудомъ пробравшіяся письма, испуганные люди съ испуганными лицами, озираясь на нашу пустынь, радостно вздыхаютъ — «да у васъ благодать»... и, сидя въ Москвѣ лѣтомъ 1918, я слышу ежедневно это роковое имя.

Кто жъ онъ?

По замашкамъ диктаторъ, по фирмѣ командующій войсками Кубанско-Черноморской республики.

Это еще что за республика?

Очень просто — объясняютъ «пробравшіеся» — у насъ на Сѣверномъ Кавказѣ полная Мексика. Совѣтская власть только въ крупныхъ центрахъ, въ аулахъ черкесня вообще никого не признаетъ, по степямъ гуляютъ корниловцы, на Дону — нѣмцы, ну, а отъ Екатеринодара до Тихорѣцкой, и отъ Грознаго до Владикавказа, ѣздитъ броневикъ, а за нимъ нѣсколько составовъ. Это и есть вооруженныя силы Кубанско-Черноморской республики!

Ну, а сама-же республика гдѣ?

А-а! это видите-ли совдепъ екатеринодарскій объявилъ, что вся Кубань и все Черноморье объединены въ одну республику и казаки приглашаются сдавать зерно мѣстнымъ властямъ. Ну, ни Кубань,ни Черноморье понятно не подчинились... Вотъ, когда ихъ Автономовъ завоюетъ, тогда и республика будетъ назаправди... У насъ даже пѣсню поютъ:

И шумитъ Кубань водамъ Терека
Я — республика, какъ Америка...

Когда-жъ это будетъ? Когда враги подчинятся.

И много враговъ?

Хватитъ. Во-первыхъ,Троцкій насъ не признаетъ и объявилъ Автономова внѣ закона; «каждый честный гражданинъ обязанъ при встрѣчѣ съ бандитомъ Автономовымъ застрѣлить его на мѣстѣ»; во-вторыхъ, противъ него другіе главковерхи — Сорокинъ, Гронскій, Анджіевскій; въ-третьихъ, горцы во главѣ съ Гикалло поджигаютъ нефтяные промыслы и вырѣзываютъ казаковъ; въ-четвертыхъ, среди кисловодскихъ анархистовъ сильная оппозиція; въ-пятыхъ, снарядовъ маловато, въ шестыхъ, добровольцы нажимаютъ; въ-седьмыхъ...

Будетъ, будетъ!..

Эти сумбурные разсказы едва-ли на одну де-

сятую воспроизводятъ то, что творилось на Сѣверномъ Кавказѣ лѣтомъ 1918, когда Украйну оккупировали нѣмцы, а большевики не могли справиться ни съ анархіей, ни съ Корниловымъ, когда игра центробѣжныхъ силъ достигла своего апогея, и окраины пылали, какъ облитыя керосиномъ...

У насъ, у всѣхъ за революцію оказались знаменитыя знакомства. Послѣдующая провѣрка подтвердила съ исчерпывающей ясностью, что диктаторъ Автономовъ есть тотъ самый близорукій гимназистъ, который лѣтъ десять назадъ пріѣзжалъ въ мой родной городъ въ качествѣ футболиста на междугородній матчъ.

Паренекъ ничего хорошій былъ хавбекъ! Маленькій, увертливый, правда, въ очкахъ, но тѣмъ не менѣе мѣткій, сильный ударъ, вѣрный пассъ, неутомимость.

Окончивъ Новочеркассую гимназію, онъ поступилъ въ военное училище, былъ выпущенъ въ офицеры въ 1915 году; подъ разными предлогами отлынивалъ, на войну не ѣхалъ, устроившись не то въ контръ-развѣдкѣ, не то въ комендатурѣ.

Пришелъ 1917, началось разложеніе арміи; Автономовъ походилъ на митинги, послушалъ ораторовъ Ростовскаго венерическаго госпиталя (гдѣ происходили наиболѣе страстные дебаты), потомъ заерзалъ, заметался и неожиданно проявилъ громадные таланты.

Когда кавказская армія къ осени 1917 хлынула въ южные тыла, все руша и опрокидывая вокругъ единственной желѣзнодорожной артеріи, Автономовъ подобралъ двѣ — три сотни смекнувшихъ въ чемъ дѣло, отобралъ у кого-то пару пушекъ, полсотни пулеметовъ, и на станціи Тихорѣцкой, черезъ которую прокатывались пьяныя волны, устроилъ заслонъ.

Угрозами,обѣщаньями, демонстративными разстрѣлами, при помощи слова и пули ему удалось навербовать десятитысячный до зубовъ вооруженный отрядъ, захвативъ броневикъ и великое множество военнаго имущества. Своихъ солдатъ онъ посадилъ въ теплушки, для себя, гдѣ-то въ районѣ Беслана,досталъ довольно чистый салонъ. И нарядившись въ черную черкеску, привѣсивъ золотую саблю (отнятую у выведеннаго въ расходъ генерала) и красный башлыкъ, Автономовъ въ началѣ февраля двинулся на Ростовъ.

Въ городъ, только что оставленный Корниловымъ, онъ зашелъ съ юга 10 (25) февраля; а въ тотъ же день съ сѣвера явились матросы во главѣ съ прапорщикомъ Сиверсомъ и Юрой Саблинымъ. Сиверсъ издавалъ на сѣверномъ фронтѣ «Оконную Правду» и съ первы дней лѣта зарекомендовалъ себя въ качествѣ инициатора братанья.

Юра Саблинъ — жеманный юноша съ прямымъ англійскимъ проборомъ и ярко выражен-

ными наклонностями альфонса — былъ сыномъ покойнаго книгоиздателя, въ университетѣ значился въ академической группѣ и носилъ шпагу, въ московскомъ совдепѣ въ лѣвыхъ эс-эрахъ и ходилъ съ громадными парабеллюмомъ на красномъ шнурѣ. Октябрьской революціи онъ оказалъ цѣнныя услуги 29 октября, взявъ штурмомъ во главѣ гренадерскаго полка московское градоначальство, которое безъ всякаго успѣха пытался защищать юрисконсультъ и нѣсколько дактило.

На третій день, когда магазины Ростова были разграблены и предстояло перейти къ сейфамъ, между обѣими группами начались яростныя столкновенія съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ; Сиверсъ въ качествѣ большевика идейнаго телеграфно пожаловался Троцкому; Троцкій (также телеграфно) приказалъ повѣсить Автономова. Надъ телеграммой Автономовъ посмѣялся и на площади предъ фронтомъ войскъ сжегъ портретъ Троцкаго, изъ Ростова тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ уходить. На прощанье ему блестяще удалась ночная аттака государственнаго банка, занятаго карауломъ отъ мѣстнаго донского совнаркома. И захвативъ для нуждъ своихъ и своей арміи драгоцѣнности, слитки, деньги банковъ ростовскаго и одесскаго (эвакуированнаго «на Тихій Донъ»), для нуждъ только своихъ—извѣстную опереточную примадонну, Автономовъ перенесъ свои дѣйствія на Сѣверный Кавказъ, гдѣ за обладаніе нефтянымъ райономъ шла оже-

сточенная борьба межъ туземцами, добровольцами и многочисленными авантюристами.

Былъ здѣсь нѣкій Владимиръ Гронскій, блондинъ актерскаго типа, невыясненнаго прошлаго. Его визитная карточка скромно гласила: «Владимиръ Гронскій — борецъ за свободу». Онъ любилъ полосатые веселенькіе цвѣта и ходилъ даже въ холода въ лѣтнихъ брючкахъ.

Этого джентльмэна Автономовъ подцѣпилъ гдѣ-то на полустанкѣ и за талантъ легко и безъ боли взимать многомилліонныя контрибуціи сдѣлалъ своимъ помощникомъ. Однако очень скоро Гронскій измѣнилъ патрону; съ нѣсколькими ротами Таманскаго полка, онъ обосновался въ богатомъ промышленномъ Армавирѣ. Живя постоянно на вокзалѣ въ отнятомъ у проѣзжавшаго французскаго курьера международномъ вагонѣ (съ проломанными стѣнками), Гронскій держалъ въ подчиненіи провозглашенную имъ Армавирскую республику морской 16 сантиметровой мортирой Канэ, день и ночь направленной на соборную площадь.

Въ качествѣ провинціальнаго актера, Гронскій любилъ карты, вранье и рябиновую водку съ сухимъ балыкомъ. Съ утра онъ уже напивался, въ полдень являлась депутація армавирскихъ армянъ, приносила установленную часть контрибуціи, взимавшейся въ разсрочку, и начинался картежъ. Игралъ Гронскій честно: т.е.

выигравшихъ не вѣшалъ, какъ это любилъ дѣлать Махно, но на утро выигравшій облагался усиленными поборами якобы въ пользу «первой красной гимназіи имени Энгельса».

Предпочитая всему въ мірѣ миръ, пижамы, мягкіе диваны, чужія папиросы, Гронскій воевалъ чрезвычайно неохотно и вообще оказался штатскимъ нахаломъ. На седьмой недѣлѣ Таманскіе солдаты сожгли его вмѣстѣ съ вагономъ, картами и тремя армянами.

Хозяиномъ Ставропольской губерніи оказался Сорокинъ. Простой майкопскій казакъ, заурядъ-фельдшеръ, воръ-рецидивистъ, неоднократно избиваемый своими станичниками, Сорокинъ былъ, безъ сомнѣнія, настоящимъ самородкомъ, какого можетъ уродить только русскій черноземъ.

Произведенный за исключительную храбрость и сметливость въ прапорщики, добравшись на 3-ій годъ войны до командованія сотней, Сорокинъ за кражу бумажника у полкового командира былъ разжалованъ обратно въ солдаты. Революція застала его въ пятой казачьей дивизіи, расквартированной въ Финляндіи. Нацѣпивъ красную кокарду, срывая погоны со своихъ и чужихъ офицеровъ, произнося блестящія демагогическія рѣчи, Сорокинъ при большевикахъ былъ избранъ командиромъ дивизіи; во главѣ разложившихся, разоружившихся кубанцевъ онъ вернулся въ родныя степи и сразу сталъ диктаторомъ Ставро-

польской губерніи и большей части Кубанской области. При защитѣ Екатеринодара отъ штурма корниловцевъ (апрѣль 1918) и при послѣдующихъ бояхъ съ Деникинымъ онъ развернулся первоклассным стратегомъ. Реорганизовалъ армію, обмундировалъ и вооружилъ свой сбродъ, и къ осени (въ бояхъ подъ Ставрополемъ) едва не разгромилъ всю Добровольческую армію. Этого главковерха изъ фельдшеровъ отличалъ самъ покойный Алексѣевъ, глядѣвшій съ большой тревогой на его острыя, всегда неожиданныя операціи.

«Послѣ Людендорфа я больше всего боюсь Сорокина!»—полушутя говаривалъ Алексѣевъ...

Въ другую европейскую революцію изъ такого человѣка могъ получится доморощенный Карно; у насъ его ждалъ обычный конецъ: на русскихъ бунтарскихъ плечахъ голова держится непрочно.

Многомилліонную свою вотчину — Ставропольскую губернію — онъ держалъ въ трепетѣ; съ успѣхомъ провелъ мобилизацію, ежемѣсячно взималъ контрибуцію шерстью, хлѣбомъ, саломъ, николаевками.

Съ перваго же дня своего «вступленія во власть», Сорокинъ сталъ практиковать такой терроръ, до котораго Дзержинскій и Лацисъ дошли лишь значительно позже. Въ іюлѣ 1918 на разъѣздѣ «Индюкъ», Армавиръ-Туапсинской ж.д., онъ

собственноручно зарубилъ своихъ бывшихъ начальниковъ — генерала и полк. Труфановыхъ, полковника Геричева и др. А въ это-же время въ его столицѣ — Ставрополѣ — мѣстный садистъ, главный палачъ Чека, бывшій псаломщикъ Ашихинъ, вывелъ въ расходъ около 200 офицеровъ. Онъ работалъ исключительно топоромъ и каждой жертвѣ удѣлялъ по полчаса, по часу, устраивая перерывы, покуривая папироску.

Въ тѣ мѣсяцы головы рубились на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. На Минеральныхъ Водахъ — въ единственномъ районѣ, гдѣ держались комиссары, утвержденные центромъ, диктаторствовалъ Анджіевскій, котораго дни 18-19 октября 1918 г. въ ряду міровыхъ палачей поставили впереди Марата, Сенъ-Жюста, Саенко. Двое сутокъ подрядъ, ночью при свѣтѣ костровъ и факеловъ, одного за другимъ рубили пятигорскихъ заложниковъ.

Среди тысячной обезумѣвшей толпы,сопровождавшей казнь улюлюканьемъ, свистомъ, возгласами, слетѣли головы 155 генераловъ, сенаторовъ, б. министровъ, мѣстныхъ домовладѣльцевъ. На исходѣ перваго дня изъ подвала вывели двухъ — одного худого, сѣдого, согбеннаго, въ золотыхъ очкахъ и френчѣ безъ погонъ; неувѣренной походкой подошелъ онъ къ плахѣ и, дрожа, сталъ опускаться на колѣни. Тогда толпа, какъ одинъ разъяренный звѣрь, навалилась ближе и кто-то

заревѣлъ: «Рузскій! голову ровнѣй, снимай очки»...

Минута и къ плахѣ направился второй, сумрачный, блѣдный, смотря прямо въ лицо Анджіевскому. Радко-Дмитріевъ не задрожалъ и предъ топоромъ. Анджіевскій показалъ его голову толпѣ и громко сказалъ: «Такъ будетъ со всѣми имперіалистами».

Черезъ десять мѣсяцевъ, въ томъ же самомъ Пятигорскѣ военно-полевой судъ Добровольческой Арміи слушалъ дѣло о «рядовомъ изъ мѣщанъ,католическаго вѣроисповѣданія, 24 лѣтъ, Анджіевскомъ».Его поймали въ Баку,въ тотъ моментъ,когда онъ садился на пароходъ,отходившій въ Энзели. Англійская контръ-развѣдка выслѣживала его въ продолженіи двухъ недѣль.Въ синихъ очкахъ,съ фальшивой бородой,Анджіевскій кутилъ въ шантанахъ,металъ банкъ въ Казино, покупалъ ковры и валюту, а кругъ все суживался...

Въ своемъ показаніи Анджіевскій утверждалъ, что былъ всегда «поклонникомъ Шингарева и народникомъ». На эшафотѣ силы оставили Анджіевскаго и его повѣсили въ полубезсознательномъ состояніи.

II.

Сраженія — другъ съ другомъ, порой съ большевиками, порой съ добровольцами — безконеч-

ныя взаимныя ниспроверженія наполняли жизнь кавказскихъ диктаторовъ.

Послѣ сожженія Гронскаго положеніе обострилось; стало ясно, что двумъ главнокомандующимъ нѣтъ мѣста въ казачьихъ областяхъ. Не рѣшаясь вступить въ послѣднюю схватку, пока что они ограничивались бранью по прямому проводу, ходили вокругъ да около и накапливали силы..

При всей опредѣленности окружающаго и фатальности исхода Автономовъ сохранилъ свою гимназическую склонность къ фразерству и позированію.Примадонну онъ одаривалъ какими-то особенными голубой воды солитерами,а самъ носилъ кольцо съ трагической надписью «too late » (слишкомъ поздно), и на столикѣ его салона лежала книга Барбэ д'Оревилльи: «О дэндизмѣ». Грабежъ свой онъ яростно утверждалъ и логически обосновывалъ.

«Я играю — гордо заявилъ онъ собранной для обложенія буржуазіи Екатеринодара -- я ставлю голову, вы деньги, дома, можетъ быть, женъ. Обѣ ставки равноцѣнны.... пусть неудачникъ плачетъ. Деньги же я люблю за ихъ способность дѣлать человѣка джентльмэномъ»...

Однажды послѣ кутежа въ Кисловодскомъ курзалѣ рестораторъ подалъ намѣренно маленькій счетъ. Автономовъ устроилъ грандіозный скандалъ, перебилъ зеркала, посуду и... заплатилъ и за съѣденное и за разбитое и за выпитое.

О большевикахъ онъ публично отзывался:

«этой сволочью пушки заряжаю и на порогъ къ себѣ не пускаю»...

И дѣйствительно, во всей свитѣ Автономова не было ни одного большевика. Начальникомъ его штаба отрекомендовывался французскій сержантъ-дезертиръ, большой коллекціонеръ изящныхъ золотыхъ портсигаровъ. Лѣтомъ 1918 г., когда союзники окончательно потеряли голову и запутались въ кавказскихъ дѣлахъ, начальникъ штаба предложилъ союзнымъ миссіямъ «выбить нѣмцевъ изъ Ростова и взорвать Владикавказскій мостъ». Англичане заинтересовались и доставили въ его распоряженіе ящики съ оружіемъ и николаевскими деньгами. Мостъ взорванъ не былъ.

На роляхъ штабъ-офицера для порученій крутился иностранецъ невыясненной національности, розовощекій, кудрявый, жирный. Онъ выдавалъ себя за голландскаго журналиста, и на умопомрачительномъ платдейтшѣ повѣствовалъ о смерти авіатора Латама, съ которымъ якобы вмѣстѣ охотился на буйволовъ. Выходило такъ, что Латама буйволы не растерзали, а онъ самъ распустилъ этотъ слухъ, желая остаться жить на лонѣ природы.

При попыткѣ опроверженій голландецъ моментально переводилъ разговоръ на попугая, котораго онъ привезъ въ подарокъ королевѣ Вильгельминѣ и который за время переѣзда научился трехъэтажной брани.

«Іо, іо, амъ шипъ имъ хатъ амъ аллерляй дупъ

тюгесъ лертъ» — что на его изумительномъ языкѣ обозначало: «да, да, на кораблѣ его научили разнымъ глупостямъ».

Обычно послѣ этого второго разсказа Автономовъ лѣниво швырялъ въ голландца подушкой и онъ мгновенно умолкалъ.

Переводчикомъ при французѣ и голландцѣ, личнымъ секретаремъ, министромъ финансовъ и комендантомъ занимаемыхъ мѣстностей являлся кривоногій, злобный американскій эмигрантъ Максъ Шнейдеръ, высланный изъ Соединенныхъ Штатовъ за противоестественныя наклонности. Онъ говорилъ одинаково плохо на всѣхъ языкахъ, но тѣмъ не менѣе составлялъ воззванія къ населенію и выступалъ на митингахъ.

Однажды въ холодную дождливую ночь Автономовъ не захотѣлъ выйти къ вызывавшимъ его эшелонамъ и выслалъ вмѣсто себя Макса, наряженнаго въ черкеску. Обманъ не удался. Макса узнали, повалили на землю и стали жестоко избивать. Тогда изъ вагона выскочилъ Автономовъ и крикнулъ:

«Товарищи! Тщетно враги народа пытаются скрыть меня отъ васъ. Я всегда съ вами»!

На утро Максъ вымѣстилъ свои обиды на взятыхъ заложникахъ: женщины были жестоко высѣчены въ его присутствіи; мужчинъ разстрѣляли въ его отсутствіи: онъ не переносилъ вида крови и отъ трупнаго запаха терялъ сознаніе. Въ Грозномъ Максъ обзавелся молодымъ персіа-

нином̀ъ и окружилъ его знаками нѣжнаго вниманія. Голландецъ разсказалъ и персіанину о капризѣ Латама...

Шесть мѣсяцевъ подрядъ отрядъ главковерховъ ходилъ по Сѣверному Кавказу (на Южномъ шла борьба межъ турками и партизанскими частями Бичерахова). И богатѣйшій край обращался въ пустыню. На мѣстѣ вокзаловъ чернѣли обгорѣлые остовы, на желѣзнодорожномъ полотнѣ буйно росла трава. Шпалы были выворочены и утащены въ аулы для подпорки крышъ и для избавленія отъ нежелательныхъ броневизитовъ. Туда, гдѣ оставался хоть клочокъ пути, немедленно являлся чей-нибудь (бѣлый, красный или зеленый) бронепоѣздъ и на десять верстъ вокругъ сносилъ съ лица земли горскія поселенія. Уходилъ бронепоѣздъ, и горцы спускались въ долину, вырѣзая людей, сжигая дома...

Какъ бритвой снесло цвѣтущій городъ Хасавъ-Юртъ; можно было проѣхать многія версты по линіи Грозный — Гудермесъ, не найдя слѣдовъ былого жилья.

И безостановочно, не ослабѣвая, ни уменьшаясь, въ ярости стлался черный ѣдкій дымъ, окутывая горизонтъ, скрывая перспективы: горѣли грозненскіе промыслы, подожженные чеченскимъ большевикомъ Гикалло, прятавшимся въ неприступномъ аулѣ Шатой. Въ морѣ огня погибали лѣса, пашни, склады. Населеніе, затравленное, одичавшее, бросившее скарбъ, расте-

рявшееся межъ сотней враждующихъ сторонъ, металось съ сѣвера на югъ, съ горъ въ равнину и всюду наталкивалось на вѣрную гибель.

— —

Къ осени узелъ развязался. Сорокинъ сцѣпился съ Автономовымъ въ мертвой схваткѣ. Ставропольскій фельдшеръ призналъ Троцкаго и, получивъ изъ Москвы поддержку офицерами и снарядами, окружилъ Автономова. И солдаты Автономова, чтобъ заслужить себѣ прощенье, сами повѣсили поклонника Барбэ д' Оревилльи. Пусть неудачникъ плачетъ!

А еще черезъ два мѣсяца въ обстоятельствахъ подобной-же традиціонной измѣны въ «штабъ Духонина» былъ отправленъ и Сорокинъ: онъ палъ отъ руки своего помощника, пожелавшаго стать главковерхомъ.

На прощанье Сорокинъ успѣлъ измѣнить Москвѣ и повѣсить весь составъ терскаго совнаркома во главѣ съ извѣстнымъ большевикомъ Рубинымъ. Теперь они вмѣстѣ.

Остается немногое. Розовое лицо голландца мелькнуло мнѣ въ давкѣ ростовской эвакуаціи: онъ что-то дѣлалъ при союзныхъ миссіяхъ. Примадонна долго вздыхала о понесенныхъ убыткахъ и ея бѣдственнымъ положеніемъ заинтересовался безславный потомокъ золотородящей фамиліи.

Шнейдеръ и начальникъ штаба еще не вы-

нырнули. Но я нисколько не удивлюсь, если завтра встрѣчу ихъ въ вестибюлѣ Ritz Hôtel въ Лондонѣ или въ содомѣ Парижской биржевой коллонады. Оба отличались дѣловыми наклонностями и, образовавъ необходимый оборотный капиталъ, безусловно предпочли сказочнымъ заработкамъ обоюдоострыхъ диктатуръ спокойный пропечтъ банкира.

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ.

I.

Миссисъ Шериданъ — родная племянница мистера Уинстона Черчилля. Въ родѣ Мальборо, изъ котораго вышелъ этотъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, на протяженіи столѣтій жизни на Доунингъ-Стритѣ, столѣтняго ношенія министерскихъ портфелей и цилиндровъ спикера, накапливалась та особая усталость сѣвера, которая влечетъ англо-саксовъ въ рискованныя предпріятія и невѣданные климаты.

Мистеръ Уинстонъ много и часто путешествовалъ; въ Индійскихъ джунгляхъ, на лукзорскихъ пароходахъ, въ прохладѣ водопадовъ Новой Англіи, у лихорадочнаго стеченія Тигра и Ефрата, подъ разными предлогами и благовидными отговорками онъ спасался отъ изнурительныхъ добродѣтелей Асквита и невеселаго ярморочнаго цинизма Уэллскаго колдуна.

Его племянница въ раннемъ дѣтствѣ увидѣла Сфинксовъ, плакала надъ могилой Вернонъ Ли, короткими лондонскими днями мучила свою гувернантку въ залахъ Національной галлереи. И миссисъ Шериданъ, несмотря на презрительную

усмѣшку всѣхъ живыхъ и мертвыхъ Мальборо, стала скульптуромъ; въ поискахъ возбуждающихъ талантъ образцовъ она исколесила всѣ кладбища Равенны всѣ музеи континента, всѣ немногія реликвіи родного островка.

Начиная съ 1918 года, мистеръ Уинстонъ, встрѣчаясь за воскреснымъ обѣдомъ съ племянницей, много разсказывалъ ей о новыхъ людяхъ, появившихся въ странѣ Мусоргскаго и Анны Павловой. Мистеръ Уинстонъ бранилъ ихъ за полное отсутствіе джентльмэнства и не находилъ словъ для выраженія восторга предъ ихъ упорствомъ и настойчивостью. Только въ старой Англіи, гдѣ витала тѣнь рыжаго Вильгельма, могли еще зарождаться подобные желѣзные лбы.

Гастингсъ и Клайвъ — завоеватели Индіи, вставъ изъ гроба, нашли бы чему поучиться у этихъ варваровъ, въ конецъ заплевавшихъ самонадѣяннаго Бальфура и чваннаго болвана Керзона.

Многіе изъ знакомыхъ начинали ѣздить въ гости къ варварамъ. Прибывшіе англичане, кромѣ тысячи ужасовъ, милліонъ разъ описанныхъ «Дэйли Телеграфомъ», сообщали новыя интересныя детали. Осенью 1920 съ двѣнадцати-лѣтнимъ сынишкой двинулся въ Россію и Гербертъ Уэллсъ.

Получивъ прощальное письмо отъ сэра Герберта, миссисъ Шериданъ одѣла tailleur для ви-

зитовъ и сентябрьскимъ утромъ заѣхала въ Foreign Office требовать паспортъ для поѣздки въ Россію. Черезъ десять дней она уже знала всѣхъ.

Кучерявый Зиновьевъ понравился ей наименѣе. Неистово картавя, онъ воображалъ, что грассируетъ, за десять словъ обдавалъ слюной и въ концѣ концовъ всѣ его нападки на дядю были мало остроумны. Если мистеръ Уинстонъ и являлся его политическимъ врагомъ, то не было еще причинъ извергать потокъ пошлыхъ ругательствъ. Миссисъ Шериданъ была оскорблена, какъ послѣдняя изъ Мальборо, какъ скульпторъ, она осталась недовольна стереотипностью и книжнымъ шаблономъ семитскаго профиля Зиновьева. Работая надъ его портретомъ,она вспоминала тѣ далекія времена, когда Гильденбрандтъ заставлялъ ее снова и снова копировать осточертѣвшую маску іудейскаго царя Ахава. Много лучше оказался Троцкій. Поклонникъ Бернарда Шоу, онъ не уступалъ въ своихъ дьявольскихъ сарказмахъ любимому автору. Зиновьева, не стѣсняясь, называлъ «грязной сволочью»; въ одинъ изъ сеансовъ подарилъ миссисъ Шериданъ сотню яицъ для утреннихъ омлетовъ, на отсутствіе которыхъ она наканунѣ пожаловалась. Чуждый идолопоклонству, онъ признавалъ и достоинства дяди, говоря, что изъ всѣхъ представителей имперіализма наиболѣе заслуживаетъ висѣлицы мистеръ Уинстонъ. Немного смѣшили его

нескладныя галифэ и мѣшкообразный френчъ: повидимому онъ хотѣлъ казаться неустрашимымъ кавалеристомъ — но незабываемый хищный носъ и нахальная бородка значительно все-же болѣе напоминали Мефистофеля, чѣмъ всѣ старательные басы Ковентъ-Гардена.

Подъ самый конецъ пребыванія въ Москвѣ ей удалось заполучить на нѣсколько сеансовъ Дзержинскаго. Еще въ Англіи по статьямъ обоихъ Вильямсовъ и дядинымъ разсказамъ она слышала объ этомъ знаменитомъ инквизиторѣ. Всю осень онъ былъ въ разъѣздахъ. На далекомъ Югѣ — какъ объяснилъ Троцкій — Дзержинскій искоренялъ какихъ-то бандитовъ, мѣшавшихъ строить въ каждой деревнѣ электрическую станцію и канализацію. Разспрашивала она о немъ и Ленина и Луначарскаго.

Ленинъ почесалъ затылокъ, засмѣялся и сказалъ, что Дзержинскаго нужно знать, чтобъ понять по-настоящему.

«Ваши сентиментальные лондонскіе болваны — сказалъ Ленинъ — преспокойнѣйшимъ образомъ заморили Макъ-Суинни за то лишь, что онъ хотѣлъ свободы для своей родины. Дзержинскаго же они поносятъ за то, что онъ изолируетъ родину отъ людей, противящихся ея свободѣ»...

А словоохотливый и сахарный Луначарскій, къ которому она явилась съ письмомъ отъ Уэллса, долго и подробно передавалъ о всемъ томъ, что Дзержинскій сдѣлалъ для русскихъ дѣтей.

«У него золотое сердце; при всей сложности своихъ работъ онъ ежедневно урываетъ часокъ для пріютовъ. А какъ любятъ его дѣти, вы услышите, какъ они его называютъ!»

Въ слѣдующее воскресенье миссисъ Шериданъ попросила Дзержинскаго отвести ее къ дѣтямъ — его питомцамъ. И она увидѣла, какъ измѣнились въ лицѣ десятки тощихъ ребятъ, наполнявшихъ бывшій загородный дворецъ. Называли они его — «дядичка»; онъ ихъ — «голубчики», что по-русски (какъ объяснилъ предупредительный мистеръ Вандерлипп, успѣвшій сдѣлалъ грандіозные успѣхи въ изученіи языка), звучитъ еще нѣжнѣй англійскаго«mydarling» ..

...Когда въ концѣ осени миссисъ Шериданъ вернулась въ Лондонъ, на Викторія-вокзалѣ дюжіе носильщики едва вынесли за ней огромные ящики, содержавшіе отлитые въ бронзу совѣтскіе бюсты. Вечеромъ они уже находились въ ея ателье, и мистеръ Уинстонъ Черчилль въ молчаливомъ недоумѣніи разсматривалъ Дзержинскаго, дважды переспросивъ, тотъ ли это самый, который и т. д.

Съ мечтательными глубокими глазами, нервной тощей бородкой, опершись на исхудавшую руку — такую горячую и сухую въ пожатіи — предсѣдатель всероссійской чека, издерганный, морщинистый, подъ тяжестью необъятнаго бремени смотрѣлъ чрезъ ателье въ гостиную, гдѣ

четырехлѣтній кудрявый Шериданъ разбросалъ открытки съ русскими видами, присланныя ему въ подарокъ отъ питомцевъ Дзержинскаго.

А еще черезъ день пришелъ сотрудникъ «Дэйли-Телеграфъ» и съ ироническою почтительностью занесъ въ блокнотъ, что Дзержинскій страшно одинокъ и безмѣрно усталъ отъ своей работы по исправленію скверныхъ душъ...

II.

На каторгѣ Дзержинскій пробылъ двѣнадцать лѣтъ. Большую часть этого времени онъ былъ закованъ, работалъ съ тачкой, возилъ какіе-то камни, предназначавшіеся для невѣдомыхъ, никогда не вымощенныхъ дорогъ.

За двѣнадцать лѣтъ къ каторгѣ привыкаютъ, какъ къ отсутствію одного глаза, какъ къ протезѣ, какъ къ жизни въ изгнаніи. Заводятся мелкія утѣшенія — толки объ амнистіи; повседневныя радости — болѣе мягкій надзиратель, пріѣздъ прокурора, снятіе кандаловъ...; нищенскій убогій комфортъ: собственная ложка, собственная кружка, чистая койка, улучшеніе пищи.

Ничего этого не случилось съ Дзержинскимъ: за двѣнадцать лѣтъ Дзержинскій едва ли разговаривалъ двѣнадцать разъ. Чуждый и страшный товарищамъ, ненавидимый начальствомъ, забытый партіей, лишенный родни, день—остававшій-

ся отъ работъ — и безконечную сѣверную ночь онъ сидѣлъ въ одной и той же позѣ; не отвѣчалъ на вопросы, и на второй годъ къ нему привыкли, какъ къ мрачному остову былого зданія, и перестали о чемъ-либо спрашивать, перестали считать живымъ человѣкомъ. Изрѣдка, когда ему хотѣлось пить, онъ срывался съ койки, безмолвно и грозно бралъ первую попавшуюся кружку... Изрѣдка, когда его вдругъ схватывалъ аппетитъ — онъ могъ голодать недѣлями — онъ съѣдалъ хлѣбъ, лежавшій на столѣ, не интересуясь недовольствомъ владѣльца.

Однажды, только что прибывшій молодой эсъэръ попробовалъ протестовать. Дзержинскій, не смотря на него, поднялъ тяжелую скамейку, но черезъ моментъ, прежде чѣмъ кинулись къ нему товарищи, онъ уже поставилъ ее на мѣсто и, ковыляя, направился къ койкѣ. Ночь напролетъ вновь прибывшій не могъ заснуть, чувствуя устремленный на него взглядъ Дзержинскаго. На слѣдующій день онъ попросилъ о переводѣ въ камеру уголовныхъ.

Приходили торжественныя годовщины; царь справлялъ именины свои и своихъ дѣтей, Романовы праздновали трехсотлѣтіе, Москва и Россія вспоминали освобожденіе отъ польскаго ига. Кануны славныхъ побѣдъ, чудесныхъ освобожденій, думскіе запросы. Но для Дзержинскаго не было амнистіи. Онъ былъ тяжкій государственный преступникъ, усугублявшій свою вину польскимъ

происхожденіемъ; онъ былъ непріятный, ненавистный человѣкъ и для него режимъ не смягчался.Позже всѣхъ сотоварищей съ него сняли кандалы; ему давали самую тяжкую работу, наиболѣе придирались и требовали. Свои двѣнадцать разъ двѣнадцать мѣсяцевъ Дзержинскій испилъ до послѣдней капли,занеся въ молчащую память троекратное тѣлесное наказаніе и многократный карцеръ.

О чемъ думалъ онъ въ этомъ безъисходномъ одиночествѣ сырыхъ стѣнъ, во мракѣ и холодѣ грязныхъ вонючихъ клѣтокъ?.. Были такъ ясны его думы, такъ грозно его молчаніе, что для Ленина не было колебаній въ выборѣ предсѣдателя «Чека». 7 декабря 1918 года—въ день оффиціальнаго утвержденія положенія о всероссійской чрезвычайной комиссіи въ «составѣ товарищей: Дзержинскаго, Петерсона, Ксенофонтова, Аверина, Петерса, Юрьева, Трифонова» — и его товарищи по каторгѣ, и знавшіе о его двѣнадцати годахъ поняли,о чемъ мечталъ Дзержинскій.

«Наша борьба—написалъ онъ въ своемъ знаменитомъ credo — съ очевидной ясностью доказала, что нѣтъ уже отдѣльныхъ контръ-революціонныхъ личностей, а есть цѣлые контръ-революціонные классы;восходящему классу пролетаріата поперекъ дороги стояла буржуазія;былъ поставленъ вопросъ объ ея существованіи, а въ этой общей опасности нашли общій языкъ съ

буржуазіей и бывшій бюрократъ, и помѣщикъ, и купецъ, и фабрикантъ, и домовладѣлецъ, и торговецъ, и кулакъ, и вчерашній либералъ, и черносотенецъ. Контръ-революція таится и въ средѣ мелкой буржуазіи: юнкера, офицеры, учителя, студенты, вся учащаяся молодежь, все это въ своемъ громадномъ большинствѣ — мелко буржуазный элементъ, а они-то и составляютъ боевую силу противника, изъ нихъ-то и составляются бѣлогвардейскіе полки»...

Короче, всю почти говорившую, двигавшуюся Россію заносилъ ничего, никому не пропустившій Дзержинскій въ разрядъ контръ-революціонеровъ. Что дѣлать съ ними? Судить — отнюдь: они всегда смогутъ оправдаться, высылать — они будутъ вредить извнѣ. И тѣмъ же тономъ маніака, отрѣшившагося отъ всего личнаго, внутренняго, умѣряющаго, Дзержинскій писалъ: «чрезвычайная комиссія есть боевой органъ коммунистической партіи, несущій красное знамя коммунизма; въ качествѣ такового она не судитъ, не милуетъ, а *испепеляетъ* всякаго, кто по ту сторону баррикадъ; въ отчаянной схваткѣ двухъ міровъ нѣтъ третьяго пути; кто не съ нами, тотъ противъ насъ»...

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество научилось говорить, ниспровергать, угрожать, никакія формулы еще не были исполнены настолько дословно, настолько неумолимо, насколько это сдѣлалъ Дзержинскій.

Гдѣ-то въ далекихъ: Ставрополѣ, Пятигорскѣ, Харьковѣ палачи-садисты: Саенко, Яковлевъ, Анджіевскій, Атабековъ убивали изъ-за извращенія своей натуры, для полученія сладострастныхъ наслажденій; въ Троцкомъ была жестокость, потому что слово «терроръ» звучитъ со страшной красотой, потому что, требуя головъ, онъ въ сущности никогда не слышалъ, что говоритъ, никогда не сознавалъ во всѣхъ реальныхъ деталяхъ послѣдствій своихъ словъ; въ Ленинѣ, въ его холодной, прокуренной всѣми цинизмами душѣ тлѣетъ юная ненависть, неутолимая месть за его родного брата, повѣшеннаго при Александрѣ III; Бухаринъ ненавидитъ вообще всѣхъ, желаетъ гибели всѣмъ, одному за умѣнье говорить, другому за женскую любовь, третьему за красоту, четвертому за писательскій талантъ.

Дзержинскій — не садистъ; слова его лишь слабый отблескъ осознанія необходимости крови, рѣчь его скупа, бѣдна, взвѣшена; изъ каторги онъ вынесъ главнымъ образомъ методы воздѣйствія, способы обращенія.

«Къ нашему дѣлу — говоритъ онъ со всей нѣжной мечтательностью — нельзя подходить съ грубой душой»... Душа должна быть нѣжная, т. е. должна умѣть ощущать силу и степень наносимыхъ страданій; только тогда «работа че-ка будетъ соотвѣтствовать преступленіямъ противъ революціи»...

Работникъ-чекистъ, какъ только онъ поте-

рялъ эту чуткость, долженъ быть смѣщенъ. И Дзержинскій въ своемъ «Положеніи» даетъ слѣдующее изумительное наставленіе: «Одно условіе необходимо соблюсти въ чрезвычайныхъ комиссіяхъ — это смѣна работниковъ, переводъ ихъ послѣ опредѣленнаго срока на другую должность, въ другую профессію; какимъ бы хрустальнымъ сердцемъ не обладалъ человѣкъ, работа въ чрезвычайной комиссіи, протекающая въ условіяхъ исключительно дѣйствующихъ на нервную систему и притупляющихъ чувство, даетъ себя знать. Только рѣдкіе сотрудники остаются внѣ вліянія этихъ условій работы; и ея успѣшность зависитъ прежде всего отъ того — будетъ-ли предоставлена сотруднику возможность освѣжиться въ другой работѣ; надо только сохранять дѣятельность аппарата, перемѣщая не всѣхъ сразу, а постепенно»...

Хрустальныя сердца у немногихъ: убійца Мирбаха Блюмкинъ былъ любимый ученикъ Дзержинскаго въ виду его тонкой организаціи. Истязуя свои жертвы на допросѣ, онъ самъ страдалъ и переживалъ ихъ страданія... Хрустальныя сердца у всѣмъ извѣстныхъ:Лациса, Петерса, Аверина, Трифонова. И Дзержинскій сплошь и рядомъ выдаетъ имъ провинціальныя командировки, цѣль которыхъ освѣжить ихъ души.Иначе они загрубѣютъ и при допросахъ, при всей работѣ потеряютъ свой камертонъ, звучащій въ унисонъ съ камертонами объектовъ.

«Лирическая музыка, не усложненная трудными, напрягающими, теоретическими ходами, радостная живопись, общеніе съ тонкими организаціями дѣтей — все это необходимо въ повседневной жизни работника высшаго органа совѣтской республики». И самъ Дзержинскій и его помощники честно выполняютъ и этотъ пунктъ программы.

Попечительство въ дѣтскихъ пріютахъ, Шаляпинъ на вечерахъ Московской че-ка, Собиновъ на вечерахъ Кіевской, камерные квартеты воскресными днями въ третьемъ этажѣ того дома, гдѣ въ подвалахъ горы живыхъ обреченныхъ труповъ.

Дзержинскій друженъ съ молодыми поэтами. У него, оказывается, давнишнее влеченіе къ символической поэзіи. Когда прошлымъ лѣтомъ сформировалась польская совѣтская власть во главѣ съ Дзержинскимъ, въ Польшѣ объявилась женщина, которой двадцать лѣтъ назадъ Дзержинскій записалъ въ альбомъ стихи Юлія Словацкаго о двухъ цвѣткахъ на стеблѣ жизни.

«Ты знаешь (прибавлено рукой Дзержинскаго), что ты и твоя жизнь — второй цвѣтокъ на стеблѣ моей жизни. Пусть увянетъ мой, лишь-бы цвѣлъ твой»...

Въ эвакуацію Кіева, наканунѣ прихода добровольцевъ, въ вагонѣ, биткомъ набитомъ кіевскими палачами во главѣ съ Лацисомъ, оказались молодые поэты, а съ ними и золотоволо-

сая драматическая знаменитость. Угрожающая старость не убила въ ней былой способности быстро помѣщаться на стеблѣ чужой жизни, и въ Москвѣ она завоевала хрустальное сердце Дзержинскаго. Для этой женщины онъ иногда пользуетъ свои неограниченныя возможности по доставленію припасовъ для ея кухни, драгоцѣнностей и платьевъ для ея обрюзгшаго тѣла. Это неслыханная вещь при его образѣ жизни Франциска Ассизскаго. Онъ спитъ на жесткомъ диванѣ рабочаго кабинета; въ неизмѣнномъ измызганномъ френчѣ, въ порыжѣвшихъ штиблетахъ съ резинками, старенькомъ куцомъ пальтишкѣ, подъ усиленнымъ мадьярскимъ эскортомъ онъ мчитъ въ Бахрушинскій пріютъ, гдѣ обѣдаетъ изъ одного котла съ голодающими дѣтьми. Отвратительная похлебка, кусочекъ хлѣба съ навозомъ, вобла или еще что-либо въ этомъ родѣ.

А въ комнатахъ подчиненныхъ ему агентовъ идетъ безпросыпное пьянство, обжорство, картежъ. Хрустальныхъ сердецъ немного на Лубянкѣ, №11.

И Дзержинскій въ «Положеніи о всероссійской чека» (№№ 1-5 отъ 1919 года) замѣтитъ необходимость создавать истинную школу, бороться съ профанаціей, съ жестокостью еще большей, чѣмъ борятся съ контръ-революціей.

«Какъ авторъ большого стиля, рано или поздно отвѣтитъ за пошлость стилизаторовъ, такъ намъ

предъ лицомъ возрожденнаго человѣчества придется отчитываться за преступленія нашихъ агентовъ»... И параллельно истребленію ненавидимыхъ имъ многообразныхъ классовъ населенія Дзержинскій устремится на пойманныхъ чекистовъ.

III.

Александръ Абрамовичъ Виленкинъ, предсѣдатель армейскаго комитета сѣверо-западнаго фронта, убѣжденный народникъ и оборонецъ, схваченъ за то, что подходилъ подъ категорію людей, обреченныхъ на испепеленіе.

Виленкинъ былъ арестованъ по ордеру начавшей головокружительную дѣятельность «Всечека» и «числился за товарищемъ Дзержинскимъ». За Виленкина хлопотала вся Москва отъ его родни до Крыленко и Бончъ-Бруевича (Владимира) включительно. Шесть разъ его возили на разстрѣлъ въ Петровскій паркъ; шесть разъ по приказу Ленина и Свердлова его возвращали обратно. Дѣло Виленкина стало для Дзержинскаго вопросомъ сохраненія чистоты хрустальныхъ сердецъ.

Если связи, знакомства, деньги сохраняютъ жизнь этого представителя враждебнаго стана, значитъ че-ка не всесильна, значитъ нельзя вѣрить въ желѣзную справедливость ея вождей, значитъ можно кривить душой!.. И снова — на

этотъ разъ въ глубокой тайнѣ — Дзержинскій и Петерсъ отвозятъ Виленкина все въ тотъ-же Петровскій паркъ. Взводомъ командуетъ бывшій однополчанинъ Виленкина.

«Прости меня Саша — обращается онъ къ обреченному — если мои люди не сразу тебя убьютъ: имъ впервые разстрѣливать!»...

«Прости и ты меня — отвѣтилъ спокойно Виленкинъ — если я не сразу упаду, мнѣ впервые умирать!»...

Дзержинскій присутствовалъ до конца процедуры. Найдя по возвращеніи на столѣ своего кабинета (на Лубянкѣ) отмѣнительный приказъ Свердлова, онъ съ грустью замѣтилъ Трофимову: «эти люди въ Кремлѣ не хотятъ понять, что пролетаріатъ изжилъ буржуазную потребность въ тюрьмахъ; ему больше не нужны четыре стѣны, онъ сможетъ управиться и при помощи одной»...

Разстрѣлъ Виленкина былъ первымъ сигналомъ наступавшей кровавой ночи. Выстрѣлы въ Володарскаго, Урицкаго, Ленина, возстаніе на Волгѣ, движеніе казаковъ — въ Москвѣ началась паника, власть надъ городомъ все болѣе и болѣе переходила въ руки Дзержинскаго. И съ тѣмъ-же спокойствіемъ, съ той-же непоколебимой увѣренностью въ необходимость совершаемаго, съ какими онъ разгромилъ клубъ анархистовъ и разстрѣлялъ Виленкина, предсѣдатель «Всечека» испепеляетъ въ августовскіе дни 1918 г. тысячи заложниковъ.

Въ Александровскомъ училищѣ съ полуночи заводятъ моторъ грузовика и сквозь его гулъ изрѣдка прорывается тявканье пулеметовъ.

Въ одну изъ ночей подъ огнемъ пулемета погибаетъ и чекистъ Морозовъ, изобличенный въ садизмѣ при допросахъ. «Намъ не нужны Джеки-потрошители; наша сила въ желѣзномъ спокойствіи» — напишетъ по этому случаю Дзержинскій въ очередномъ номерѣ извѣстій Всечека.

«Почему же вы не преслѣдуете провинціальныхъ садистовъ?» — спросилъ его въ засѣданіи пленума безпартійный — рабочій.

«Потому, что окраины не вышли еще изъ перваго, изжитаго нами въ Кронштадтѣ періода, періода святой злобы»!..

Дзержинскій въ поискахъ враговъ рано или поздно заберется въ Кремль! — эта мысль не даетъ спать Троцкому. И каждый разъ, пріѣзжая въ Москву и узнавъ объ обличительныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ Дзержинскимъ по поводу военспецовъ и ихъ образа жизни, великолѣпный Леонъ не выдерживалъ. На засѣданіяхъ главарей партіи онъ схватывался со своимъ врагомъ.

«Вся моя работа на фронтѣ пропадаетъ отъ того, что нѣкоторымъ Калигуламъ нужна голова всего міра»!

Дзержинскій презрительно молчалъ...

«Наступаютъ самые тяжелые дни — сказалъ Троцкій прошлымъ лѣтомъ — я не увѣренъ, что

изъ нашей же среды на меня не будетъ сдѣлано покушеніе! Что думаютъ по этому поводу товарищи съ Лубянки»?

«Всероссійской комиссіи по борьбѣ съ контръреволюціей пока не нужна голова товарища Троцкаго», отвѣтилъ Дзержинскій.

Когда происходятъ эти діалоги, Ленинъ тихонько подсмѣивается. Предсѣдатель совнаркома знаетъ, что сторожевая овчарка должна быть страшна даже наиболѣе вѣрнымъ слугамъ. Она признаетъ только хозяина.

Кромѣ Троцкаго, непримиримой ненавистью Дзержинскій ненавидитъ Радека. За то, что тотъ спекулянтъ, и въ періодъ перваго посольства въ Берлинѣ возилъ въ Москву товары и валюту; за то, что Радекъ всѣмъ существомъ противоположенъ Дзержинскому, какъ только можетъ быть циникъ, гурманъ и виверъ противоположенъ Савонароллѣ, ставшему инквизиторомъ. Если у Дзержинскаго отнять совѣтскую республику, онъ никому не нуженъ, онъ умретъ съ отчаянія; если ее отнять у Радека, у него останутся деньги, онъ поѣдетъ въ Стокгольмъ и откроетъ контору по продажѣ и обмѣну ворованныхъ вещей...

Въ августѣ 1920 года, въ дни временныхъ польскихъ пораженій, было составлено польское совѣтское правительство, въ которое вошли и Радекъ и Дзержинскій. Правительство двинуло изъ Москвы въ Минскъ. Радекъ ѣхалъ въ убранномъ цвѣтами салонѣ; какая-то дама всю дорогу

пѣла французскія шансонетки и играла на рояли, изъ оконъ вылетали пустыя бутылки, остатки ѣды, хлѣба.

Дзержинскій съ неразлучными сотрудниками слѣдовалъ въ другомъ полутоварномъ составѣ. Въ « приспособленной теплушкѣ » за столомъ, освѣщеннымъ фонаремъ, сидѣлъ Дзержинскій и принималъ донесенія отъ фронтовыхъ и вновь образованныхъ чека.

Въ Минскѣ Радекъ расклеилъ воззванія къ польскому народу съ обѣщаніемъ свободъ, богатствъ, радостей жизни; Дзержинскій подъ угрозой разстрѣла на мѣстѣ потребовалъ выдачи оружія, биноклей, теплыхъ вещей и т. д.

И конечно: у Радека никогда не было невѣсты, которой бы онъ писалъ въ альбомъ изъ Словацкаго. Въ юности Радекъ соблазнялъ нѣмецкихъ кельнершъ и кралъ часы у товарищей.

Въ третьемъ интернаціоналѣ есть цинічныя, веселыя чудовища и чудовища сентиментальныя, неумолимыя.

Радеки, Красины, Воровскіе...

Дзержинскіе, Петерсы, Лацисы..

Если восторжествуютъ первые, они заберутъ все у всѣхъ и всѣхъ пустятъ по міру; если восторжествуютъ вторые, они оставятъ на весь міръ одну голову — голову Ленина.

Былъ тысяча девятьсотъ восемнадцатый; Радекъ засѣдалъ въ Берлинѣ, въ вестибюлѣ «Адлонъ-Отеля», покупалъ и продавалъ. Въ эти

самые часы Дзержинскій допрашивалъ и разстрѣливалъ. И пришелъ тысяча девятьсотъ двадцатъ первый: Красинъ въ Лондонѣ; въ «Гольборнъ-ресторанѣ» онъ въ кампаніи Роберта Горна глотаетъ «нэжъ-о-кюммель» (обѣдъ 21 марта)и толкуетъ о прелестяхъ товарообмѣна. Дзержинскій въ этотъ день въ Москвѣ ликвидируетъ сообщниковъ Кронштадтскихъ бѣлогвардейцевъ... Ровно въ полночь разносятъ шампанское; ровно въ полночь заводятъ моторъ грузовика. Дзержинскій спасаетъ республику.

***

Въ апрѣлѣ 1918 года въ засѣданіи Ц.И.К. Петерсонъ дѣлалъ докладъ о мѣрахъ, принятыхъ всечека для поимки «человѣка въ дымчатыхъ очкахъ» (Савинкова), издѣвавшагося надъ бдительностью тысячи агентовъ. Петерсонъ горячился, размахивалъ полами кожаной куртки, стучалъ кулакомъ по каѳедрѣ.

Неподалеку отъ нашего стола печати, заложивъ ногу за ногу, сидѣлъ странный мужчина. Странный, потому что ревѣлъ залъ, Стекловъ оралъ на Мартова, Сухановъ визгливо старался перекричать большевиковъ, а онъ одинъ оставался спокоенъ. Уже стали покорно вздымать голосующія руки на правительственныхъ скамьяхъ, а онъ по-прежнему мечтательно смотрѣлъ вдаль. Какой-то неутоленной жажды въ его взорѣ было больше, чѣмъ тоски. Скульптуры миссисъ Шериданъ снова напомнили мнѣ этотъ взглядъ.Пле-

мянница Черчилля такъ и не узнала мечты своей знаменитой модели: Дзержинскій жаждалъ ускользнувшихъ враговъ... Какъ сжималось въ тотъ апрѣльскій вечеръ его хрустальное сердце отъ сознанія, что Савинковъ не въ подвалѣ страхового общества «Якорь», а гдѣ-то, не то далеко, не то близко, но во всякомъ случаѣ внѣ испепеленія.

Когда-нибудь сердце Дзержинскаго не выдержитъ. Въ тяжелую минуту оно разобьется о камень очередного разочарованія.

Что касается Радека, онъ проживетъ еще не менѣе двадцати лѣтъ. За его гробомъ пойдутъ: Парвусъ, Ганецкій, адвокатъ Козловскій и толна безъимянныхъ, плачущихъ дѣвушекъ.

Въ обоихъ случаяхъ редакторъ «Humanité» Марсель Кашэнъ напишетъ восторженный некрологъ, ничего не понявъ ни въ томъ, ни въ другомъ изъ его хозяевъ.

УКРАИНСКАЯ НОЧЬ.

I.

Для полнаго счастья нужно было такъ немного. Стоило человѣку въ выглаженныхъ брюкахъ, — попавшему изъ собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества прямо въ благородное сословіе крупье — провозгласить безразличнымъ,отчетливымъ голосомъ пять-шесть разъ подрядъ: «bon pour la banque»! и на-завтра можно было удивить весь Крещатикъ, волею судебъ превращенный въ Кузнецкій мостъ или Невскій проспектъ... Но человѣкъ въ выглаженныхъ брюкахъ неумолимо констатировалъ провалъ — и одинъ за другимъ уплывали брилліанты, керенки, николаевскія, такимъ героическимъ усиліемъ перевезенные чрезъ кордонъ.

Въ тихомъ, провинціальномъ Кіевѣ собрались обѣ столицы.«Уѣхали съ Брянскаго вокзала,вернемся на Курскій» — утѣшали себя банкиры, писатели, генералы, артисты, купцы. Стоитъ-ли затѣвать дѣла, становиться твердой ногой, плакать о проигранныхъ деньгахъ и бриллiантахъ, когда къ Рождеству обратно? Въ витринѣ на углу Лютеранской и Крещатика патріотическій

фотографъ выставилъ колоссальный портретъ: гетманъ и Вильгельмъ на террасѣ замка императора. Рѣшительно держался за кинжалъ Скоропадскій, оскаломъ всѣхъ зубовъ благосклонно къ странѣ, дарящей хлѣбъ и сало, улыбался Вильгельмъ. И было такъ ясно, что радость все-таки будетъ, что рано или поздно смилостивится міровой крупье и зарвавшимся трехнедѣльнымъ удальцамъ - большевикамъ гордые бѣженцы откроютъ девятку. Въ августѣ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ 1918 года вѣрили въ сейфы, въ саратовскіе дома, въ пензенскія имѣнія, въ партію пишущихъ машинъ, застрявшую межъ Читой и Байкаломъ.

«Нужно продержаться три мѣсяца!»— и вотъ держались: открыли клубъ домовладѣльцевъ, клубъ вільнаго казачества, клубъ помощи жертвамъ большевизма, жокей-клубъ и тысячу одно кафэ, напоминавшее о Москвѣ, о знакомыхъ именахъ и вкусахъ.

Ленинъ складываетъ чемоданы, Троцкій переводитъ деньги за-границу, все идетъ великолѣпно, изъ Кистяковскаго получится отличный Столыпинъ, самое важное — найти комнату въ этомъ городѣ, увеличившемъ свое населеніе за одинъ мѣсяцъ въ три раза, пріучить дурацкихъ провинціальныхъ портныхъ къ настоящей кройкѣ — и солнце еще засвѣтитъ!

Если-бы нашелся въ гетманскомъ Кіевѣ чело-

вѣкъ, который послѣ горы сдобныхъ булокъ, пряниковъ, колотаго сахара, осмѣлился-бы думать иначе, его-бы просто на просто перестали пускать въ клубы. Былъ одинъ типъ, который въ своемъ безпрестанно работавшемъ умѣ уже давно пожралъ и гетмана и всѣхъ его гостей — но его держали за семью замками: будущій украинскій фениксъ — Симонъ Петлюра сидѣлъ въ тюрьмѣ... Черезъ мѣсяцъ онъ ворвется въ городъ съ толпами озвѣрѣлыхъ мужиковъ, оторветъ у вывѣсокъ твердые знаки, заставитъ «забалакать по-украински» петербургскихъ снѣтковъ, выведетъ въ расходъ сотни офицеровъ. Но пока еще воздухъ ясенъ послѣдней осенней ясностью. Въ царскомъ саду ласковое, обманчивое бабье лѣто. И замѣститель разорваннаго бомбой Эйхгорна пьетъ за здоровье «великихъ государственныхъ мужей Украйны», не желая вѣрить сообщеніямъ австрійскихъ властей Екатеринославской губерніи. Эти австрійцы — неисправимые паникеры. Они дрожатъ за линію Гинденбурга, которую не сломитъ никакая Америка, никакіе черти-дьяволы, они не могутъ справиться съ какимъ-то мужикомъ Махно, котораго за вшивость нельзя даже пустить въ шнельцугъ!..

* * *

Махно — первый пророкъ, признанный прежде всего собственнымъ отечествомъ, осчастливленнымъ имъ Гуляй-Полемъ. Громадное про-

мышленное село, богатое, бойкое, многотысячное,помнитъ батько Махно еще пятнадцать лѣтъ назадъ маленькимъ, широкоплечимъ блондинчикомъ, въ должности учителя низшей школы. Съ суковатой палкой, въ расшитой украинской рубашкѣ учитель сидѣлъ въ своей отдаленной хатѣ, выращивалъ вишни, неизвѣстно чему училъ бойкихъ молодыхъ хохлятъ и неожиданно для всѣхъ въ одинъ лѣтній день зарубилъ топоромъ пріѣхавшаго въ школу уѣзднаго предводителя дворянства. Какіе-то сумбурные счеты, какія-то невыясненныя обиды. Съ этого момента начинается легенда о Махно. Сперва его бьютъ жестоко, долго, упорно въ волостномъ присутствіи, потомъ осуждаютъ спеціальнымъ присутствіемъ судебной палаты, потомъ въ кандалахъ, изъ тюрьмы въ тюрьму, съ этапомъ въ телячьемъ вагонѣ швыряютъ въ Сибирь. Махно многократно пытается бѣжать; его ловятъ, бьютъ плетьми, увеличиваютъ сроки, накопляютъ глыбы хохлацкой неумолимой злобы. Въ числѣ другихъ «керенокъ» онъ вырывается изъ Сибири весной 1917 года, пріѣзжаетъ въ родное село, организуетъ шайку съ быстротой, изумительной даже для тѣхъ благопріятныхъ временъ и, сведя счеты съ оставшимися въ живыхъ: волостнымъ старостой (онъ его зарубливаетъ по первоначальному рецепту), членами судебной палаты, дѣтьми убитаго предводителя дворянства переходитъ на роли народнаго героя. Махно облюбо-

бываетъ усадьбы богатѣйшаго Мелитопольскаго уѣзда. Мебель, рояли, остатки посуды свозятся имъ для продажи въ ближайшіе крупные пункты, гдѣ мѣстная милиція въ интересахъ безопасности старается не замѣчать Махно. Дома сжигаются, землю и скотъ Махно дѣлитъ межъ крестьянами. Многорѣчивый, косноязычный, не находя словъ для своихъ кипящихъ злобой мыслей, онъ наполняетъ уѣздъ и губернію грозными прокламаціями, заранѣе предрекая гибель и грабежъ, просвѣщая населеніе въ аграрномъ вопросѣ. Приходъ нѣмцевъ на короткое время ослабляетъ его дѣятельность. При первыхъ-же столкновеніяхъ съ нѣмецкими отрядами батько изобрѣтаетъ ту тактику, которая впослѣдствіи сдѣлаетъ его неуязвимымъ для Деникина и большевиковъ. Махно не принимаетъ боя. Приближается мало-мальски внушительная воинская часть — его мужики разбѣгаются по своимъ деревнямъ. Смущеные развѣдчики доносятъ, что непріятель исчезъ. Съ вечера онъ занималъ село, стрѣлялъ, разводилъ костры, къ утру пепелъ и никого нѣтъ...

Нѣмцы тщетно гонялись за Махно, натыкаясь на воздухъ. Сожгли нѣсколько деревень, потеряли время, сравнительно большое количество людей, обозы, — и уступили безпокойный хлѣбный районъ австрійцамъ. Между новыми господами положенія и батькой установилось какъ-бы молчаливое соглашеніе. Съ обычной австрійской

халатностью шикарные,нафабренные,затянутые майоры рѣшили не соваться въ дебри и стянули разбросанные гарнизоны къ большимъ пунктамъ. Въ распоряженіи Махно, кромѣ его колыбели—Гуляйпольскаго уѣзда(который,собственно говоря, уже съ этого времени и до нашихъ дней остается въ его рукахъ) — оказалась линія такъ называемой «второй Екатерининской дороги», соединяющая станцію Чаплино съ Бердянскомъ, т.е. Донецкій бассейнъ съ Азовскимъ побережьемъ. Здѣсь, на узлахъ золотоносной (пшеница, уголь, соль, руда) артеріи Махно установилъ засады для поѣздовъ, переполненныхъ торговыми людьми, директорами заводовъ, для обозовъ, для одиночныхъ экипажей и автомобилей. Рѣдкая недѣля проходила безъ грабежа. Люди предпочитали длинный объѣздъ и тряску по морю рискованнымъ сокращеніямъ Екатерининской дороги. Однажды, въ сентябрѣ 1918 г., при одной изъ очередныхъ остановокъ поѣзда въ руки батьки попали вагоны съ австрійскими пулеметами и небольшими двухколесными бричками (такъ называемыя «тачанки»). Махно посадилъ на каждую тачанку по одному дезертиру, снабдилъ его пулеметомъ и такъ выработался этотъ знаменитый типъ роковыхъ возницъ. Въ городъ Мелитополь въѣзжали на десяти-пятнадцати тачанкахъ съ капустой сонные хохлы: подъ капустой лежали пулеметы. Подъѣхавъ къ полицейскому управленію,они открывали

изъ подъ капусты пальбу и... въ общей паникѣ, страхѣ, расплохѣ городъ попадалъ въ руки пѣшихъ махновцевъ,заполнившихъ базаръ. Пѣшіе, непостоянные махновцы — напоминаютъ армію Кемаля. И тѣ и другіе: недѣлю работаютъ, сѣютъ, пашутъ, два дня ходятъ — одни по городамъ, другіе по армянскимъ деревнямъ и — грабятъ.

Когда австрійскій отрядъ, поѣхавшій для охраны состава, былъ обстрѣлянъ изъ австрійскихъ-же пулеметовъ, Екатеринославскій губернаторъ —самолюбивый, хвастливый тиролецъ—заскрежеталъ зубами и запретилъ посылать австрійскіе патрули. Съ поѣздами стали ѣздить гайдамаки. Когда на крутомъ поворотѣ поѣздъ налеталъ на груду бревенъ и по вагонамъ разсыпались возницы тачанокъ, чубатые синіе жупаны безъ единаго выстрѣла переходили на сторону Махно..

Но вотъ и совсѣмъ не стало австрійцевъ. Мы въ началѣ зимы 1918-19 года. Союзники уже въ Одессѣ, большевики еще не заняли Сѣверной Тавріи, у добровольцевъ и казаковъ нѣтъ силъ занимать такой огромный районъ.

Махно мѣняетъ масштабъ. Онъ въ Бердянскѣ, Мелитополѣ, Екатеринославѣ, въ Юзовкѣ (центръ донецкаго угля)... У него штабъ, въ составѣ котораго межъ прогнанными отъ большевиковъ матросами имѣется насильно захваченный полковникъ генеральнаго штаба. Въ Бердянскѣ батько печатаетъ: «Извѣстія революціонныхъ

войскъ имени батьки Махно»... Въ сводкѣ, составляемой злосчастнымъ спецомъ по всѣмъ правиламъ искусства, имѣются такія выраженія, какъ: «на фронтѣ, занимаемомъ групной товарища Гаркуши», «при послѣднемъ объѣздѣ лѣваго сектора батькой замѣчено»... Бердянскіе поэты выражаютъ благодарность батькѣ за бумагу, пожертвованную (!) для изданія журнала «Южно-Русская Муза»; въ воспоминаніяхъ-же товарища Гаркуши подробно повѣствуется о побѣдахъ, одержанныхъ этимъ славнымъ военачальникомъ надъ «арміями Людендорфа»(!)...

Отнынѣ батько разъѣзжаетъ исключительно на тройкѣ, въ ковровыхъ саняхъ, съ подобраннымъ малиновымъ звономъ бубенцовъ. На слѣдующихъ за нимъ дровняхъ находятся:мука,сахаръ, полотно. Въѣздъ въ новое мѣсто начинается съ безплатной раздачи,какъ этихъ продуктовъ,такъ и всѣхъ запасовъ, оставленныхъ австрійцами.

На каждомъ махновцѣ поверхъ австрійской шинели (нерѣдко на одномъ двѣ шинели) мѣховыя шубы, бурки, дохи. И таковы ихъ настроеніе, счастливый видъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, что нѣтъ отбоя отъ новыхъ и новыхъ махновцевъ. Уже не хватаетъ тачанокъ, уже Егорьевъ (командующій совѣтской арміей), наступая на Екатеринославъ, доноситъ Троцкому, что «округъ переполненъ бандами Махно; въ виду ихъ многочисленности, сытости и отличнаго вооруженія предпочтительно соглашеніе»... Троцкій одобряетъ

докладъ, «группа Махно» переименовывается въ отдѣльную бригаду, а онъ самъ въ бригаднаго командира съ награжденіемъ орденомъ красной звѣзды.

Соглашеніе заключено лишь подъ Новый-1919 годъ, а черезъ какихъ-нибудь три недѣли въ концѣ января харьковскій совдепъ жалуется на бригаднаго командира Махно, который не пропускаетъ вагоны съ углемъ для краснаго Харькова. Троцкій вызываетъ батьку къ тому-же неизбѣжному прямому проводу. Слѣдуютъ обычныя угрозы, на которыя Махно отвѣчаетъ знаменитой формулой: «за каждые пять вагоновъ угля хочу одинъ вагонъ жидовъ и коммунистовъ»!..

Несмотря на такую пропорцію, ссоры еще нѣтъ, ссора невыгодна другой сторонѣ: коса нашла на камень, любитель пользовать всѣхъ и каждаго Троцкій наткнулся на крѣпкую хохлацкую сметку! Деникинъ уже перебросилъ свои войска съ Сѣвернаго Кавказа въ Донецкій бассейнъ, безъ Махно не обойтись... И Махно хочетъ быть посрединѣ, переговариваясь съ обѣими сторонами, вредя и помогая обѣимъ, чтобы въ рѣшительный моментъ сперва сгубить большевиковъ, а потомъ Деникина.

Сдѣлать Махно своимъ союзникомъ невозможно ни при какихъ уступкахъ: черезъ неполный годъ эту истину пойметъ Врангель. Когда Махно возьметъ за обѣщанія помощи Врангелю Врангелевскихъ инструкторовъ, оружіе, деньги, когда

онъ почувствуетъ, что больше взять нечего, онъ измѣнитъ и Врангелю.

Въ Гуляйпольскомъ народномъ учителѣ необычайно сильна украинская историческая традиція...

Весной 1919 года между двумя фронтами,добровольческимъ и большевистскимъ, Украина на ея громадныхъ не городскихъ пространствахъ является ничьей, жертвой безъ конца плодящихся атамановъ. Заразительный примѣръ Махно вызываетъ на благодарную сцену новый урожай главковерховъ, батекъ, мстителей. Всѣ они, подражая Махно, будутъ мечтать сидѣть межъ двухъ стульевъ, соблазнять добровольцевъ ненавистью къ коммунизму, большевиковъ местью «помѣщикамъ, спекулянтамъ, попамъ»...

Все больше и больше звенящихъ малиновымъ звономъ подборовъ, все чаще и чаще сшибаются коренниками тройки двухъ батекъ. И первый изъ нихъ—батько Махно—ревниво смотритъ, чтобъ не появился конкурентъ,могущій его съѣстъ.Мелкота его не смущаетъ: Зеленый, Ангелъ, Балбачанъ даже пользуются его совѣтами и дарами; но завоеватель Одессы, «побѣдитель антанты» Григорьевъ, вызываетъ самыя большія опасенія «побѣдителя» австрійцевъ. Наступаетъ чередъ ихъ борьбы, дружбы и счастливой для Махно развязки.

Все захватывающее дѣйствіе разыгрывается въ дымѣ и копоти Знаменки. Центру сахарной

промышленности суждено живымъ факеломъ, суждено освѣтить украинскую ночь.

II.

Григорьевъ провелъ нормальную молодость: никого не зарубилъ топоромъ, не былъ на каторгѣ, не носилъ арестантскаго халата. Армейскій штабсъ-капитанъ къ концу войны, въ карпатскій періодъ онъ былъ лишь поручикомъ. Въ числѣ сотенъ тысячъ другихъ русскихъ офицеровъ революція и его вышвырнула изъ накатанной колеи производствъ, командировочныхъ денегъ, яростной желѣзки, злоупотребленія спиртомъ, предназначеннымъ для лазаретовъ. Такъ же, какъ онъ служилъ Царю и временному правительству, онъ началъ служить и гетману Скоропадскому. По счастливой случайности онъ оказался однимъ изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ Петлюра облюбовалъ для истребленія другихъ офицеровъ.

Украинская головоломка и урожай новыхъ главковерховъ открыли Григорьеву не сложныя истины взаимоотношеній въ гражданской войнѣ. Если изъ помощника бухгалтера получался гетманъ всей Украйны, то изъ штабсъ-капитана могъ выйти великолѣпнѣйшій полководецъ. Генералы и главные боги авантюризма были въ разгонѣ: кто поставилъ на бѣлую лошадь и

переметнулся на Юго-Востокъ, кто предпочелъ красную и остался на Сѣверѣ. Судьба Келлера устрашила титулованныхъ любителей власти, и на Украйнѣ оказался небывалый спросъ на самыхъ небольшихъ спецовъ. Теперешняя надежда антибольшевистской Украйны — Струкъ — совсѣмъ молодой офицеръ, Соколовскій, — фастовскій диктаторъ, — прапорщикъ, и т. п.

Не понадобилось много труда, чтобы стать во главѣ Заднѣпровской бригады. Значительно рискованнѣй было рѣшить — къ кому должна присоединиться эта нашумѣвшая бригада? Григорьевъ долго чесалъ свою капитанскую голову и отправилъ для информаціи — въ Одессу — своего будущаго политкома, студента Гиршмана.

Студентъ потолкался у Фанкони, побывалъ на пристани, понаблюдалъ на базарахъ и вернулся въ Николаевъ съ готовымъ рѣшеніемъ — играть нужно на красную лошадь, всѣ другія лошади перегрызутъ другъ друга!..

Наступаютъ дни знаменитой Григорьевщины. Штабсъ-капитанъ призналъ власть Троцкаго, получилъ оружіе, подкрѣпленія, подъ Херсономъ обратилъ въ бѣгство грековъ. Греческій генералъ издалъ приказъ, въ которомъ сравнивалъ Херсонъ съ Ѳермопилами, а своихъ солдатъ со спартанскими героями. Григорьевъ издалъ приказъ, въ которомъ извѣщалъ рабочихъ,

крестьянъ и казаковъ, что ему удалось «набить морду антантѣ»... По части подобнаго краснорѣчія спеціалистомъ при Григорьевѣ оказался бывшій петлюровецъ, приведшій на помощь Григорьеву значительныя банды, дезертиръ Бондаренко. Онъ же являлся и начальникомъ штаба.

Послѣ Херсона—Одесса. Григорьевъ чувствовалъ близость своего торжества въ виду наличности въ городѣ нѣсколькихъ не признающихъ другъ друга властей: ставленникъ французовъ — Шварцъ, остатки петлюровцевъ — Луценко, доброволецъ Гришинъ-Алмазовъ, и миѳическія правительства, составленныя изъ недорѣзанныхъ буфоновъ и доктринеровъ, уже запасшихся билетами на пароходъ!...

Считая наиболѣе подходящимъ для капитанскаго самолюбія генералъ-маіора Гришина-Алмазова, Григорьевъ вызвалъ его адъютанта къ телефону (междугородный телефонъ какимъ-то чудомъ продолжалъ дѣйствовать) и заявилъ: «если городъ не будетъ сданъ безъ боя, перебью всѣхъ бѣлогвардейцевъ; съ Гришина-Алмазова сниму шкуру и сдѣлаю турецкій барабанъ».

Судьба хранила «шкуру» генерала для матросовъ краснаго миноносца «Карлъ Либкнехтъ», поймавшихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гришина-Алмазова на Каспійскомъ морѣ при его попыткѣ пробраться къ Колчаку. Но городъ былъ

ѳданъ почти что безъ боя. И рослые любимцы Григорьева — грабители «верблюжцы»— какъ-то изумительно плавно и незамѣтно смѣнили сенегальцевъ.

Ежедневная порція рѣчей дѣятелей всевозможныхъ центровъ была съ лихвой возмѣщена рѣчами Григорьева, Бондаренко, Гиршмана. Расклеенные плакаты воспѣвали подвиги доблестныхъ верблюжцевъ, которые, по увѣренію ихъ атамана, «выбили кресло изъ-подъ Клемансо».

Населеніе съ эпическимъ спокойствіемъ отнеслось къ приходу новаго начальства и на первыхъ порахъ пыталось создать иллюзію нормальной жизни. Профессоръ Щепкинъ, психопатъ, карьеристъ, членъ всѣхъ русскихъ партій одновременно, держалъ торжественную рѣчь, начатую словами: «О юный (!), славный витязь, чьей силой растоплены сковавшія насъ льдины»...

Въ отношеніи нормальной жизни населеніе успокоилъ Гиршманъ: подтвердилъ уничтоженіе буржуазной прессы, націонализацію домовъ и все остальное, вытекавшее изъ груды номеровъ совѣтскихъ извѣстій, комплектъ которыхъ красовался на столѣ политкома въ качествѣ свода законовъ. На рѣчь Щепкина отвѣтилъ рѣчью атаманъ. На балконъ гостиницы «Бристоль» онъ вывелъ голаго казака и, указывая на него,

сказалъ: «Вотъ какъ ходятъ мои герои, солдаты самой славной арміи въ мірѣ»!

Одесситы все поняли. Въ теченіе двухъ дней склады, магазины, конторы, амбары были начисто ограблены. Для прикрытія наготы казака потребовались вагоны шелка, дамскихъ чулокъ, коньяка, туалетнаго мыла, кровельнаго желѣза, сахара, анилиновыхъ красокъ.

Выжавъ изъ города все, что въ немъ накопилось за мѣсяцы двухъ оккупацій, Григорьевъ заскучалъ. Отписки Москвѣ по поводу произведенныхъ «самочинныхъ актовъ» доставляли мало радости. Въ концѣ весны верблюжцы двинулись къ Раздѣльной и дальше въ глубь Украины, забирая остатки желѣзнодорожнаго имущества и хлѣба...

Оффиціальный предлогъ ухода изъ Одессы — борьба съ петлюровцами. Истинная же причина — желаніе войти въ соглашеніе или съ петлюровцами или съ Деникинымъ.

Пораженія большевиковъ на Югѣ заставляли Григорьева спѣшить отгородиться. Въ концѣ мая на станціи «Знаменка» послѣ недѣльнаго погрома, сопровождавшагося окончательнымъ сожженіемъ мѣстечка, Григорьевъ объявилъ себя гетманомъ и выкинулъ традиціонный лозунгъ всѣхъ атамановъ: «За совѣты противъ жидовъ и коммунистовъ»!..

На вагонахъ его эшелоновъ красовалась над-

шись: «Довольно вамъ ѣсть Троцкаго конину, поѣшьте Григорьева свинину»!.. Для ободренія стекавшихся къ Знаменкѣ крестьянъ и дезертировъ Ворошиловской арміи (расквартированной въ Екатеринославской губерніи) въ теченіе нѣсколькихъ дней Григорьевъ раздавалъ, если не свинину, то все-же кое-что: непереработанное паточное сусло, которымъ отравился весь округъ... Цистерны со спиртомъ составляли забронированную собственность верблюжцевъ, какъ старѣйшихъ ветерановъ. Григорьевъ переселился въ комнату телеграфиста и безпрестанно разсылалъ «всѣмъ, всѣмъ» безконечныя воззванія. Впрочемъ, по этой части ему не удалось отбить пальму первенства у Раковскаго. Еще недѣлю назадъ предсѣдатель украинскаго совнаркома выражалъ благодарность «главѣ революціоннаго авангарда Запорожья — непобѣдимому товарищу Григорьеву»... Теперь-же воззванія Раковскаго, посвященныя измѣнѣ Григорьева, повторяли на всѣ лады: «сифилитикъ», «воръ», «пьяница», «кровавый хамъ» и т. д.

Накормивъ населеніе патокой, Григорьевъ увидѣлъ, что дѣла его все-же неважны: большевики окружали знаменскій районъ сплошнымъ кольцомъ. Мобилизованные крестьяне въ первомъ-же бою подъ Пятихаткой бѣжали обратно въ свои деревни. Предстояло послѣднее рѣшеніе: пробиться къ Екатеринославу на соединеніе съ Махно, что и удалось сдѣлать послѣ потери

большей части людей. Мобилизація въ Екатеринославской губерніи не только не имѣла успѣха, но и обратила противъ Григорьева поголовно все населеніе. Гражданская война вступала въ тотъ фазисъ, когда погибалъ всякій, рискнувшій мобилизовывать, не имѣя достаточныхъ карательныхъ средствъ.

Въ ставку Махно «Гетманъ всей Украйны» явился съ небольшимъ отрядомъ и значительными обозами. Махно осмотрѣлъ мануфактуру, прикинулъ количество вагоновъ сахара, подсчиталъ число охраны Гетмана. Вечеромъ произошла на сборномъ митингѣ обоихъ отрядовъ ссора межъ атаманами, во время которой люди Махно неожиданнымъ залпомъ ликвидировали Григорьева со штабомъ. Гуляйпольскій народный учитель оказался богатымъ наслѣдникомъ и все село получило по штукѣ цвѣтного ситца.

Снова, какъ и прошлымъ лѣтомъ, батько Махно былъ внѣ конкуренціи — батька батекъ, неуловимый, не принимающій сраженій, вырастающій снова и снова, какъ дѣвственный лѣсъ подъ ударами топора...

***

Въ концѣ іюня 1919 года коротконогій, пучеглазый Май-Маевскій облегченно вздохнулъ и телеграфировалъ Деникину: «Махно уничтоженъ»... Въ концѣ августа екатеринославскій

губернаторъ Щетининъ — самый плохой изъ всѣхъ когда либо бывшихъ въ мірѣ губернаторовъ (включая и Оффенбаховскихъ), — требовалъ у Романовскаго конный корпусъ для борьбы съ Махно.«Справитесь силами государственной стражи!» отвѣчалъ покойный начальникъ деникинскаго штаба. Силами государственной стражи, въ апогеѣ побѣдъ на московскомъ направленіи, въ глубокомъ тылу былъ сданъ махновцамъ Екатеринославъ. На этотъ разъ батько свирѣпствовалъ, мстя за два мѣсяца лишеній, проведенные въ камышахъ Заднѣпровья, куда ему добровольческая контръ-развѣдка поставляла оружіе и свѣдѣнія... Вслѣдъ за жесточайшимъ еврейскимъ погромомъ Махно разгромилъ всѣ учрежденія, связанныя съ дѣятельностью ненавистныхъ ему правительствъ, вплоть до зданія почты и телеграфа.

«Свободной Россіи не нужны ни почты ни телеграфы. Предки наши не писали писемъ (!) и не телеграфировали, а счастья было больше!» — заявилъ Махно делегаціи телеграфистовъ — «всѣ вы свободны, идите, куда глаза глядятъ. Чѣмъ вертѣть колесо, научитесь съ пулеметомъ работать, получайте по тачанкѣ и айда!»...

Къ ноябрю мѣсяцу успѣхи Махно въ тылу добровольцевъ привели почти къ полному прекращенію движенія на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Изъ Екатеринослава онъ уходилъ, чтобы черезъ недѣлю (когда бѣлыя войска возвраща-

лись на главный фронтъ) снова придти. Дѣйствовалъ все тотъ-же механизмъ. Приближается къ городу регулярный корпусъ,махновцы разбѣжались по пригородамъ, ушелъ корпусъ и безъ всякаго сигнала, по молчаливому уговору собрались на городскомъ базарѣ... Батько свистнулъ и площадь ощетинилась. Городъ снова въ рукахъ Махно.

Дальше — больше. Всю вторую половину 19 года Крымъ находился подъ угрозой вторженія Махно. Глубокой осенью въ Таганрогѣ, въ ставкѣ главнокомандующаго поднялась звѣриная паника: Махно, взявъ Маріуполь(80 верстъ отъ Таганрога), двигался дальше, а въ ставкѣ не было никакой охраны: тысячи офицеровъ, заполонившихъ Ростовъ и Таганрогъ, при вѣсти о Махно, какъ сквозь землю провалились. Ставка дала душераздирающую телеграмму генералу Шкуро(находившемуся подъ Воронежомъ) съ требованіемъ бросить все и идти спасать ставку. Англичане проклинали русскихъ и наспѣхъ удирали изъ Таганрога... Остряки вспоминали случай, происшедшій при лѣтнемъ взятіи Екатеринослава. Въѣхавшему въ городъ Деникину украинскія группы поднесли вышитый ручникъ съ надписью: «Не той казакъ, що побѣдивъ, а той казакъ, що выкрутився»!..

Какой изъ двухъ «казаковъ» переживетъ другъ друга? Побѣждающій или выкручивающійся?

... Было уже лѣто 1920 г. Въ полосатомъ кепи, непромокаемомъ плащѣ, посѣдѣвшій, похудѣвшій генералъ Деникинъ шелъ по перрону Лондонскаго вокзала... И въ эти-же дни въ злосчастной Таврiи Махно договаривался съ новымъ главнокомандующимъ — генераломъ Врангелемъ. Казалось, что на этотъ разъ счастье наконецъ на сторонѣ казака побѣждающаго: онъ далъ Махно своихъ инструкторовъ,замѣтно прибралъ его къ рукамъ, обольстилъ генеральскимъ титуломъ. «Используетъ главнокомандующiй батьку и въ концѣ концовъ повѣситъ этого бандита»! — увѣряли крымскiе сердцевѣды...

Снова пришла осень, четвертая золотая осень батьки Махно. Крымъ агонизировалъ и въ критическiй моментъ, ровно за мѣсяцъ до конца, Махно снова перешелъ, перешелъ къ большевикамъ.

Сейчасъ батько ни за кого: свои политическiя симпатiи онъ опредѣляетъ къ осени, когда вязки грунты и не проѣхать тачанкѣ, когда дождь загоняетъ мужиковъ въ хаты и необходимо имѣть регулярные кадры, базу, провiантъ...

...Съ Махно не справится ни Троцкiй, ни Буденный, ни Дзержинскiй. Въ немъ сила русскаго засасывающаго болота. Ему уже 310 лѣтъ, Махно — одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ «перелетовъ», которые въ великую смуту — подъ стѣнами Москвы — играли жребiемъ Россiи.

Петръ вздернулъ ихъ на дыбу и три вѣка они таились. Теперь они воскресли — до новой дыбы, до... новаго Петра!..

III.

Въ редакцію ростовской газеты «Жизнь» въ концѣ мая 1919 года пришелъ человѣкъ въ стоптанныхъ сапогахъ съ выглядывающими носками, грязный, заросшій колючей рыжей щетиной, въ поломанномъ форменномъ картузѣ. Пришелъ, бухнулъ на стулъ, дико осмотрѣлъ большую свѣтлую комнату, мягкую мебель, чистые чехлы.

«Вы откуда»? «Изъ Кіева»... «Долго ѣхали»? « Гдѣ ѣхалъ, а гдѣ пѣшкомъ шелъ»!...

И человѣкъ разсказалъ: онъ чиновникъ Державнаго государственнаго банка; въ серединѣ прошлаго мѣсяца, когда на Прорѣзной работала Чека, а на Подолѣ по ночамъ вырѣзали красноармейцевъ пробравшіеся изъ слободокъ партизаны, чиновника нашего взяла тоска.

Днѣпръ разливается, въ Царскомъ Саду распустились липы, жрать нечего, на Крещатикѣ безпрестанная облава, бывшаго управляющаго ихъ банка разстрѣляли лишь за то, что у него въ недѣлю мирнаго возстанія нашли сотню полупротухшихъ яицъ: за спекуляцію предметами первой необходимости!...

Вечерами на нижнихъ улицахъ топотали конные патрули мохнатыхъ хунгузовъ. Такъ страшно, что хоть на край свѣта бѣги. Въ погожій страстной четвергъ чиновникъ услышалъ, какъ грустно звонятъ въ соборѣ, и двинулъ за городъ, шелъ весь день, всю ночь, слѣдующее утро. Ноги ныли, поясница ломила, остановиться, оглянуться... жуть беретъ... Чиновникъ шелъ сорокъ шесть дней. Если-бы исчезли всѣ газеты, книги, мемуары, умерли и потеряли память всѣ современники, одного его разсказа хватило бы для написанія русскаго «Жиль-Блаза»...

Онъ не умѣлъ рзсказывать: двадцать три года онъ совершенствовался въ подведеніи счетовъ «loro» ... Начиная съ Борщаговки (подъ Кіевомъ) и до Ногайскихъ тростниковыхъ зарослей, гдѣ онъ, пролежавъ четыре дня, замѣтилъ казачьи разъѣзды, власти мѣнялись, режимъ опрокидывалъ режимъ. Въ Фастовѣ на телеграфныхъ столбахъ висѣли коммунисты со звѣздой на френчѣ. Въ загаженныхъ парадныхъ комнатахъ жилъ, прапорщикъ Соколовскій и производилъ реквизиціи именемъ адмирала Колчака. Телеграфъ бездѣйствовалъ, но Соколовскій нашелъ рулонъ телеграфной ленты, рвалъ ее по клочкамъ и карандашомъ писалъ содержаніе депешъ, будто бы полученныхъ имъ, изъ Ростова отъ Деникина, изъ Казани (!) отъ Колчака, изъ Одессы отъ французовъ (!)... Со всѣхъ сторонъ на всѣхъ языкахъ Соколовскому

разрѣшалось: 1) произвести мобилизацію, 2) вѣшать коммунистовъ, 3) реквизировать хлѣбъ. Противъ второго пункта никто не возражалъ, за первый и третій Соколовскій непрестанно страдалъ и, не находя желающихъ воевать, каждую недѣлю сдавалъ Фастовъ большевикамъ, которые въ свою очередь не могли и не хотѣли удерживать голодающее, сожженное мѣстечко...

Страшась мобилизаціи, чиновникъ повернулъ на сѣверъ къ Бахмачу и здѣсь попалъ въ лапы краснаго заградительнаго отряда. Десять дней онъ разъѣзжалъ въ эшелонѣ насильно мобилизованныхъ хлѣборобовъ, на одиннадцатый въ Полтавѣ они попали въ плѣнъ къ атаману Зеленому. Всѣхъ плѣнныхъ согнали на станціонный дворъ, раздѣли до-гола и стали искать евреевъ... Евреевъ вѣшали, остальнымъ давали лохмотья, пошитыя изъ мѣшковъ, и гнали копать окопы на Сѣверный вокзалъ. Для чего копаютъ — никто не зналъ, но такова была традиція, усвоенная Зеленымъ за время пребыванія въ гайдамакахъ и красноармейцахъ. Зеленый сжегъ оба вокзала и Сѣверный и Южный, взорвалъ мостъ и ушелъ къ Люботину. Чиновникъ оказался военнымъ трофеемъ главковерха Егорьева. Теперь его двинули къ станціи Запорожье на борьбу съ Махно. До Запорожья не доѣхали: въ первую же ночь поѣздъ наскочилъ на подложенную балку; затявкали пулеметы, и весь эше-

лонъ безъ боя сдался засадѣ атамана Ангела, который призналъ батько Махно своимъ «старшимъ товарищемъ». Съ Ангеломъ жгли заводы Бобринскаго,вырѣзали евреевъ въ Пятихаткѣ.Отсюда плѣнные бѣжали,днемъ прятались въ балкахъ, ночью шли, кушали рѣдко, развѣ если попадется уцѣлѣвшая отъ пожара деревня. Ночи случились безлунныя, но со всѣхъ сторонъ горизонта колыхали зарева экономій, рощъ, остатковъ полустаночныхъ вокзаловъ.

«Такъ отчетливо видимъ — повѣствовалъ чиновникъ — цифры столбиковъ верстовыхъ; идешь-идешь, хлопъ и наткнулся, въ канавкѣ трупъ лежитъ. Кидаемся, думаемъ, можетъ сапоги цѣлые. Куда тамъ, не то что сапоги, исподники сняты»...

Шкуринскіе казаки, вытащивъ чиновника изъ Ногайскихъ зарослей, приняли его за шпіона и хотѣли вѣшать.Когда увидѣли,что сапоги порваные и поживиться не чѣмъ, довели до штаба. Здѣсь его сейчасъ же занесли въ число плѣнныхъ. Чиновникъ взмолился и сталъ доказывать, кто онъ и что онъ. Штабные успокоили: «Да вы не бойтесь,въ Ростовѣ васъ отпустятъ,а здѣсь генералу лестно, чтобъ плѣнныхъ побольше было!»... Такъ ихъ и везли до самаго Ростова. На цѣлую теплушку ни одного большевика: ногайскіе домовладѣльцы, бердянскіе купцы,былъ еще одинъ инженеръ изъ Маріуполя, смуглый, кудлатый, думали еврей, хотѣли заколоть, потомъ

осмотрѣли — видятъ армянинъ, и отправили въ Ростовъ...

IV.

У Симона Петлюры столицъ не меньше, чѣмъ былыхъ занятій, и не больше, чѣмъ оріентацій. Въ Москвѣ онъ былъ скромнымъ помощникомъ бухгалтера, служилъ въ транспортной конторѣ, по четвергамъ ходилъ въ кружокъ «Кобзаръ», игралъ на гитарѣ, подпѣвалъ фальшивымъ голоскомъ украинскія пѣсни и уносилъ домой томикъ Грушевскаго. Въ Москву онъ пріѣхалъ, спасаясь отъ преслѣдованій Кіевской полиціи: прозорливцы - пристава инкриминировали «мѣщанину Семену Петлюрѣ» какія-то противоправительственныя затѣи, нашли у него недозволенныя книжки, украинскіе стишки, заржавѣвшій пятизарядный бульдогъ... Въ Москвѣ, хотя онъ и числился подъ надзоромъ, полиція скоро перестала думать о помощникѣ бухгалтера. И жить бы ему и поживать, и вышелъ бы изъ него великолѣпный старшій бухгалтеръ (въ украинской газетѣ онъ подъ конецъ бросилъ писать, надоѣло...). Но война и земскій союзъ заразили его военнымъ духомъ.

По должности помощника уполномоченнаго земсоюза Петлюра носилъ шпоры,тупую шашку, полированный свистокъ,громадный наганъ и еще

полдюжины переплетающихся шнуровъ:для бинокля, для «индивидуальнаго» перевязочнаго пакетика и т. д. Земсоюзъ сдѣлалъ изъ Петлюры военнаго министра въ первомъ украинскомъ кабинетѣ. И какъ всѣ украинцы, онъ оказался геніемъ, неоцѣненнымъ, придушеннымъ царизмомъ. Сперва съ нѣмцами Вильгельма выгналъ большевиковъ, потомъ съ нѣмцами Эберта доконалъ Скоропадскаго. И начался знаменитый калейдоскопъ.

Въ трудную минуту его спасаетъ священное наслѣдіе Мазепы, когда-нибудь послѣ Кіева,Каменецъ-Подольска, Винницы, Варшавы, Тарнова, нѣмцевъ, поляковъ, румынъ, добровольцевъ — Симонъ Петлюра докатится, пожалуй, и до шведовъ. Онъ имъ припомнитъ дружбу Мазепы съ Карломъ XII и сорветъ сотню тысячъ кронъ...

...Горѣло все: заводы, экономіи, вокзалы, города, живые люди. Украйна была сплошнымъ костромъ. Симонъ Петлюра сталъ фениксомъ. Безсмертіе ли пошлости, живучесть ли предательства, но Симонъ Петлюра—единственное, что изъ всей Украйны уцѣлѣетъ послѣ многолѣтней «украинской ночи». Изъ русскаго элемента, изъ чернозема Малороссіи — Махно, изъ украинскаго авантюризма, смѣси погромовъ, брошюръ, отвратительнаго волапюка — Петлюра.

Пока Зеленый, Струкъ, Ангелъ, Соколовскій, Искра шарятъ въ жалкихъ сундукахъ корчма-

рей, залитые кровью, рискующіе жизнью, загнанные, усталые, ежеминутно ждущіе удара ножомъ въ спину, пули изъ маузера адъютанта, пока богатѣйшія губерніи покрываются пепломъ падалью, Симонъ Петлюра рѣшаетъ свои дѣла въ кабинетахъ лимитрофныхъ министровъ, въ ресторанахъ Варшавы, въ деревенскихъ усадьбахъ Галиціи... Онъ боится крови, не любитъ звуковъ орудійной пальбы и, если приходится загребать жаръ собственными руками, Петлюра бросаетъ армію и съ обозомъ бѣжитъ въ гостепріимную Галицію. Такъ было въ 1919 году въ Винницѣ, такъ кончилось осеннее наступленіе въ 1920 году.

Въ его штабѣ нѣтъ военныхъ: они любятъ вѣшать и съ ними опасно шутить. Въ антуражѣ Петлюры маленькіе хохлики съ большой подлостью, съ уровнемъ, выгодно оттѣняющимъ сравнительную грамотность ихъ вождя...

Украинская ночь обошлась Петлюрѣ не то въ двѣсти,не то въ четыреста тысячъ мобилизованныхъ и добровольцевъ, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ, отъ тифа, отъ голода. Но въ « Matin » уже была бесѣда съ «Гетманомъ»» — длинная, восторженная, съ портретомъ, съ подзаголовками. Посолъ Петлюры — графъ Тышкевичъ — не даромъ толчется въ Парижѣ. Игра стоитъ свѣчъ.

... Недавно мнѣ попалась газета, издающая-

ся въ Тарновѣ, оффиціозъ Симона Петлюры. Въ номерѣ былъ помѣщенъ списокъ новаго правительства, составленнаго Петлюрой. Ихъ имена, конечно, ничего не говорили. Быть можетъ бывшіе карманники, быть можетъ кременчугскіе телеграфисты... Но примѣту я вспомнилъ: Петлюра мѣняетъ правительство передъ каждымъ новымъ похожденіемъ... Слишкомъ ярко зарево украинской ночи, чтобы фениксъ могъ воскресать съ прежней физіономіей!..

До разсвѣта еще далеко.

ПОСЛѢДНЯЯ ОТРАДА.

I.

Музыка играетъ все тише и тише...

Золотой звонъ гетманщины, двѣ Одессы, безнадежность кровью заливаемаго полуострова...

«Господи, спаси Россію, помоги арміи»! — и въ послѣдній разъ подписавъ приказъ за номеромъ подписью: «Главнокомандующій В. С. Ю. Р., генералъ А. И. Деникинъ» — старый человѣкъ въ первый разъ въ жизни заплакалъ, прощаясь со своимъ конвоемъ... Но дальше, дальше, уже и его печальный образъ мелькаетъ въ гнилыхъ туманахъ Пикадилли, Россія кончается!

Грюндерство, спекуляція, анришизмъ вступаютъ въ опасный возрастъ. Вагтъ дэ бэссъ въ Европѣ, паникой и вшами съѣденъ подлецъ — городъ Новороссійскъ.

Ахъ, все въ прошломъ! Кто возвратитъ сахарныя сдѣлки Харьковскаго «Версаля», милую прохладу грязныхъ кофеенъ Ростова, гдѣ лакеи такъ грубы, а деньги такъ повинуются желаніямъ, взлетамъ, паденіямъ, слухамъ...

Музыка играетъ все тише и тише...

... Но здѣсь уже нѣтъ Россіи, здѣсь — Врі-

tich Occupation. И пока въ этомъ тропическомъ Батумѣ развѣвается флагъ Его Величества, пока багровый толстякъ въ шотландской юбкѣ стоитъ на углу и лупитъ своимъ традиціоннымъ жезломъ зазѣвавшагося мушу, пока въ стеклянномъ павильонѣ въ тактъ непрерывному ту-степу американскіе матросы въ поварскихъ колпакахъ гремятъ столами и тарелками, пока полночь и полдень возвѣщаются пушкой свѣтлосѣраго гиганта «Императоръ Индіи», до тѣхъ поръ еще не все потеряно. Провести послѣдній день Помпеи, на крошечномъ клочкѣ заливаемой ливнями русской земли, подъ роднымъ небомъ, подъ чужимъ флагомъ, собрались всѣ, кого ударила революція и кого выдумалъ морокъ годовъ возмездія. На пышащихъ болотомъ, лихорадкой, знойной лѣнью перваго въ мірѣ бульвара въ часы карминовыхъ закатовъ толпятся московскіе банкиры, одесскіе пароходчики, мамонтовскіе есаулы, контръ-развѣдка полусотни южныхъ городовъ, бѣглые большевики и пріѣзжіе: итальянцы, англичане, французы, турки.

...Гражданскій губернаторъ, полковникъ Гаррисъ занятъ съ ранняго утра. Его адъютантъ,молоденькій,голубоглазый,веснушчатый валлисецъ, котораго Мурочка Вронская изъ «Шато-дэфлеръ» называетъ «клубничное мороженное»,докладываетъ ему результаты переговоровъ съ аджарцемъ Кискинъ-Задэ. Правительство Его Величества въ конецъ раздражено грузинскими

требованіями Батума; изъ Лондона пришло распоряженіе: попытаться создать Мессопотамскую обстановку — использовать мѣстныя распри. Мусульмане-аджарцы должны возстать противъ христіанъ-грузинъ. На-лицо имѣется Кискинъ-Задэ; свѣдѣнія о немъ неважныя. При царѣ отбылъ два срока арестантскихъ ротъ, зарегистрированный на всемъ Кавказѣ разбойникъ, среди аджарцевъ, въ аулахъ Верхней Аджаріи весьма популяренъ. Предлагаетъ свои услуги на случай необходимости испортить Тифлисскую жел. дорогу, припугнуть грузинъ кемалистами или большевиками и т. п.

Гаррисъ выслушиваетъ докладъ и отдаетъ распоряженіе: подготовить приказъ объ утвержденіи британскими властями Кискинъ-Задэ въ должности «главнокомандующаго войсками Независимой Аджаріи»...

«Я убѣжденъ — говоритъ онъ, улыбаясь—что и профессоръ будетъ доволенъ»!..

Профессоръ — Оливеръ Уордропъ, англійскій верховный комиссаръ для всего Закавказья, фанатикъ идеи расчлененія Россіи на милліонъ республикъ, которыя-бы своими внутренними раздорами требовали спасенія извнѣ. Уордропъ благословилъ Азербейджанъ, Грузію, горскую республику, черезъ Дербентъ вооружилъ дагестанцевъ противъ Деникина, снабжавшагося правительствомъ Его Величества черезъ Новороссійскъ. Гаррисъ отпускаетъ адъютанта и начинаетъ пріемъ

просителей. За утро поступило шестнадцать прошеній объ открытіи новыхъ мѣняльныхъ конторъ. Скоро весь городъ будетъ заклеенъ плакатами — «money exchange». Просители — всѣ изъ благонадежныхъ круговъ. У одного рекомендація англійской контръ-развѣдки въ Севастополѣ, другой — генералъ, командовалъ корпусомъ на Кавказскомъ фронтѣ, третій — секретарь Распутина, личный знакомый Сэра Джоржа Бьюкенена, у четвертаго письма изъ лондонскихъ фирмъ, близкихъ губернатору въ эпоху его мирной дѣятельности гофмаклера въ Сити.

За мѣнялами наступаетъ очередь редакторовъ.

«Почему всѣ русскіе хотятъ издавать газету?» — спрашиваетъ губернаторъ своего переводчика, вертляваго грека изъ Херсона, только что окончившаго Константинопольскій колледжъ.

Переводчикъ вчера вечеромъ ужиналъ въ шантанѣ съ однимъ изъ « editors », неизвѣстнымъ мужчиной въ панамѣ; уже двѣ недѣли мужчина ходитъ изъ конторы въ контору, имѣя при себѣ кожаный желтый саквояжъ, откуда имъ извлекаются пачки николаевскихъ пятисотрублевыхъ, запечатанныя двуглавымъ орломъ. Одна изъ такихъ пачекъ въ концѣ ужина перешла къ переводчику. Осторожно и издалека, онъ убѣждаетъ губернатора въ полезности печати для развитія любви къ англійскимъ властямъ. Гаррисъ что-то соображаетъ; френчъ и краги не убили въ немъ

маклерскаго чутья. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ перечеркиваетъ прошеніе.

«Лишняя газета — лишній шантажъ. Пусть читаютъ «Times»!.. Грекъ почтительно-кисло улыбается...

Сквозь открытое окно снизу доносятся крики. У парадной двери въ саду, на самомъ солнцепекѣ галдитъ толпа персовъ, грузинъ, армянъ, пришедшихъ за полученіемъ заграничныхъ паспортовъ. Когда крики усиливаются, Гаррисъ подходитъ къ окну и что-то односложное говоритъ сержанту, сидящему на скамейкѣ. Сержантъ подымается, подходитъ къ толпѣ и,не произнося ни одного слова, сперва ударяетъ палкой крайняго пузатаго перса въ цвѣтномъ халатѣ,а потомъ,работая колѣнками и палкой, разгоняетъ всю толпу.

«Finished, finished»... Съ пристани доносится глухой выстрѣлъ: полдень.

Офицеры выходятъ изъ дворца губернатора и направляются къ пляжу. По излюбленной вѣковой привычкѣ они ходятъ гурьбой и держатся преимущественно мостовой: въ этихъ проклятыхъ вонючихъ колоніяхъ на тротуарѣ изъ окна могутъ облить какой-нибудь мерзостью, а изъ подворотни и вовсе пырнуть ножомъ.

На улицѣ, по которой они проходятъ, гремятъ желѣзныя сторы складовъ и мѣняльныхъ конторъ.

Время купанья, завтрака, подсчета утреннихъ прибылей. Пляжъ зацвѣтаетъ костюмами. Англичане усаживаются на верхней верандѣ ресторана,

вооружаются биноклями и шумно спорятъ о тѣлѣ русской женщины. Пожилому майору съ недостающей, отрубленной мочкой праваго уха крайне непріятно, что русскія дамы избѣгаютъ массажа и нагуливаютъ за лѣто неимовѣрные бока, напоминающіе овощныхъ торговокъ Уайтчепля.

Далѣе ему кажется,что, если войска Его Величества пробудутъ здѣсь еще годъ, въ обращеніи появится добрая тысяча ребятъ смѣшанной расы; въ бинокль видно, какъ на демократической сторонѣ пляжа совсѣмъ рядомъ съ горничными, прачками, кухарками расположилась группа гуркосовъ. И тѣ и другіе завернули волосы въ полотенце и бѣгаютъ на перегонки по круглымъ голышамъ... Каждый день въ мѣняльныя конторы заходятъ женщины въ платочкахъ и, краснѣя, достаютъ изъ узелка большую серебряную монету съ изображеніемъ птицъ — индійскія рупіи.

«А я думаю — говоритъ старикъ въ бѣломъ шлемѣ и золотыхъ очкахъ, главный гарнизонный врачъ — что,когда эти гуркосы попадутъ къ себѣ въ Индію, тамъ начнется небывалая эпидемія сифилиса. Въ городѣ на восемьдесятъ тысячъ населенія имѣется три съ половиной тысячи гуляющихъ дѣвокъ, изъ нихъ три четверти больныхъ»...

Черезъ полчаса и бульваръ,и пляжъ,и торговая улица вымираютъ. Тропическій зной достигаетъ кульминаціонной точки. Одни муши еще толпятся на площадяхъ; на непонятномъ гортанномъ нарѣчіи они переругиваются, вырывая изъ рукъ заса-

ленныя бумажки. Потомъ начинается ежедневное удовольствіе — драка мушей. Большими желѣзными стержнями для запаковки ящиковъ они бьютъ другъ друга по курчавымъ головамъ, по грязнымъ бронзовымъ физіономіямъ, по исцарапаннымъ жилистымъ шеямъ. Зной, голодъ, многопудовыя клажи отбили у нихъ всякую чувствительность, и, когда черезъ полчаса подходитъ лѣнивый грузинъ-милицейскій, по лицамъ уже текутъ струйки смѣшанной съ грязью крови. Дѣло закончится въ англійской полиціи: мудрый сержантъ отправитъ всѣхъ въ принудительную безплатную баню; ихъ зловонныя лохмотья наполнятъ мирьядомъ насѣкомыхъ дезинфекціонную камеру и выйдутъ изъ нея такими же разсадниками всѣхъ существующихъ въ мірѣ болѣзней, привезенныхъ на итальянскихъ луксахъ, греческихъ хлѣбныхъ шхунахъ и просмоленныхъ турецкихъ парусникахъ.

Къ двумъ часамъ дня Реомюръ доходитъ въ тѣни до 35 град., на солнцѣ температура миражей, обмороковъ, мозговыхъ ударовъ.

Въ полотняныхъ пиджакахъ, съ налитыми кровью глазами, мѣнялы возвращаются въ свои душныя конторы, гдѣ рои мухъ и пчелъ гнѣздятся въ ложбинкахъ витринъ,предназначенныхъ для выставки золотыхъ долларовъ, старинныхъ луидоровъ и русскихъ червонцевъ. Липкими одервенѣвшими пальцами они пересчитываютъ мильоны обезцѣненныхъ русскихъ бумажекъ, которыми

полны соломенныя корзины. Немногочисленные фунты благоговѣйно извлекаются изъ внутреннихъ кармановъ жилета. Снова возобновленъ трудовой день. Длинной чредой тянутся персы съ пергаментной, желтой отъ опіума кожей; казаки въ тяжелыхъ папахахъ предлагаютъ дамскія сережки и самоцвѣтные камни; константинопольскіе и синопскіе греки продаютъ фальшивыя десятилировки, ибо никто изъ вновь испеченныхъ мѣнялъ никогда не видѣлъ турецкихъ денегъ. Дряхлая графиня, у которой большевики разстрѣляли четырехъ сыновей, снова умоляетъ устроить продажу ея Сестрорѣцкой дачи.

Томный, стройный брюнетъ, бывшая правая рука Деникина на Терекѣ, продаетъ русское масло и покупаетъ батумскій керосинъ. Брюнетъ извѣстенъ своей венгерской фамиліей и поспѣшнымъ ночнымъ бѣгствомъ изъ его ставки — Пятигорска, гдѣ онъ оставилъ безчисленное военное имущество, офицерскія семьи, штабы, разлагавшуюся армію.

Начальникъ военнаго кабинета Керенскаго, грузный, близорукій полковникъ, скупаетъ германскія марки. Онъ боится вызвать повышеніе цѣнъ; и прежде чѣмъ купить одну-двѣ тысячи марокъ онъ сидитъ часами въ плетеныхъ креслахъ, пьетъ десятками чашекъ приторное крѣпкое кофе, помогаетъ считать деньги, подаетъ совѣты, разсказываетъ эпизоды изъ исторіи паденія Временнаго Правительства. Такъ

онъ проваландается до самаго вечера; за десять минуть до закрытія онъ внезапно поблѣднѣетъ, протретъ платкомъ съ вензелемъ запотѣвшія стекла черепаховыхъ пенснэ и спроситъ подавленнымъ тономъ: «А что наши дейтшланды? Говорятъ въ паденіи»... Его любимый мѣняла, бывшій при первыхъ большевикахъ комендантомъ Ѳеодосіи, прыщавый горбатый студентъ знаетъ номера своего кліента, и сурово отвѣчаетъ: «Марокъ нѣтъ; самъ-бы купилъ, да негдѣ»...

Нѣсколько репликъ, длинный, безуспѣшный для полковника споръ, и очередная тысяча марокъ торопливо засовывается въ особо секретный кошель, идущій вкругъ всего живота. Къ пяти часамъ зной ползетъ испариной по корнямъ пальмъ; моронженщики подымаютъ крикъ на трехъ языкахъ сразу; американцы вылѣзаютъ изъ воды и отправляются на поиски домовъ въ туземную часть города, гдѣ уже заиграла зурна.

II.

Генералъ Ляховъ избралъ себѣ плохое убѣжище. Лучше было бы ему прятаться въ Сѣверной Персіи, которую онъ нѣкогда усмирялъ во главѣ особой казачьей бригады, нежели заниматься разводкой овощей въ собственномъ огородѣ, въ предмѣстьѣ Батума. Населеніе Батумской области — безпокойное, мстительное, во-

сточно-упрямое, восточно-рѣшительное — хорошо запомнило дѣятельность этого новѣйшаго Цинцинната въ первые годы міровой войны.

Командиръ корпуса Кавказской арміи и военный губернаторъ Батумской области, генералъ-лейтенантъ Ляховъ перевѣшалъ за два года столько аджарцевъ, что его жертвами можно было бы заселить еще одинъ Батумъ. Во времена Деникина Ляховъ въ послѣдній разъ свелъ счеты съ кавказцами въ роли Главноначальствующаго Терско-Дагестанскаго Края. Ѣздилъ съ броневикомъ и сметалъ аулы изъ тяжелыхъ орудій...

Въ апрѣлѣ 1920 г. это былъ высокій бравый старикъ; въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ, смѣло ходилъ онъ по улицамъ Батума, чувствуя на себѣ враждебные истребительные взгляды молчаливыхъ людей въ чалмахъ и фескахъ.

Въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ Ляховъ высматривалъ помѣщеніе для моднаго занятія — мѣняльной конторы. Такъ его застигли въ первый разъ въ огородѣ на дачѣ. Три аджарца залегли за изгородью и открыли пальбу; генералъ отбивалъ лопаткой пули и съ той же лопаткой кинулся на убійцъ.

Всѣ трое бѣжали.

Англичане сказали генералу: «Вы, конечно, герой, но съ одной лопаткой далеко не уѣдешь; каждый день на васъ подготовляется добрая сотня заговоровъ. Убирайтесь по добру, по здо-

рову въ Константинополь». День его отъѣзда опредѣлили на 29 апрѣля. Утромъ Ляховъ прошелъ въ церковь отслужить панихиду по женѣ; англійскій миноносецъ развелъ пары и ждалъ генерала на рейдѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра онъ вышелъ изъ церкви. И снова трое въ фескахъ пошли за нимъ, приблизились на пять шаговъ и разрядили въ его спину три обоймы трехъ маузеровъ. Выстрѣлы среди бѣлаго дня? Мѣнялы всполошились: должно быть грабежъ... Поспѣшно закрыли конторы, загремѣли желѣзными жалюзи. Когда выяснилось, что произошло чистое убійство безъ грабежа, снова открыли лавки. День выдался тревожный. Пробѣжалъ слухъ о занятіи Баку большевиками. Фунты прыгнули на 40 проц.; полковникъ Гаррисъ, ѣдучи на панихиду по Ляховѣ, заѣзжалъ по дорогѣ во всѣ конторы и скупалъ всю имѣющуюся валюту.

А вечеромъ въ общественномъ собраніи заожесточеннымъ макао секретарь Распутина — человѣкъ съ невѣроятнымъ акцентомъ, склонностью къ пессимизму и небольшими черненькими усами—разсказывалъ, что говорилъ старецъ о Ляховѣ. И снова, какъ это уже происходило второй годъ, восторженные слушатели говорили въ одинъ голосъ: «Аронъ Семеновичъ! Вамъ нужно писать мемуары. Вы на нихъ заработаете больше денегъ, чѣмъ на размѣнѣ»!.. Аронъ Семеновичъ презрительно улыбался и загибалъ

пальцы на обѣихъ рукахъ: «Во-первыхъ мѣнялку я держу не для заработка, а чтобы сыны мои за дѣвчонками не бѣгали. Деньги есть деньги. Имъ нравится, когда денегъ больше съ каждымъ днемъ, тогда имъ плевать на ажуръ и амуръ. Значитъ есть здоровье. Во-вторыхъ я вамъ скажу, дворяне не отмоютъ на себѣ кровь Распутина еще двадцать лѣтъ. И генералы тоже. Ляхова убили. Убьютъ еще сто Ляховыхъ!»...

У секретаря старца по слухамъ имѣлся фунтъ камней голубой воды, жену свою — толстую картежницу — онъ не успѣлъ вывезти изъ Кіева, и въ Батумѣ породистыя бѣженки находили, что Аронъ Семеновичъ не такъ плохъ, какъ о немъ говорятъ...

«La carte passe! et la carte passe!» — возглашалъ крупье, бывшій конногвардеецъ. Въ сосѣдней залѣ затянутые въ парадные френчи лейтенанты танцовали негритянскіе уан- и тустепы, здѣсь за зеленымъ столомъ за неполный часъ оставлялись двухлѣтній грабежъ на фронтѣ гражданской войны, вывезенное женино колье, заработокъ знойныхъ тяжелыхъ недѣль.

Проигравшіеся сидѣли на верандѣ, терзаясь воспоминаніями. Охотничій клубъ, литературный кружокъ, Екатерининское собраніе — если-бы у этого накрашеннаго господина въ дешевомъ итальянскомъ костюмѣ, добывавшаго обѣдъ подачками англичанъ, а ужинъ похабными анекдотами въ кругу пароходчиковъ-гре-

ковъ, если-бъ его спросили о прежнемъ титулѣ и положеніи — пришлось бы зарыться въ дебри англійскаго клуба въ Москвѣ, припомнить фамиліи старшинъ клуба въ дни чествованія Багратіона. Сегодня ему ничто не удавалось. Его главный покровитель, албанскій грекъ и бывшій турецкій офицеръ, разбогатѣвшій на скупкѣ краденаго имущества трехъ армій (русской, турецкой, англійской), получилъ извѣстіе, что въ Баку большевиками захваченъ цѣлый поѣздъ съ его консервами. Албанецъ нервно теребилъ янтарныя четки, самъ не ужиналъ и не хотѣлъ понимать намековъ накрашеннаго господина...

Внезапно лакеи засуетились. Старшина, туземный нотаріусъ, атлетъ и глухарь, кинулся къ входной двери, откуда въ сопровожденіи англійскихъ офицеровъ и четырехъ молодцеватыхъ мюридовъ вплывалъ круглолицый, усатый аджарецъ, въ бѣлой чалмѣ, со шрамомъ на щекѣ, придрагоцѣнномъ оружіи. Кискинъ-Задэ въ ознаменованіе смерти его страшнаго врага Ляхова, нѣкогда давшаго ему 25 плетей, рѣшилъ посѣтить собраніе гяуровъ. Широко растопыренными пальцами онъ держалъ громадный букетъ одуряющихъ туберозъ, преподнесенный женой англійскаго губернатора.

Еще яростнѣй заиграли негритянскій тустепъ, еще отчетливѣй застучали каблуками молодые лейтенанты. Какъ-никакъ, а Кискинъ-За-

дэ являлся все-же въ нѣкоторомъ родѣ избранникомъ Его Величества.

III.

Послѣднее осеннее цвѣтеніе. Измѣнился фонъ, нѣтъ больше кіевскихъ нѣмцевъ, ростовскихъ казаковъ, новороссійскихъ марковцевъ. Но и здѣсь не избѣжать эвакуаціи. И снова повторяются ея три вѣрнѣйшихъ признака: бѣшенство спекуляціи, баснословныя цифры грабежей, пріѣздъ театра «Кривой Джимми», который, какъ статуя командора, появлялся наканунѣ смерти всѣхъ украинскихъ, донскихъ, кавказскихъ городовъ.

Уйдутъ или не уйдутъ англичане? Въ попыткахъ разрѣшить эту основную проблему всѣхъ трехъ лѣтъ бѣженства худѣли мѣнялы, теряли аппетитъ молодые люди изъ контръ-развѣдки, возросталъ престижъ учрежденій защитнаго цвѣта: кооперативовъ, центросоюза, профессіональныхъ организацій.

Сами англичане славно поддерживали марку традиціонной загадочности. Разъ въ недѣлю бѣлые шлемы изъ британскаго б..нка черезъ шантанныхъ пѣвицъ и болтливыхъ стариковъ пускали слухи — «уйдемъ не позже чѣмъ на будущей недѣлѣ»...

На утро фунты дорожали сразу на 200-300

проц.,переводчики губернатора за безболѣзненное полученіе визы брали вмѣсто пяти фунтовъ двадцать, встревоженные пиджаки, шляпки и папахи осаждали контору итальянскаго пароходства...

Проходило два-три дня, англичане банка и штаба успѣвали продать свои фунты, губернаторъ вывѣшивалъ объявленіе о строжайшемъ наказаніи породителямъ слуховъ объ уходѣ войскъ Его Величества, фунты летѣли внизъ, въ витринахъ мѣнялъ появлялось безчисленное множество второпяхъ закупленныхъ брилліантовъ, плачущія дамы не знали, что имъ дѣлать съ билетомъ 1 класса до Венеціи, « la nourriture y compris», англичане съ громадной прибылью покупали обратно свои фунты и брилліанты, глупый бѣженскій анекдотъ снова повторялся и не было ему, казалось, ни начала ни конца.

.... Но паденіе Азербейджанской республики всполошило не на шутку всю эту усталую накипь. Въ началѣ мая на пароходѣ «Сюира» покинули кавказскіе берега всѣ тѣ, кого не сумѣли загубить ни кисловодская чека, ни одесская недѣля мирнаго возстанія, ни всероссійскій палачъ — сыпнякъ. Уѣзжала Россія первая — бывшіе министры, попечители, банкиры, уѣзжала Россія вторая — нувориши, почуявшіе близкій конецъ, комиссары, грабнувшіе и больше всего боявшіеся прихода «нашихъ», могущихъ припомнить былыя дѣла, интернаціональ-

ное демократическое сословіе мѣнялъ, крупье, шуллеровъ.

На третьемъ часѣ поѣздки заговорила Россія третья. На палубѣ раздался выстрѣлъ. Въ каютъ-компанію зашелъ бритый человѣкъ въ отличномъ дорожномъ костюмѣ съ маузеромъ въ рукахъ, попросилъ пассажировъ не волноваться и безъ сопротивленія сдавать имѣющіяся суммы. Во всѣхъ проходахъ, машинномъ отдѣленіи, у радіо-телеграфа стояли такіе-же люди съ такими-же маузерами.

Послѣ краткаго, но энергичнаго сбора, во время котораго у жены одного изъ видныхъ союзныхъ сановниковъ, оказалось совершенно оглушительное количество брилліантовъ, представители третьей Россіи сѣли на лодки и уѣхали, на прощанье распорядившись всѣмъ пострадавшимъ подать шампанское...

Въ Константинополѣ большинство изъ пассажировъ «Сюира» отказалось отъ мысли продолжать поѣздку и уныло сошло на берегъ, утѣшаясь мыслью о ничтожности своихъ потерь въ сравненіи съ потерей союзной дамы, у которой блилліанты были величиной въ слезу армянскихъ сиротъ... (ея мужъ опекалъ Арменію).

Герои происшествія на «Сюирѣ» были пойманы лишь спустя нѣсколько недѣль. Пока-же, въ видѣ нравоученія и для прекращенія слуховъ объ участіи въ грабежѣ ставленника Его Величества Кискинъ-Задэ, англичане рѣшили нака-

зать кого-либо изъ имѣющихся въ ихъ рукахъ «туземныхъ бандитовъ». Въ Батумской тюрьмѣ уже второй годъ содержалась компанія изъ восьми грузинъ, подозрѣвавшихся въ какомъ-то грабежѣ.Въ шесть часовъ утра на главную площадь города были доставлены въ грузовикахъ всѣ восемь. По англійскому обычаю у нихъ были забинтованы лица и ихъ привязали къ спеціально поставленнымъ столбамъ. Церемонія разстрѣла, чтобы не пріучать индусовъ къ убійству бѣлыхъ, была поручена взводу моряковъ. Послѣ двухъ сухихъ залповъ къ каждому изъ восьми подошелъ лейтенантъ, командовавшій взводомъ и для вѣрности всадилъ еще по пулѣ въ голову каждаго. Въ шесть часовъ десять минутъ бравые «бобби» уже разгоняли любопытную толпу, густыми цѣпями осаждавшую площадь.

Возмездіе свершилось. Къ полудню фунтъ опять повысился: Аронъ Семеновичъ сказалъ, что онъ эти штуки знаетъ: передъ эвакуаціей всегда разстрѣливаютъ грабителей... Его тѣлохранитель и кассиръ, бывшій начальникъ конныхъ развѣдчиковъ въ добровольческомъ корпусѣ, прибавилъ, что въ Екатеринославѣ онъ самъ командовалъ подобной церемоніей и простить себѣ не можетъ, какъ это онъ не догадался купить валюту въ тотъ-же день...

И уже больше никого не радовали ни пальмы, ни карминовые закаты, ни великолѣпный экспрессъ съ вагонъ-рестораномъ, который за

неполныхъ двѣнадцать часовъ привозилъ въ Тифлисъ. Что толку было торчать въ Батумѣ, когда въ Баку уже засѣдалъ конгрессъ коммунистовъ и нефтепроводъ не давалъ ни капли нефти? Какая радость была отъ поѣздокъ въ Тифлисъ, если совѣтскій посолъ Кировъ уже произносилъ съ балкона своего дома зажигательныя рѣчи, а грузинскій министръ добродушно признался, что въ случаѣ чего его армія продержится отъ полудня до слѣдующей полуночи...

Въ серединѣ іюня англійскій губернаторъ извѣстилъ населеніе, что на мѣсто отбывающихъ на родину англійскихъ войскъ въ Батумъ прибываютъ французы...

По кривымъ уличкамъ, съ воемъ пронзительныхъ рожковъ, трещетокъ, съ боемъ барабановъ, входили колоніальныя войска — сенегальцы въ фескахъ. Сомнѣній больше не было. Значитъ судьба Батума предрѣшена. И, умудренные одесскимъ опытомъ, послѣдніе могикане бѣженства больше не желали ждать. Бѣдные ѣхали въ Крымъ, гдѣ дѣла Врангеля какъ-будто налаживались, гдѣ по слухамъ была холера и значитъ нужда въ рисѣ и медикаментахъ. Обладатели валюты не вѣрили ни въ Крымъ, ни въ рисъ, ни въ медикаменты, ни въ товарообмѣнъ, ни въ сенегальцевъ.

Впереди былъ еще одинъ этапъ — Босфоръ,

конторы грязной Галаты, ослѣпительный «Пера-Паласъ».

***

Чѣмъ больше итальянскій пароходъ, тѣмъ меньше можно вѣрить въ аккуратность его отходовъ и приходовъ.

Въ послѣдній моментъ комиссаръ нашего Triestino вспомнилъ, что онъ чего-то не успѣлъ купить и опрометью кинулся на берегъ. Какое-то особенное нервозное нетерпѣніе овладѣло всѣми нами. На пароходѣ уже вѣяло Европой. Въ кокетливомъ барѣ негры въ расшитыхъ ливреяхъ говорили на отчаянной смѣси четырехъ языковъ, въ салонѣ валялась кѣмъ-то завезенная программа скачекъ въ Longchamp, на столахъ блистали давно невиданныя скатерти; матросы не толкали, не грозили, не вышвыривали съ палубы сундуковъ, контролеръ взялъ билетъ и сказалъ «gratia, signore». Но тѣмъ чувствительнѣй была задержка. Скорѣй, скорѣй...

Наконецъ, комиссаръ вернулся. Вслѣдъ за нимъ изъ катера вылѣзъ и поднялся по трапу высокій, изящный человѣкъ съ орлинымъ носомъ и чуть-чуть подведенными губами. Онъ былъ въ штатскомъ сѣромъ костюмѣ, но ясно чувствовалась въ немъ привычка къ шпорамъ и мундиру. Онъ говорилъ по-итальянски съ тѣмъ рулиро-

ваніемъ, по которому такъ нетрудно узнать русскаго.

Въ каютъ-компаніи къ нимъ присоединился французъ-экспортеръ, уѣзжавшій въ Бриндизи. Они оживленно заговорили о какихъ-то товарахъ. Соотечественникъ нѣсколько разъ просилъ быть осторожными, особенно при выгрузкѣ; Французъ и комиссаръ титуловали своего собесѣдника «сіятельствомъ» и просили не волноваться.

«C'est clair comme bonjour, c'est clair comme bonjour!» — нѣсколько разъ повторялъ французъ.

Послѣ второго гудка соотечественникъ попрощался и уѣхалъ на берегъ, откуда онъ долго махалъ платкомъ.

...Крутой поворотъ и, взявъ курсъ въ открытое море, мы проходимъ мимо бульвара. Доносится музыка сенегальскаго оркестра. За шумомъ машины трудно разобрать, что именно играютъ. Пальмы становятся меньше и меньше, люди превращаются въ цвѣтныя пятна.

На спардэкѣ собралась толпа во главѣ съ Арономъ Семенычемъ. Прощаніе съ Батумомъ его не слишкомъ взволновало. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ обычной, кривой, презрительной улыбочкой говоритъ: «Ну, какъ вамъ понравился этотъ совѣтскій графъ»?

«Какой графъ»?..

Выясняется, что новый торговый агентъ со-

вѣтовъ въ Батумѣ графъ Бенкендорфъ и былъ тотъ господинъ, котораго привозилъ комиссаръ парохода.

... Въ Бриндизи я встрѣтилъ француза-экспортера, сіяющаго, веселаго, насвистывающаго «Маделонъ». Повидимому, опасенія Бенкендорфа оказались неосновательны.

C'est clair comme bonjour!..

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.

Дописываю и смотрю на календарь: 12 мая, т.е. тамъ въ Россіи было бы 30 апрѣля.

Пять революціонныхъ весенъ; пять разъ 30 апрѣля.

1917 годъ: падаетъ первое Временное Правительство, рождается первая гнилая коалиція.

1918 годъ: хлѣборобы провозглашаютъ гетмана, народная армія на Волгѣ, освобожденіе Дона, берты громятъ Парижъ.

1919 годъ: очистительная Манычская гроза, Деникинъ выходитъ на «широкую московскую дорогу»; Колчакъ подъ Казанью, словоблудіе Версаля. Мы прокляли французовъ за Одессу, мы молимся на англичанъ за танки.

1920 годъ: Пилсудскій въ Кіевѣ, Деникинъ въ Лондонѣ; служатъ панихиды по Колчакѣ, Романовскомъ; Врангель уговариваетъ голодныхъ и вшивыхъ спасать сытыхъ и глухонѣмыхъ. Апогей лимитрофныхъ республикъ.

1921 годъ: ничего кромѣ стоновъ съ Лемноса, горькаго похмелья Парижа, Берлина, Лондона...

Россія, Европа, міръ?

Le silence eternel de ces espaces infinies m'effraye...

Пятая весна. Въ пятый разъ изъ заброшенныхъ, ненужныхъ могилъ подымается буйная трава. Помню свою поѣздку осенью 1918 въ Австрію. Отъ Казатина до самаго Тарнополя тянулась на сотни верстъ братская могила: горизонтъ былъ въ крестахъ, окопахъ; поле, взрытое фугасами, и отовсюду непобѣдимая новая жизнь.

Вертится колесо и дальше, дальше...

Калединъ застрѣлился 29 января 1918:въ самомъ началѣ не повѣрилъ, не захотѣлъ гоняться за дьявольской каруселью. Жена его, бывшая французская актриса — цѣлый годъ ходила на могилу своего Alexis'a, одинокая, сѣдая, гордая, ни съ кѣмъ слова не скажетъ, а за ней по бокамъ два старенькіе подслѣповатые пуделя. Потомъ и она поспѣшила въ невозвратное, похоронили ее рядомъ съ атаманомъ. Пришли вторые большевики, осквернили обѣ могилы.

Мы будемъ судить васъ живыхъ и мертвыхъ!— грозилъ какъ-то Стекловъ, въ дни массовыхъ разстрѣловъ...

Россія — ледяная пустыня, по которой ходитъ лихой человѣкъ — вотъ ужасъ реалиста изъ реалистовъ, циничнѣйшаго Побѣдоносцева!

Онъ еще не видѣлъ этого «лихого». Русскій лихой—сыпнякъ. Коситъ, безпощадный, острый, слѣпой: Евгеній Трубецкой и Мамонтовъ, Пуришкевичъ и партизанъ Семилѣтовъ.

Итакъ, что-жъ это — конецъ-ли уже? Или только робкая прелюдія? «Вошь-ли съѣстъ ком-

мунистическую Россію или коммунистическая Россія побѣдитъ вошь»? (Ленинъ)...

Сто милліоновъ голодныхъ, замерзшихъ, отупѣвшихъ спятъ со сжатыми кулаками и благоговѣйно грезятъ: въ Бога не вѣримъ, чорта не боимся, диктаторы не спасли, союзники не приходятъ, о нѣмцахъ не слышно!...

Спаси насъ великая, единственная русская вошь!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Paris-Battlefields	7
Продавцы шпагъ	13
Анархисты	57
Распорядители крови	89
Золотое сердце	107
Украинская ночь	129
Послѣдняя отрада	159
Послѣднія слова	183

Русское Книгоиздательство въ Парижѣ

„СѢВЕРЪ"

31, rue de Richelieu, Paris (Ier)

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

ДОНЪ-АМИНАДО. «Дымъ безъ отечества» ц. 6 фр.
А. ВЕТЛУГИНЪ. «Авантюристы гражданской войны» . . . . . ц. 9 фр.
ПЕТРЪ РЫССЪ. «Русскій опытъ» . . ц. 10 фр.

Библіотека Зеленой Палочки.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО. «Пѣснь о Гайаватѣ», въ переводѣ Академика Ив. Ал. Бунина ц. 12 фр.
А. И. КУПРИНЪ. Разсказы для дѣтей ц. 10 фр.
Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ. «Необыкновенное приключеніе» . . . . . ц. 4 фр.
АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ. «Разсказы для дѣтей» . . . . . ц. 5 фр.
АЗБУКА Льва Николаевича Толстого ц. 3 фр.

Продажа во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы и Америки.

Заказы принимаются въ складѣ Издательства почтовыми или банковскими переводами.

Editions «SEVER», 31, rue de Richelieu, Paris.